
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

№ 82. 1-го января 1905 г. Годъ V.

ГИБЕЛЬ ПОРТЪ-АРТУРА.

ЗА ДВА ГОДА.

Часть II.

145238

БИБЛІОТЕКА СОЦІАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Сборникъ статей изъ „Искры":
П. Аксельрода, Ф. Дана, Кольцова,
Л. Мартова, Мартынова, Парвуса,
Г. Плеханова, Н. Троцкаго.

31872
61/14448

ИЗДАНІЕ С. М. САЛТЫКОВА.

„ЗА ДВА ГОДА“.

„Русская революція и Европа“.
„Междунар. соціализмъ“.
„Основы тактики“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отдѣлъ I:

Русская Революція и Европа.
Международный соціализмъ.

Европейскій судъ надъ русской революціей.

(25 февраля 1904 г. № 60).

Четыре нѣмецкихъ министра торжественно и рѣшительно осудили русскую революцію. Они заявили, что германское правительство намѣрено и впредь, какъ это дѣлало до сихъ поръ, преслѣдовать русскихъ соціалистовъ и сочувствующихъ соціализму русскихъ студентовъ, выслѣживать ихъ съ помощью шпіоновъ нѣмецкихъ и содѣйствовать травлѣ ихъ шпіонами русскими, при случаѣ арестовывать ихъ и выдавать Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, карать и тѣхъ нѣмецкихъ подданныхъ, которые будутъ уличены въ „пособничествѣ и попустительствѣ“ дѣлу русской революціи.

Четыре дня дебатовъ въ германскомъ рейхстагѣ и прусскомъ ландтагѣ, вызванныхъ запросомъ нашихъ нѣмецкихъ товарищей по поводу систематическихъ происковъ русской политической полиціи въ Германіи и преслѣдованій нѣмецкихъ соціалдемократовъ за содѣйствіе транспорту русскихъ революціонныхъ изданій,— эти четыре дня дебатовъ не прошли все же даромъ. Вѣрная своей обычной тактикѣ, германская соціалдемократія и въ этомъ случаѣ заставила германское буржуазное общество въ лицѣ его оффиціальныхъ представителей сорвать съ себя маску и высказать сокровенный смыслъ своей политики. Послѣ ряда попытокъ отрицать самый фактъ полицейскаго хозяйничанія русскаго правительства въ Германіи и своихъ лакейскихъ услугъ ему въ этой области, послѣ того, какъ—не безъ помощи фальсификаціи цитатъ—оно попыталось увѣрить, что преслѣдуетъ однихъ только „анархистовъ“—германское правительство устами Бюлова цинично признало, что оно намѣрено всѣми зависящими отъ него средствами помогать самодержавію въ его борьбѣ съ русской революціей.

Да! правительству, преслѣдующему балтійскихъ нѣмцевъ, какъ

„агентовъ пангерманизма“, правительству, варварски преслѣдующему, во имя православія, русскихъ евангелистовъ-баптистовъ, какъ проводниковъ „нѣмецкой интриги“, и заключившему двойственный союзъ въ цѣляхъ парализованія германской гегемоніи на международной аренѣ; этому правительству оффиціальная Германія обѣщаетъ свое безусловное содѣйствіе въ дѣлѣ борьбы за его существованіе. Силы одной изъ культурнѣйшихъ европейскихъ странъ отдаются въ распоряженіе злѣйшаго врага европейской культуры.

Г. Бюловъ не удержался на позиціи борьбы съ террористическимъ анархизмомъ, въ понятіе котораго онъ пытается втиснуть русскій политическій терроризмъ. Выбитый изъ этой традиціонной полицейской позиціи, онъ, ссылаясь на недавнюю статью Каутскаго, сказалъ ясно и кратко: нѣмецкіе соціалдемократы привѣтствуютъ предстоящее паденіе самодержавія, какъ первый ударъ дѣлу международной реакціи, какъ такое событіе, которое должно повлечь за собою политическую демократизацію Германіи. Именно поэтому мы намѣрены душить русскую революцію. Именно поэтому честь и доброе имя Германіи будутъ отданы въ полную собственность агентамъ Плеве!

И германская буржуазія апплодировала этимъ словамъ. Стыдливо прячась за ширмой „борьбы съ анархизмомъ“, не существующимъ въ Россіи, и борьбы съ терроризмомъ, отрицаемымъ громаднымъ большинствомъ русскихъ революціонеровъ, она, поддержавъ свое правительство, публично признала, что дѣло распространенія европейской культуры, дѣло политической и гражданской свободы навсегда предано ею врагамъ культуры и свободы.

И русская революція, единственная представительница европейской культуры въ своей странѣ, вышла изъ этихъ недавнихъ дебатовъ все также изолированной, все также лишенной другихъ союзниковъ, кромѣ сознательныхъ пролетаріевъ Запада. Германская буржуазія, не перестающая чтить своихъ великихъ революціонеровъ 48-го года; французская буржуазія, молящаяся тѣнямъ титановъ 1789—1792 годовъ отрекались разъ навсегда отъ всякой солидарности съ тѣми, кто борется за русскіе 1789 и 1848 гг., отъ солидарности съ тѣми, на кого исторія возложила задачу — додѣлать въ Петербургѣ и въ Москвѣ то, что было начато въ Парижѣ и продолжено въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Процессъ ликвидаціи стараго порядка въ Европѣ переносился

изъ одной страны въ другую при восторженныхъ рукоплесканіяхъ гражданъ, успѣвшихъ ранѣе освободиться отъ одного и того же, по своей природѣ, сословно абсолютистскаго ига. За паровой машиной, разрушавшей основы стараго порядка, въ преобразовавшіяся ею страны неслись изъ передовыхъ странъ не только революціонныя идеи, но и живыя симпатіи освободившей себя уже буржуазіи. Революціонный классъ—буржуазія—двигала дѣло міровой культуры, способствуя революціонизированію новыхъ и новыхъ обществъ.

Россія не успѣла воспользоваться крохами съ этого богатаго пира буржуазной революціи. Пасынки исторіи, мы пробуждены были европейской культурой въ тотъ моментъ, когда она исчерпала всю буржуазную оболочку и когда вчерашій борецъ за нее—европейская буржуазія—утратила интересъ борьбы за ея міровое распространеніе. И вторженіе паровой машины въ наше народное хозяйство принесло намъ, вмѣстѣ съ потребностью въ свободѣ, звуки великой классовой борьбы пролетаріата, но, вмѣстѣ съ ними, къ намъ залетѣлъ и похоронный мотивъ той отходной, которую исторія поетъ европейской буржуазіи.

И вотъ мы одни въ борьбѣ съ сильнымъ еще абсолютизмомъ, подкрѣпленнымъ всей матеріальною мощью, которую европейская буржуазія можетъ еще принести своему верховному повелителю—самодержавію Россіи. Одни—ибо европейскій пролетаріатъ, съ живымъ сочувствіемъ слѣдящій за нашей борьбой, не властенъ воспрепятствовать буржуазной Европѣ въ ея предательствѣ интересовъ европейской культуры. Одни, потому что не свергнутый нами еще абсолютизмъ самъ доставляетъ буржуазной Европѣ средства для того, чтобы держать въ уздѣ революціонный пролетаріатъ свободныхъ странъ.

Германія арестуетъ, преслѣдуетъ, изгоняетъ и выдаетъ русскихъ революціонеровъ; Австрія состязается съ ней въ этомъ благородномъ занятіи; французская пресса отравляетъ общественное мнѣніе культурнаго міра апологіей царизма и замалчиваніемъ русскаго освободительнаго движенія; французская, германская и бельгійская буржуазія соревнуетъ въ постановкѣ деспотизму капиталовъ, необходимыхъ для поддержанія его существованія. Освободившіе себя—подъ натискомъ пролетарскаго движенія—во имя котораго сражались и умирали ихъ великіе предки — буржуазные классы Запада всѣ свои силы отдаютъ дѣлу сохраненія послѣдняго оплота до-буржуазнаго варварства.

И не при побѣдныхъ кликахъ человѣчества освободимся мы отъ нашего рабства. Европа, отъ имени которой говорятъ Бюловы и Делькассэ, встрѣтитъ нашу свободу зубовнымъ скрежетомъ, и реакціоннымъ воемъ попытается заглушить привѣтствія европейскаго пролетаріата.

Пасынкамъ исторіи—намъ не суждено испытать иллюзій, которыя окрасили первые дни свободы на Западѣ... Съ первыхъ же минутъ передъ нами будетъ стоять во всеоружіи своей матеріальной мощи міровая буржуазія, историческое дѣло которой мы содѣлываемъ, и попытается оторвать насъ отъ той культуры, пріобщеніе къ которой мы покупаемъ потоками своей крови.

И, чтобы отстоять с в о е право на активное участіе въ міровой цивилизаціи, мы должны быть готовы изъ глубины своихъ „восточныхъ степей“ бросить гордый вызовъ измѣнившей своему дѣлу буржуазной Европѣ, должны возженный у насъ факелъ революціи перебросить назадъ въ Европу, гдѣ революціонной искры ждутъ горы приготовленнаго самой буржуазіей горючаго матеріала.

Невольные участники вѣковыхъ преступленій, совершенныхъ отъ имени Россіи надъ европейской цивилизаціей, мы сторицей воздадимъ своимъ европейскимъ учителямъ. Кровь, которую щедро прольетъ русскій пролетаріатъ въ дни близкой уже революціи, будетъ пролита во имя свободы Россіи, и во имя дѣла п р о л е т а р і а т а в с е г о м і р а. Буржуазная Европа топчетъ въ грязь свою политическую и національную честь ради русскаго самодержавія. Дѣломъ классовой чести русскаго пролетаріата, дѣломъ политической чести русской революціи является дать первый толчекъ къ ликвидаціи всеевропейской реакціи, къ освобожденію всего міра отъ антикультурной и реакціонной въ наши дни классовой диктатуры всемірной буржуазіи.

Наша борьба оживитъ въ европейскихъ народахъ воспоминанія о славныхъ дняхъ революцій, создавшихъ современный гражданскій строй. Она живымъ примѣромъ напомнитъ народамъ, что долгія десятилѣтія подготовительной исторической работы имѣютъ свое логическое завершеніе въ бурныхъ мѣсяцахъ коренной революціонной ликвидаціи...

Гг. фонъ-Бюловъ, Гаммерштейнъ, Рихтгофенъ и Шенштедтъ скрѣпили своей подписью обвинительный приговоръ европейской буржуазіи надъ дѣломъ русской революціи, дѣломъ русскаго пролетаріата. Тѣмъ самымъ они подписали европейской буржуазіи обвинительный приговоръ по дѣлу о предательствѣ ею интересовъ

міровой культуры. Тѣмъ самымъ они освятили наше революціонное дѣло въ глазахъ наслѣдника этой культуры — пролетаріата цивилизованнаго міра. И черезъ головы оффиціальныхъ представителей Европы пролетаріи „восточныхъ степей“ привѣтствуютъ своихъ западныхъ собратьевъ побѣднымъ кличемъ: положитесь на насъ, мы исполнимъ свой долгъ — долгъ пасынковъ европейской цивилизаціи!

Л. Мартовъ.

Первое мая.

(18 апрѣля 1904 г. № 64).

Пятнадцатая годовщина майскаго праздника всемірнаго пролетаріата.

Много пораженій, много побѣдъ пережилъ международный соціализмъ за эти полтора десятка лѣтъ, протекшіе со времени его перваго майскаго смотра. Непосредственный результатъ перваго послѣ паденія интернаціонала, оформленнаго сближенія рабочихъ партій разныхъ странъ,—идея майской манифестаціи, принятая на парижскомъ конгрессѣ, родилась въ атмосферѣ горячихъ надеждъ, возбужденныхъ тѣмъ обостреніемъ классовой борьбы, которое характеризовало восьмидесятые годы, смѣнивъ собою затишье предыдущаго десятилѣтія, хоронившаго несбывшіяся упованія коммуны. Въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ началось революціонно-соціалистическое движеніе и ознаменовалось бурными и кровавыми демонстраціями въ Трафальгаръ - скверѣ, съ одной стороны, чикагскимъ политическимъ убійствомъ яко бы „анархистовъ“, съ другой, во Франціи и Бельгіи въ крупныхъ и бурныхъ стачкахъ восьмидесятыхъ годовъ выливался накопленный запасъ энергіи несложившагося еще въ единую партію классового движенія. Въ Германіи соціалдемократія закалялась, политически воспитывалась и воспитывала пролетаріатъ подъ тяжелыми ударами исключительнаго закона—въ борьбѣ съ нимъ. А кругомъ рушилась, треща по всѣмъ швамъ, европейская буржуазная демокра-

тія, сдавая безъ боя свои политическія позиціи, отступая по всей линіи передъ той всемірной реакціей, которая сформировалась въ эти восьмидесятые годы, чтобы отлиться въ окончательную, повидимому, политическую форму всемірной классовой диктатуры буржуазіи. И провозглашенная впервые наканунѣ послѣдней мірової буржуазной революціи, идея международной пролетарской солидарности, пытавшаяся воплотиться политически въ интернаціоналѣ и слегка затертая въ сѣрые будни, послѣдовавшіе за неудачей революціи 71 года, снова выплывала на свѣтъ Божій, какъ только встали, въ силу хода классовой борьбы въ разныхъ отдѣльныхъ странахъ, великіе основные интересы пролетарской политики, лишь только почувствовавшее свою силу рабочее движеніе отдѣльныхъ націй вплотную подошло къ вопросамъ о крупныхъ, революціонныхъ по своимъ послѣдствіямъ, соціальныхъ реформахъ, къ вопросамъ борьбы съ основнымъ устоемъ политической реакціи—милитаризмомъ. Ибо идея международной солидарности, ибо интернаціонализмъ современнаго соціалистическаго движенія не есть одинъ изъ частныхъ пунктовъ его программы; нѣтъ, въ немъ находитъ свое выраженіе самая сущность этой программы, ея „революціонная душа“. И подобно кислотѣ, очищающей металлъ отъ окислившихся на немъ посторонніхъ элементовъ, идея международности пролетарской политики, воплощающая ея революціонную сущность, обладаетъ свойствомъ, охвативъ собою „національное“ рабочее движеніе данной страны, революціонизировать его и дать ему сильный толчекъ по пути его освобожденія отъ исторической накипи всякаго рода буржуазныхъ вліяній.

Ближайшее слѣдствіе развитія классовой борьбы въ разныхъ странахъ цивилизованнаго міра, въ 1880-хъ годахъ—парижскій международный конгрессъ оказалъ значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе пролетарской борьбы въ разныхъ странахъ, санкціонировавъ впервые, такъ сказать, оффиціально господство надъ этой борьбой программы современнаго научнаго соціализма. Майская демонстрація подъ знаменемъ международной солидарности и во имя однородныхъ требованій международной солидарности и во имя однородныхъ требованій международно-единой классовой политики—таковъ былъ боевой лозунгъ, данный этимъ конгрессомъ. Въ ней подводились итоги завоеваніямъ, сдѣланнымъ марксистскимъ пролетарскимъ соціализмомъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ.

Прошли годы. Рабочій интернаціоналъ, вновь провозглашенный въ Парижѣ, раскинулъ свои вѣтви по всему лицу земного шара. Его основное ядро—западно-европейскій континентъ—представленъ намъ гораздо болѣе внушительными силами, чѣмъ тѣ, которые впервые послѣдовали призыву къ майской демонстраціи. Германская соціалдемократія утроила свои силы, бельгійская и австрійская лишь въ теченіе девяностыхъ годовъ заняли то положеніе, которое дѣлаетъ ихъ сильнѣйшими—послѣ германской—рабочими партіями. Гораздо болѣе болѣзненно развивавшаяся французская партія лишь черезъ десять съ лишнимъ лѣтъ послѣ парижскаго конгресса достигла того объединенія, безъ котораго былъ немыслимъ ростъ ея политическаго значенія. Быстро выросла итальянская соціалдемократія, и однѣ за другими возникали и дѣлали свои политическія завоеванія рабочія партіи, партіи въ Венгріи, Голландіи, Даніи, Швеціи, балканскихъ государствахъ. А на крайнемъ востокѣ Европы десятилѣтіе девяностыхъ годовъ впервые увидѣло быстро растущее и непрерывно развивающееся пролетарское движеніе, съ первыхъ же шаговъ окрашенное идеологіей соціалдемократіи.

Новому рабочему интернаціоналу тѣсно уже, однако, въ предѣлахъ стараго міра, рамки котораго безостановочно раздвигалъ прогрессъ капиталистическаго развитія. Старая Англія продолжала спать въ блаженномъ невѣдѣніи широкой классовой борьбы въ ея современной революціонной формѣ, но въ Соединенныхъ Штатахъ уже сложилась сильная соціалистическая партія, и съ чисто „американской“ быстротой она въ нѣсколько лѣтъ нагнала нѣкоторыхъ своихъ европейскихъ сестеръ. Перекинувшись черезъ Америку, свилъ себѣ гнѣздо соціализмъ въ Японіи, а черезъ Уральскія горы перебросилъ пламя своей агитаціи въ города восточной Сибири. А въ самые послѣдніе дни, первая избирательная побѣда соціалистической партіи въ Аргентинской республикѣ показала старому міру, что капиталистическій прогрессъ даетъ одни и тѣ же соціальные продукты на югѣ и на сѣверѣ отъ экватора.

Экстенсивное распространеніе соціализма придало широкоинтернаціональный характеръ тѣмъ явленіямъ, которыми сопровождался и сопровождается процессъ внутренняго роста движенія, его интенсивнаго развитія. Протекшія 15 лѣтъ полны были явленіями этого рода, полны были моментовъ такъ называемаго у враговъ пролетаріата „кризиса соціализма“. И по мѣрѣ того,

какъ пріобрѣтала гегемонію въ пролетарскомъ движеніи идеологія научнаго соціализма, эти критическіе моменты принимали повсюду, по существу, однородную идеологическую оболочку „кризиса марксизма“.

Быстрое поглощеніе организованнымъ соціалистическимъ пролетаріатомъ новыхъ рекрутовъ изъ отсталой части этого класса и изъ передовыхъ элементовъ другихъ классовъ буржуазнаго общества; эволюція буржуазной демократіи въ вопросахъ соціальной реформы, сопровождавшая реакціонную эволюцію верховъ буржуазнаго общества въ области „общей“ политики; усложненіе задачъ пролетарской политики, вызванное самимъ ростомъ рабочаго движенія, съ одной стороны, реакціонной эволюціей буржуазіи—съ другой: таковы тѣ основные факторы, которые подготовляли и дѣлали неизбѣжнымъ возникновеніе этого „кризиса“, а временное смягченіе формъ классового гнета въ короткіе періоды промышленнаго подъема создавало благопріятную почву для наростанія и формированія о п п о р т у н и с т и ч е с к и х ъ тенденцій въ соціализмѣ. И чѣмъ болѣе опредѣленные методы борьбы и укрѣпившіяся въ нихъ формы политическаго сознанія, сложившіяся въ предыдущій періодъ, оказывались на практикѣ ограниченными въ своей законченности и консервативными въ столкновеніи съ новыми, болѣе сложными задачами, тѣмъ скорѣе могло казаться, что въ этихъ „кризисахъ“ современное рабочее движеніе ставитъ крестъ на своемъ революціонномъ прошломъ, что, отлившись въ планомѣрно функціонирующія и такъ или иначе признанныя современнымъ государствомъ политическія и экономическія организаціи, оно лишается своей революціонной „души“, а, слѣдовательно, и своего интернаціонализма.

Судьба майскаго празднества, казалось, подтверждала такія предположенія. Встрѣченное восторгомъ рабочихъ разныхъ странъ, это празднество обѣщало, повидимому, стать такой небывалой еще манифестаціей, которой суждено расшатать современный порядокъ. Буржуазія повсюду съ трепетомъ ожидала наступленія рокового дня, и первыя майскія демонстраціи вызывали—въ силу этого трепета буржуазіи—открытыя революціонныя схватки пролетаріевъ съ вооруженной силой. Въ этой, на обоихъ полюсахъ современнаго общества возбужденной атмосферѣ, демонстрація интернаціонализма легко и естественно связывалась съ текущей борьбой за ближайшія національныя задачи пролетаріата данной страны и давала этой борьбѣ революціонный импульсъ.

Но прошли годы, и буржуазный міръ приспособился къ ежегодной революціонной демонстраціи своего врага. Политическая борьба организованнаго пролетаріата такъ усложнилась, что терявшая агитаціонную свѣжесть новизны, годичная демонстрація стала занимать во всей борьбѣ относительно все болѣе скромную роль. Планомѣрная политика соціалдемократіи извлекаетъ изъ майской демонстраціи все то, что можно изъ нея извлечь безъ излишняго напряженія революціонныхъ силъ, которыя всѣ на счету у организованной партіи, которымъ всѣмъ она находитъ примѣненіе тогда и тамъ, гдѣ и когда онѣ могутъ дать максимальный результатъ. Политическое значеніе майскаго празднества, какъ революціонной манифестаціи противъ буржуазнаго міра, несомнѣнно, ослабѣло. Но въ общей суммѣ выполняемой каждой соціалистической партіей работы майская агитація продолжаетъ давать незамѣтные плоды систематическаго воспитанія во все болѣе широкихъ пролетарскихъ массахъ сознанія международной солидарности.

Только на „окраинахъ“ всемірной имперіи капитала, въ вновь пробуждающихся къ современной классовой борьбѣ странахъ, майскій праздникъ сейчасъ, какъ и 15 лѣтъ назадъ въ Западной Европѣ, становится днемъ, когда силы стараго и новаго міра мѣряются другъ съ другомъ. Эта эволюція майскаго праздника, повторяемъ, естественно наводила на пессимистическое заключеніе о томъ, что ростъ рабочаго движенія сопровождается ослабленіемъ его революціонности, вытѣсненіемъ общихъ революціонныхъ задачъ его—частными и временными, международныхъ—національными. Люди поверхностныхъ обобщеній спѣшатъ увидѣть лишнее доказательство того, что „естественная“ эволюція пролетарскаго движенія ведетъ къ оппортунизму и „притупленію общественныхъ противорѣчій“. Одни изъ нихъ изъ этого положенія дѣлаютъ выводы объ устарѣлости марксистской „догмы“, пасующей, якобы, передъ этого рода явленіями, и требуютъ такого ея „пересмотра“ который бы выразилъ въ программѣ-тактикѣ соціалистовъ неизбѣжность и прогрессивность такой эволюціи; другіе, наоборотъ, заключаютъ къ оппортунизму и антипролетарскому характеру самой этой „догмы“, къ отвѣтственности, падающей на соціалдемократію, за такую именно эволюцію.

И тѣ и другіе, и ревизіонисты, со стоящими за ихъ спиной соціалъ-реформаторами, и анархисты съ ихъ болѣе или менѣе безсознательными подражателями въ лагерѣ соціалистовъ—и тѣ,

и другіе дѣлаютъ ту основную ошибку, что въ своемъ прогнозѣ считаютъ, „безъ хозяина“, не справляясь съ основными тенденціями развитія современнаго общества. Враги „революціонной фразы“ и идеологіи, они знаютъ историческое движеніе пролетаріата только въ томъ видѣ, въ какомъ оно отражается въ каждый данный моментъ въ головахъ и на устахъ его политическихъ представителей; горделивые повстанцы противъ „фаталистическаго преклоненія передъ слѣпымъ историческимъ процессомъ“, они на дѣлѣ являются безвольными его рабами, поскольку въ ихъ идеологическихъ гримасахъ автоматически отражается судорожный ходъ антагонистическаго развитія современнаго общества. Скользящая по поверхности, якобы трезвая, и якобы революціонная критика равнымъ образомъ оказываются неспособными понять дѣйствительную причину отдѣльныхъ заминокъ и отдѣльныхъ регрессивныхъ шаговъ въ историческомъ движеніи пролетаріата, и, тѣмъ самымъ, имъ оказывается не по плечу найти дѣйствительные факторы неизбѣжнаго поступательнаго развитія.

Отлившаяся въ опредѣленныя, устойчивыя организаціонныя формы съ возвышающейся надъ нею устойчивой идеологіей текущей политики, партія пролеріата тѣмъ больше развиваетъ въ себѣ присущія всему устойчивому консервативныя тенденціи, чѣмъ прочнѣе ея организаціонное основаніе, чѣмъ однороднѣе и цѣльнѣе она связана воедино опредѣленной идеологіей практической борьбы. „Критическіе“ моменты въ жизни рабочихъ партій, когда обнаруживается рѣзкое несоотвѣтствіе между основными принципіальными посылками и практическими выводами, между написанной на знамени конечной цѣлью и примѣняемыми средствами—„критическіе“ моменты говорятъ всего лишь о томъ, что примѣнявшаяся къ обычнымъ формамъ борьбы даннаго дня идеологія „практиковъ“ столкнулась съ непредусмотрѣнными ею скрытыми силами общественнаго развитія. Задачи дѣйствительно революціонной критики—постоянное внесеніе того корректива къ „практичности“ повседневной борьбы, который заключается въ неизмѣнной апелляціи къ основнымъ силамъ общественнаго развитія, дающимъ ключъ къ пониманію и того, почему данная преходящая фаза въ ходѣ пролетарскаго движенія явилась неизбѣжной и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, прогрессивной, и того, почему и какъ въ извѣстный моментъ развитія она должна быть превзойдена. Найти этотъ ключъ и не терять его никогда, не упускать изъ вида основныхъ факторовъ историческаго движе-

нія,—значитъ быть равно неспособнымъ къ дряблому фатализму филистера и къ „революціонному“ авантюризму демагога. Обладать этимъ ключомъ—значитъ всегда умѣть за пестрой картиной разнообразныхъ отдѣльныхъ деревьевъ видѣть живущій единой жизнью лѣсъ; не утрачивать той духовной зоркости, которая нужна для того, чтобы въ числѣ первыхъ дѣйственно привѣтствовать возрождающуюся зарю.

Диллетантская критика оппортунистовъ и анархистовъ спѣшитъ въ каждой заминкѣ той производной исторической работы, которая совершается на подмосткахъ политической арены, привѣтствовать или проклинать отклоненіе пролетарскаго движенія отъ его революціонныхъ завѣтовъ. Въ эти сѣрые моменты анахроничными и безплодными представляются революціонныя формулы научнаго соціализма, проявленіемъ политическаго атавизма кажутся то тамъ, то сямъ, прорывающіеся сквозь кору „обычныхъ“ формъ борьбы огненные языки подземной лавы. Но колесо исторіи дѣлаетъ новый, неизбѣжный поворотъ, „разумъ“ исторіи властно проявляется въ видимомъ безуміи общественныхъ потрясеній, и „частное“, случайное, эпизодическое въ исторіи уступаетъ мѣсто явному дѣйствію ея основныхъ движущихъ силъ. И тогда „забытыя слова“ революціонной „догмы“ внезапно пріобрѣтаютъ для всѣхъ очевидное значеніе самостоятельной прогрессивной силы и начинаютъ непосредственно выражать собой мысль цѣлаго класса; падаютъ внезапно, казалось бы, непреодолимыя преграды между властными требованіями „практики“ и неумолимыми, несгибаемыми принципами „теоріи“. Безплодная, казалось, работа мысли является теперь незамѣнимымъ подсобнымъ орудіемъ осуществленія навязанныхъ историческимъ развитіемъ практическихъ, нетерпящихъ отлагательства задачъ. И тѣмъ скорѣе „абстрактныя“ еще вчера формы наполняются живымъ содержаніемъ конкретной исторической борьбы, тѣмъ подготовленнѣе оказывается и самъ революціонный классъ къ правильной постановкѣ и правильному рѣшенію исторической задачи,—чѣмъ неуклоннѣе и „непримиримѣе“ въ предыдущій періодъ велась работа „теоретической“ пропаганды и чѣмъ шире былъ операціонный базисъ соціалистической партіи, чѣмъ устойчивѣе ея организаціонная постройка, чѣмъ глубже залегло ея основаніе въ грунтѣ представляемаго ею класса.

Пятнадцатая годовщина майскаго праздника наступаетъ наканунѣ такого поворотнаго момента. Сѣрые будни промышленнаго

благополучія и общественной реакціи, не дававшіе развиться подававшимъ столько надеждъ росткамъ революціонной манифестаціи интернаціонализма,—эти будни снова смѣнились періодомъ общественныхъ потрясеній. Основныя революціонныя силы буржуазнаго общества выступаютъ на его поверхность. Устойчивое равновѣсіе капиталистическаго міра нарушено. Политическая жизнь отдѣльныхъ странъ начинаетъ прорывать тѣ тѣсныя рамки, въ которыя ей удалось было замкнуться. Вопросы міровой политики всей тяжестью таящихся въ нихъ неразрѣшимыхъ проблемъ начинаютъ давить на общественныя отношенія отдѣльныхъ націй. Тѣмъ самымъ неизбѣжно создается политическая почва и соотвѣтственная атмосфера для новаго революціоннаго подъема пролетаріата. Пролетарская политика должна концентрироваться на томъ, что составляетъ ея революціонную душу—на обнажившейся отъ всякихъ національныхъ покрововъ всемірной классовой борьбѣ. Завѣса, скрывающая отъ еще не прозрѣвшихъ и притупившихъ свое зрѣніе глубокую пропасть между міромъ буржуазіи и міромъ пролетаріата, будетъ разодрана первой же грозой, которая унесетъ тощія деревца реформистскаго оппортунизма, ороситъ живительной влагой могучіе корни пролетарской революціи.

Наканунѣ этого новаго поворота исторіи, майская агитація вновь пріобрѣтаетъ значеніе непосредственной подготовки къ незнающей государственныхъ рамокъ революціонной схваткѣ съ буржуазнымъ міромъ. Вчера еще „забытое слово“ для близоруких, сегодня—формула „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“ становится самымъ дерзкимъ вызовомъ, который пролетаріатъ можетъ бросить сверкающимъ стальной щетиной и готовымъ каждую минуту ринуться другъ на друга—буржуазнымъ государствамъ.

Л. Мартовъ.

БИБЛИО... СОЦИАЛИСТИ... АКАДЕМ...

Tua res agitur (о тебѣ идетъ дѣло).

(18-го апрѣля 1904 г. № 64).

(*переводъ съ нѣмецкаго*).

Прусское правительство еще разъ выслало дюжину русскихъ студентовъ. Какая крупная побѣда правительства! Вообще, съ нѣкотораго времени имперское правительство не перестаетъ одерживать побѣды: такъ, по крайней мѣрѣ, возвѣщаютъ буржуазныя газеты. Сперва побѣды въ прусскомъ ландтагѣ, гдѣ два прусскихъ министра, подъ прикрытіемъ 200 юнкеровъ, побѣдили противника, для котораго входъ въ палату предварительно былъ герметически закупоренъ трехклассным избирательнымъ правомъ. Врагъ былъ представленъ манекеномъ либерально-демократической оппозиціи. Этотъ врагъ изъ соломы и картона палъ, сраженный бумажными ядрами поддѣльныхъ цитатъ. А газеты восклицали: „Побѣда надъ соціалдемократіей!“ Послѣ того побѣда въ рейхстагѣ. Побѣдоносные министры такъ были отдѣланы соціалдемократіей, что только клочья летѣли. Но вотъ „были пущены въ ходъ телефонныя проволоки“, какъ пишутъ въ газетныхъ бюллетеняхъ по поводу крупныхъ сраженій, и графъ Бюловъ появился, бряцая оружіемъ изъ блестящей жести. И вслѣдъ затѣмъ пресса восклицала: Осанна Бюлову! Онъ отважился бороться съ Бебелемъ, и онъ побѣдилъ, не смотря на „осипшій голосъ!“ „Уничтожающій ударъ соціалдемократіи!“ Наконецъ, въ третій разъ прусское военное государство побѣдило русскихъ студентовъ.

Преступленіе этихъ послѣднихъ заключалось въ томъ, что они не хотѣли позволить обращаться съ собой, какъ съ собаками, которымъ даютъ пинокъ, когда онѣ надоѣдаютъ. Въ этомъ пресса, представляющая въ Пруссіи общественное мнѣніе, усматриваетъ „неслыханную дерзость“, и даже самые либеральные изъ демократовъ ворчливо поучаютъ горячія русскія головы, что было бы благоразумнѣе склониться передъ болѣе сильнымъ, и что они засвидѣтельствовали бы свою политическую зрѣлость, если бы безпрекословно проглотили оскорбленія, идущія отъ высшей власти.

...ЕКА ...ПРОФЕССУРЫ

Но русскіе не захотѣли этого понять. Ихъ глубоко оскорбили не только въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ, но и въ ихъ личномъ чувствѣ чести; русскихъ учащихся женщинъ поносили при этомъ площадными словами—они защищались противъ этого и аппелировали къ чувству справедливости и порядочности всѣхъ цивилизованныхъ людей. И въ странѣ націи „мыслителей и поэтовъ“ имъ данъ былъ отвѣтъ... полицейскимъ служителемъ.

Представьте себѣ—конечно невозможный случай: французскій министръ президентъ оскорбилъ живущихъ въ Парижѣ нѣмцевъ. Онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ бы ихъ упрекнуть въ томъ, что они своимъ неудержимымъ стремленіемъ къ свободѣ приводятъ въ смущеніе гостепріимную Францію. Но можетъ быть онъ сказалъ бы: „Нѣмцы ищутъ въ Парижѣ либо денегъ, либо женщинъ. Пресытившись неуклюжими ласками женщинъ своей націи, они ищутъ идеала женственности въ парижскомъ полусвѣтѣ. Но они столь же нечистоплотны въ любви, какъ и въ торговыхъ оборотахъ. Нѣмецкіе поэты мечтательны безъ чувственности, нѣмцы въ Парижѣ чувственны безъ изящества. Имъ не достаетъ той страстности, которая облагораживаетъ эротичность людей романскихъ націй. Они понизили нравственный уровень кокотокъ, подобно тому, какъ въ торговые обороты они внесли духъ восточно-прусскихъ проходимцевъ“.

Какъ сказано, мы предполагаемъ невозможный случай. Но если бы студенты и другіе нѣмцы въ Парижѣ организовали собраніе протеста противъ нанесеннаго имъ оскорбленія,—считали бы ихъ въ Германіи неимѣющими права на уваженіе, незрѣлыми людьми, злоупотреблявшими чужимъ гостепріимствамъ? Не прославляли-ли бы ихъ скорѣе за то, что они своимъ протестомъ выполнили по отношенію къ своей націи д о л г ъ ч е с т и? Но по отношенію къ русскимъ не хотятъ допускать, что они тоже могутъ обладать національнымъ чувствомъ.

428 русскихъ, подписавшихъ протестъ и рисковавшихъ за это не только высылкой изъ Пруссіи, но и сверхъ того преслѣдованіями по возвращеніи своемъ на родину, сдѣлали это, конечно, не для того, чтобы выдвинуться политически. Въ Россіи требованія, предъявляемыя къ политическому мученичеству, очень высоки. Тамъ, гдѣ лучшіе люди націи въ повседневной политической борьбѣ ставятъ на карту свою жизнь, политическая извѣстность пріобрѣтается не такъ легко. Поэтому мы должны признать, что эти рус-

скіе юноши проявили, во всякомъ случаѣ, не меньше мужества и чести, чѣмъ прусскіе министры и нѣмецкій имперскій канцлеръ, которые, опираясь на сильную власть огромнаго нѣмецкаго государства, оскорбительными рѣчами обрушились на беззащитныхъ иностранцевъ.

Но еще болѣе, чѣмъ эти новѣйшіе политическіе подвиги нѣмецкаго правительства, характерны побѣдные клики буржуазнаго „общественнаго мнѣнія“. Оно смѣется само надъ собой и не сознаетъ этого! Доказано, что нѣмецкое правительство оказываетъ царю полицейскія услуги,—и не со вчерашняго только дня, но еще со времени Бисмарка. Всѣ указанія на „анархизмъ“, вплоть до поддѣльныхъ цитатъ, отброшены за негодностью послѣ прочитанныхъ вслухъ имперскимъ канцлеромъ документовъ. Совершенно ясно было высказано въ дѣлѣ Льва Дейча: царь лично заинтересованъ въ его выдачѣ, слѣдовательно нужно уступить его желанію *). Чтобы добиться благосклонности царя, Левъ Дейчъ выдается какъ уголовный преступникъ, хотя не только изъ документовъ по его дѣлу, но и изъ настойчиваго интереса къ этому дѣлу „августѣйшей особы“, вытекало, что дѣло идетъ о политическомъ борцѣ. Совершается торговля людьми, торговля самаго худшаго сорта: законъ обходится, общественное мнѣніе вводится въ обманъ и человѣка выдаютъ съ головой, потому что благосклонность царя обѣщаетъ политическія выгоды. И въ этой попыткѣ подслужиться царю, въ погонѣ за мнимыми выгодами при помощи негодныхъ средствъ, свидѣтельствующихъ о жалкой слабости, равно какъ и въ послѣдующихъ шпіонскихъ услугахъ, буржуазія усматриваетъ проявленія величія и силы Имперіи.

Левъ Дейчъ отбылъ сибирскую каторгу; послѣ 16 лѣтъ ссылки ему удалось бѣжать изъ Сибири. Онъ издалъ книгу, которая появилась и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „16 лѣтъ въ Сибирской ссылкѣ“. Отъ этапа къ этапу, изъ тюрьмы въ тюрьму развертываетъ онъ передъ нами эти шестнадцать лѣтъ. Онъ пошелъ туда юношей и вернулся съ сѣдыми волосами. Но удивительно: во всей книгѣ ни слова жалобы, ни слова ненависти— печать эпическаго спокойствія лежитъ на всемъ изложеніи, заста-

*) Эти факты изъ переписки имперскаго и баденскаго правительствъ (тов. Дейчъ, какъ извѣстно, былъ арестованъ въ Баденѣ), сообщены были рейхстагу гр. Бюловымъ во время недавнихъ дебатовъ.

вляющемъ забывать, что здѣсь кто-то разсказываетъ свою личную трагическую судьбу. И черезъ 16 лѣтъ онъ снова вступаетъ въ ряды своей партіи, какъ будто только вчера оставилъ свой постъ. Г-нъ Бюловъ, знаете-ли вы, что это значитъ? Страшную силу! Партія, сообщающая своимъ приверженцамъ такую спокойную и непоколебимую стойкость, должна располагать неистощимыми источниками убѣжденія.

Обладай буржуазная публика хоть нѣкоторымъ пониманіемъ политической психологіи, она совсѣмъ иначе оцѣнила бы протестъ русскихъ студентовъ. Глупо смѣяться надъ тѣмъ, что они еще не заняли положенія въ обществѣ, не обзавелись семьей и состояніемъ. Чѣмъ объясняется, что эти молодые люди интересуются, въ противоположность нѣмецкимъ студентамъ-корпорантамъ, не пивомъ и фехтованіемъ, но политикой и соціализмомъ? На этомъ вопросѣ слѣдовало бы остановиться. Русскіе въ Берлинѣ не составляютъ исключенія изъ числа другихъ русскихъ студентовъ, какъ за-границей, такъ и на родинѣ. Факты, свидѣтельствующіе объ этомъ, всѣмъ извѣстны. Причина этого явленія—настроеніе всей вообще русской интеллигенціи, о которомъ свидѣтельствуетъ столь часто поражающая насъ русская литература. Кто понялъ это, тотъ не можетъ не сдѣлать опредѣленныхъ выводовъ о характерѣ соціальной среды, порождающей подобныя явленія, тотъ долженъ убѣдиться, что революціонное настроеніе русской молодежи является только выраженіемъ общаго политическаго броженія въ Россіи, достигшаго громадной силы. Но буржуазія уже потеряла всякую способность понимать прогрессивныя политическія явленія. Ея теперешняя травля русскихъ представляетъ собою культурный барометръ, показывающій, какъ низко она пала въ политическомъ отношеніи.

Было время, когда буржуазія низвергла троны и брала приступомъ небо, когда она указывала человѣчеству новыя цѣли, мечтала „о свободѣ, равенствѣ и братствѣ“, грезила объ единеніи народовъ, о всемірной республикѣ, о царствѣ разума, счастья и высшей культуры. Это фактъ, хотя онъ уже забытъ и самое воспоминаніе о немъ выброшено изъ школьныхъ учебниковъ. Царство буржуазіи стало царствомъ безстыдной эксплуатаціи и дикой погони за прибылью. Такъ какъ буржуазія не можетъ больше выставить никакого идеала, то она, вообще, отрицаетъ его возможность и провозглашаетъ соціальную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ величайшимъ закономъ человѣческой культуры. Наука стала

простымъ предметомъ торговли, и искусству было отведено служебное мѣсто—оно живетъ еще потому, что изображаетъ лица тѣхъ, кто можетъ его оплачивать. Буржуазія лишилась духа свободнаго изслѣдованія и заключила миръ съ богомъ на небѣ и съ попами на землѣ. И она, нѣкогда боровшаяся за парламентскій режимъ, какъ за главное требованіе своей политической жизни, видитъ теперь въ поддержкѣ русскаго абсолютизма основное условіе своего существованія. «Tua res agitur» (о тебѣ идетъ дѣло)—таково было спасительное слово, произнесенное нѣмецкимъ имперскимъ канцлеромъ. Поддержка царскаго трона необходима въ интересахъ защиты европейской буржуазіи. Вотъ что заслужило громкое одобреніе буржуазнаго общественнаго мнѣнія. Но если буржуазія связываетъ свою судьбу съ абсолютизмомъ, то это должно насъ, революціонныхъ соціалистовъ, наполнять радостной увѣренностью въ побѣдѣ. До наступленія крупныхъ историческихъ поворотныхъ пунктовъ, внутреннія движущія силы историческаго развитія могутъ быть открыты только при строго научномъ изученіи. Но бываютъ такія внѣшнія проявленія историческаго процесса, которыя, хотя они и производнаго характера, но могутъ быть легче замѣчены, такъ какъ выступаютъ на поверхность соціальной жизни, и эти-то проявленія, будучи оцѣнены съ правильной точки зрѣнія, бросаютъ свѣтъ на то, что творится глубоко внизу.

Такія проявленія даются намъ культурнымъ и политическимъ упадкомъ буржуазіи. Ибо мыслимо-ли, чтобы это политическое малодушіе, сухой практицизмъ въ наукѣ, ограниченность, отсутствіе всякой серьезной точки зрѣнія въ литературѣ, формалистика въ искусствѣ, трусливое подавленіе всякаго смѣлаго полета мысли во всѣхъ областяхъ, могло завершить величественное культурное развитіе человѣчества?

Должна-ли вся всемірная исторія подчиниться деспотизму? Возможно-ли, чтобы прогрессивныя силы, создавшіяся и умножившіяся въ теченіе безконечныхъ тысячелѣтій человѣческой исторіи, могли быть разъ навсегда остановлены въ своемъ развитіи посредствомъ полицейской силы? Все воодушевленіе, почерпнутое каждымъ изъ насъ въ твореніяхъ человѣческой мысли и въ человѣческой жаждѣ идеала, все, чѣмъ мы живы духовно, возмущается противъ этого. Это абсурдъ. Это д о л ж н о измѣниться.

Буржуазія препятствуетъ культурному развитію, потому что она должна отказаться отъ своей собственности, чтобы дать ему свободную дорогу. Тѣмъ самымъ она сама сдаетъ ему свои пози-

ціи. Борьба за освобожденіе рабочаго класса становится борьбой за будущее человѣческой культуры.

Поэтому мы, съ своей стороны, взываемъ къ работникамъ: Tua res agitur! Это о васъ идетъ дѣло! Буржуазія боится не русскихъ студентовъ, но европейской соціалдемократіи. Буржуазія встрѣтила бы съ ликованіемъ паденіе русскаго абсолютизма, если бы не боялась за свое собственное господство. Да и теперь она мягче бы относилась къ русскимъ революціонерамъ, если бы они въ то же время не мыслили соціалдемократически.

Tua res agitur! Дѣло касается нѣмецкихъ рабочихъ. Уже изъ бывшихъ до сихъ поръ парламентскихъ дебатовъ стало ясно, что подъ предлогомъ борьбы съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ борятся съ нѣмецкой соціалдемократіей. Каковъ бы ни былъ конецъ этого, суть дѣла ясна: не русскія нелегальныя произведенія вредятъ нѣмецкой соціалдемократіи, но, наоборотъ, легальная дѣятельность нѣмецкихъ соціалдемократовъ отнимаетъ у русскаго революціоннаго движенія симпатіи буржуазіи. Признать это—для соціалдемократіи является дѣломъ справедливости!

Tua res agitur! Нѣмецкіе рабочіе поняли это выраженіе. Никогда еще классовая борьба, свирѣпствовавшая внутри нѣмецкой націи, не была такъ грубо раскрыта, какъ этимъ выраженіемъ германскаго имперскаго канцлера.

И вотъ пресса ликуетъ и возвѣщаетъ о побѣдѣ надъ соціалдемократіей! Но самоубійственной политикѣ буржуазіи свойственно всегда считать свое собственное мнѣніе „голосомъ націи“ и она, поэтому, постоянно поражается смертельно, когда выборы въ рейхстагъ снова ей показываютъ, что въ Германіи существуютъ пролетарскія массы, иначе, чѣмъ она, относящіяся ко всѣмъ явленіямъ.

Tua res agitur! Эти слова канцлера должны запомнить и тѣ чудаки-фантазеры въ нашихъ собственныхъ рядахъ, которые думаютъ, что послѣ того, какъ историческое проявленіе могущества соціалистически-революціоннаго пролетаріата заставило буржуазію отказаться отъ всѣхъ своихъ идеаловъ, предать свои собственные политическіе интересы, сдѣлало ее величайшимъ трусомъ, ищущимъ себѣ прикрытія за спиной правительства и цѣпляющейся за колеблющійся тронъ царя—что послѣ всего этого ея парламентскимъ ораторамъ удастся влить при помощи умныхъ словъ въ бур-

жуазныя партіи политическое мужество и внушить правительству широкіе историческіе взгляды.

Tua res agitur! Пролетаріатъ можетъ разсчитывать только самъ на себя, онъ является исполнителемъ воли исторіи въ борьбѣ съ враждебной культурѣ буржуазіей!

Парвусъ.

Къ амстердамскому конгрессу.

(1-го августа 1904 г., № 71).

VI международный соціалистическій конгрессъ, съ началомъ котораго совпадаетъ выходъ этого № „Искры“, собирается при знаменательныхъ обстоятельствахъ, въ моментъ яростной войны, грозящей вызвать рядъ потрясеній во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Каковъ бы ни былъ характеръ этихъ потрясеній, каковы бы ни были ихъ непосредственные результаты, — ихъ общій итогъ сведется къ расширенію сферы дѣйствія международнаго капитализма, слѣдовательно, и къ расширенію поля всемірной классовой борьбы пролетаріата, къ усиленію и обостренію этой борьбы. А всякое усиленіе и обостреніе современной классовой борьбы ведетъ, съ неизбѣжностью естественнаго процесса, къ объединенію пролетарскаго движенія разныхъ странъ, къ обобщенію втиснутой въ различныя національныя рамки пролетарской политики и превращенію ея въ однородную, по своимъ принципамъ и тактикѣ, интернаціональную политику.

Въ процессѣ объединенія пролетарской политики международные конгрессы играютъ крупную роль. Регистрируя въ своихъ рѣшеніяхъ уже совершившуюся эволюцію, они двигаютъ ее дальше своимъ моральнымъ вліяніемъ. Этапы въ развитіи современнаго пролетарскаго движенія могутъ быть, поэтому, хорошо прослѣжены по предъидущимъ конгрессамъ.

Парижскій конгрессъ 1889 г. и брюссельскій — 1891 г. были посвящены установленію основныхъ положеній революціонной соціалдемократической политики. Революціонный марксизмъ отдѣ-

лился на этихъ конгрессахъ отъ „экономизма“ англійскихъ трэдъ-юніонистовъ и французскихъ поссибилистовъ, чтобы впервые объединить оффиціально подъ своимъ знаменемъ рабочія партіи большинства европейскихъ странъ. На цюрихскомъ и лондонскомъ конгрессахъ послѣдовало размежеваніе съ анархизмомъ—новый и крупный шагъ къ объединенію классовой политики пролетарскихъ партій. Отнынѣ международное соціалистическое движеніе стоитъ твердо на почвѣ организованной политической борьбы за политическую власть.

На Парижскомъ конгрессѣ 1900 года представителямъ пролетаріата пришлось рѣшать уже вопросъ о методахъ самой этой борьбы. Вопросъ о компромиссахъ, о союзахъ съ буржуазными прогрессивными партіями, и—въ связи съ этимъ—о „частичномъ“ завоеваніи политической власти, помощью вступленія соціалистовъ въ радикальныя министерства,—словомъ, вопросъ о „новомъ методѣ“ Жореса и К⁰ сталъ на очередь, благодаря событіямъ во Франціи. Постановкѣ этого вопроса на практикѣ предшествовала волна „ревизіонистскаго“ теченія въ теоріи—одновременный симптомъ быстраго роста вліянія соціалдемократіи и проникновенія въ нее чуждыхъ пролетаріату элементовъ. Новый „кризисъ“ въ растущемъ соціалистическомъ движеніи, однако, тогда только еще начинался, и международный конгрессъ, суммирующій то, что уже достигнуто рабочими партіями въ отдѣльныхъ странахъ, оказался не въ силахъ сдѣлать больше, чѣмъ демонстрировать несочувствіе громаднаго большинства соціалистовъ экспериментамъ „новаго метода“. Дипломатическая формула Каутскаго въ вопросѣ о „министеріализаціи“, не удовлетворивъ революціонныхъ соціалистовъ Франціи, передъ которыми данный вопросъ стоялъ во всей своей остротѣ, оказалась по-плечу для большинства соціалистовъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ—пока еще—вопросъ носилъ преимущественно академическій характеръ [1]).

Нынѣшній конгрессъ въ Амстердамѣ долженъ завершить то, что началъ конгрессъ парижскій. За протекшіе 4 года многое измѣнилось. Французскій экспериментъ Милльерана пришелъ къ концу и итоги „новаго метода“ стоятъ передъ всѣми во всей своей позорной наготѣ. Со ступеньки на ступеньку, французскій министерскій quasi-соціализмъ опустился до уровня вульгарной

---

[1]) Большинство русской делегаціи вотировало за резолюцію Каутскаго.

фракціи буржуазныхъ парламентаріевъ, измѣняющихъ скопомъ и въ розницу своей программѣ. Въ другой формѣ, но, по существу, однородные эксперименты продѣланы въ Италіи и Бельгіи, а въ Германіи „новый методъ“ не только вполнѣ развернулся въ области теоріи, но и сдѣлалъ—правда, неудачную—попытку первой серьезной пробы на практикѣ (вопросъ о вице-президентствѣ въ рейхстагѣ). Теперь уже для самыхъ недальновидныхъ изъ „практическихъ политиковъ“ соціализма вопросъ о борьбѣ революціонной и оппортунистической тактики въ рабочемъ движеніи пересталъ быть вопросомъ „сѣрой теоріи“, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что для значительнаго большинства соціалистовъ онъ рѣшенъ въ смыслѣ категорическаго отклоненія „новаго метода“. Поставленный въ порядкѣ дня амстердамскаго конгресса, вопросъ объ общихъ основаніяхъ пролетарской политики, безъ сомнѣнія, вызоветъ дебаты о двухъ методахъ соціалистической борьбы, и надо надѣяться, что фактическая побѣда, одержанная революціоннымъ марксизмомъ въ отдѣльныхъ странахъ, будетъ санкціонирована конгрессомъ, который, въ болѣе или менѣе категорической формѣ, обведетъ вокругъ представленнаго имъ всемірнаго пролетарскаго движенія такую же черту для отдѣленія его отъ мелкобуржуазнаго оппортунизма, какую провели прежніе конгрессы для его отдѣленія отъ анархизма.

И международный конгрессъ не можетъ поступить иначе. Душа современнаго пролетарскаго движенія — говорили мы на этихъ столбцахъ—въ его интернаціоналѣ. И обратно, всякое отклоненіе современнаго рабочаго движенія отъ пути послѣдовательной классовой борьбы неизбѣжно отражается ослабленіемъ той интернаціональной солидарности, которая такъ ярко отличаетъ его отъ предшествовавшихъ ему историческихъ движеній другихъ боровшихся за свое освобожденіе классовъ. „Новый методъ“—методъ оппортунизма — приспособляя политику рабочаго класса къ преходящимъ условіямъ политической конъюнктуры данной страны, тѣмъ самымъ освобождаетъ ее отъ вліянія постоянныхъ интересовъ, общихъ для пролетаріата всего міра. Общія міровыя задачи пролетарскаго движенія онъ подмѣняетъ „національными“ интересами даннаго момента въ данномъ государствѣ. И если, благодаря такому вытѣсненію общихъ интересовъ соціализма частными интересами момента, возможенъ такой, напр., фактъ, что наканунѣ международнаго конгресса „соціалистъ“ Жоресъ стремится превратить въ „національный трауръ“ смерть талант-

ливаго вождя французской буржуазіи, Вальдека Руссо, то не приходится удивляться, если, въ силу тѣхъ же соображеній „политическаго", т. е. политиканскаго характера, другой вождь той же „соціалистической" фракціи, несравненный Жеро-Ришаръ, могъ рѣшиться въ началѣ японско-русской войны вести печатную агитацію противъ такъ называемаго „японскаго вѣроломства" — этой выдумки, изобрѣтенной царскими лакеями въ Россіи и Европѣ для оправданія преступной политики абсолютизма [1]). Оппортунистическая тактика не можетъ не вести къ игнорированію солидарности пролетаріевъ со всякимъ дѣйствительно революціоннымъ движеніемъ, ибо эта тактика, по самой своей цѣли, должна считаться съ фактомъ реакціонной солидарности существующихъ правительствъ, солидарности, созданной группировкой капиталистическихъ интересовъ на сценѣ міровой политики и общностью борьбы противъ революціи самого пролетаріата. И намъ, русскимъ соціалистамъ, на долю которыхъ выпала борьба съ деспотіей, занимающей первенствующее мѣсто въ „европейскомъ концертѣ", намъ слишкомъ часто приходится испытывать, какъ оппортунистическая тактика въ предѣлахъ той или иной соціалистической партіи отзывалась на ослабленіи той моральной и политической поддержки, на которую мы имѣемъ право, въ качествѣ борцовъ противъ наслѣдственнаго врага всемірнаго соціализма... Уже во имя задачи этой борьбы, возложенной на насъ всей міровой исторіей, мы обязаны, въ свою очередь, идти до конца въ поддержкѣ революціоннаго крыла всемірнаго рабочаго движенія противъ его оппортунистическаго крыла.

Всемірный пролетаріатъ хорошо знаетъ, какого врага имѣетъ онъ въ лицѣ русскаго деспотизма. Это сознаніе побуждаетъ его съ жадностью ожидать неминуемаго его паденія. При царящемъ въ Европѣ незнакомствѣ съ русской политической жизнью, неудивительно, если это жгучее желаніе подчасъ приводитъ къ тому, что соціалисты Запада не стараются разобраться среди различныхъ русскихъ общественныхъ движеній, направленныхъ одинаково противъ деспотизма и сообразно отсталости русскихъ условій—прикрытыхъ одной и той же кличкой „соціализма". Своеобразіе русскихъ

[2]) Извѣстно, что „Новое Время" использовало эту агитацію Жеро-Ришара въ доказательство того, что „даже соціалисты" признаютъ виновнымъ въ войнѣ японское правительство. Петербургскому комитету с.-д. партіи пришлось выступить съ печатнымъ разъясненіемъ русскому обществу характера „соціализма" Жеро-Ришара.

политическихъ условій и малое знакомство съ ними нерѣдко побуждаютъ западно-европейскихъ товарищей признавать „своими“ такихъ русскихъ и польскихъ революціонеровъ, которые, — дѣйствуй они на Западѣ—были бы тѣми же товарищами безъ труда отнесены къ той соціально-политической категоріи, которую они на дѣлѣ представляютъ собой. Такъ, даже сравнительно осторожный „Vorwärts“, который $2^1/_2$ года назадъ привѣтствовалъ въ „Освобожденіи“ г. Струве новый „соціалистическій“ органъ, нынѣ (см. № 187) оспариваетъ данную Г. В. Плехановымъ характеристику нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ и ихъ тактики. Съ точки зрѣнія основныхъ интересовъ международной пролетарской политики, требующей, чтобы и въ Россіи задачи борьбы за демократическую свободу были подчинены задачамъ классовой борьбы пролетаріата,—съ этой точки зрѣнія наша партія на конгрессѣ, какъ и въ европейской печати, выступитъ, конечно, противъ такого безразличнаго отношенія къ нашимъ отечественнымъ „фракціямъ“ и будетъ отстаивать для россійской соціалдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетаріата интересовъ россійскаго сознательнаго рабочаго движенія. А чѣмъ болѣе на международныхъ конгрессахъ будутъ обсуждаться вопросы объ объединеніи тактики соціалистическихъ партій, тѣмъ несомнѣннѣе станетъ для нашихъ западно-европейскихъ товарищей, что интересы всемірнаго соціализма представлены въ Россіи только соціалдемократіей.

Четыре года, протекшіе со времени парижскаго конгресса, были для сознательнаго пролетаріата не только періодомъ тяжелой, хотя и неизбѣжной внутренней борьбы, обострившейся такъ, какъ еще никогда со времени раскола стараго интернаціонала. Это были въ то же время годы крупныхъ успѣховъ рабочаго класса—успѣховъ въ области организаціи и въ дѣлѣ завоеванія имъ политическаго вліянія. Крупныя политическія и стачечныя движенія во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи, Россіи, Соединенныхъ Штатахъ, Швеціи и Испаніи внесены въ лѣтописи этого періода. Но относительно нигдѣ, быть можетъ, классовое движеніе пролетаріата не сдѣлало за это время такихъ успѣховъ, какъ въ нашей странѣ. Съ чувствомъ законнаго удовлетворенія можетъ наша партія представить конгрессу итоги четырехлѣтней борьбы русскаго пролетаріата. Эти итоги—благодаря условіямъ, въ которыхъ мы ведемъ свою борьбу—не могутъ быть точно зарегистрированы и представлены въ формѣ организаціонныхъ успѣховъ. Но они

въ достаточной мѣрѣ иллюстрируются тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится нашъ врагъ—абсолютизмъ, казавшійся столь сильнымъ еще 4 года назадъ, а теперь, по общему мнѣнію, осужденный на близкую смерть. И если на амстердамскомъ конгрессѣ это сознаніе близкой гибели абсолютизма и связаннаго съ нимъ освѣженія всей политической атмосферы въ цивилизованномъ мірѣ отзовется усиленнымъ подъемомъ революціонной энергіи въ борцахъ европейскаго соціализма, то русскій пролетаріатъ будетъ вправѣ видѣть въ этомъ фактѣ результатъ своей работы — той дани, которую онъ, „пасынокъ цивилизаціи“, успѣлъ внести въ великое дѣло мірового соціалистическаго движенія.

Л. Мартовъ.

Быть ли соціализму національнымъ?

(25 августа 1904 г. № 72).

На конгрессѣ въ Амстердамѣ впервые былъ представленъ соціализмъ всѣхъ частей свѣта. И на этомъ же конгрессѣ была сдѣлана попытка противопоставить соціализмъ одной части міра соціализму другой, раздѣлить членовъ соціалистической семьи на „активныхъ“ и „пассивныхъ гражданъ“, какъ выразились въ своемъ протестѣ товарищи Р. Люксембургъ, Плехановъ, Раковскій, Иглезіасъ и Катаяма.

Если бы не упоминаніе объ Испаніи, которую бельгійскій делегатъ, тов. Анзееле, ставилъ рядомъ съ Россіей, Польшей, балканскими странами и Японіей, то передъ нами въ его рѣчи имѣлось бы традиціонное противопоставленіе Запада Востоку, въ примѣненіи къ соціалистическому пролетаріату.

Вотъ что сказалъ Анзееле, оспаривая принятую послѣ того конгрессомъ такъ называемую „дрезденскую“ резолюцію о тактикѣ.

„Соціалистамъ Россіи, Болгаріи, Испаніи, Польши и Японіи легко отказываться отъ правительственной отвѣтственности. Пройдутъ, безъ сомнѣнія, долгіе годы, пока имъ ее предложатъ. О,

если бъ я былъ представителемъ одной изъ этихъ странъ, я бы воздержался въ этомъ вопросѣ и остерегался бы осуждать такую соціалистическую тактику, практиковать которую въ своей собственной странѣ я не имѣю силы".

Яснѣе нельзя выразиться... если оставаться соціалистомъ. Будучи открытымъ буржуа, можно позволить себѣ додумать до конца заключающуюся въ этихъ словахъ идею. Это и дѣлаютъ нѣкоторыя буржуазныя газеты, съ скрежетомъ зубовнымъ комментирующія разгромъ „жоресизма" на международномъ конгрессѣ. Не только демократическія газеты, но и оффиціозъ гр. Бюлова («Norddeutsche allgemeine Zeitung») старается представить соціалистическую „непримиримость" такъ называемыхъ „ортодоксовъ" прямымъ слѣдствіемъ того, что въ извѣстныхъ странахъ соціалистамъ не приходится и мечтать о томъ кусочкѣ общественнаго пирога, который въ другихъ государствахъ правящая буржуазія готова предложить Милльеранамъ. Зеленъ виноградъ... въ этомъ вся разгадка непримиримости „восточныхъ" ортодоксовъ, и немудрено, что буржуазная пресса негодуетъ, подобно Анзееле, на всѣхъ этихъ поляковъ, русскихъ и японцевъ, которые дерзаютъ принимать участіе въ выработкѣ обязательныхъ для всей соціалдемократіи принциповъ тактики *). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, остроумное объясненіе, даваемое буржуазно-реакціонной и буржуазно-либеральной прессой, совпадетъ съ объясненіями гг. анархистовъ.

Какъ видите, „новый методъ" провозглашаетъ себя точнымъ выраженіемъ интересовъ пролетаріата цивилизованныхъ и политически - свободныхъ странъ, а своего антагониста,—„ортодоксальный" марксизмъ,—объявляетъ законнымъ дѣтищемъ политическаго

*) Надо сдѣлать оговорку: о пораженіи жоресизма скорбитъ только та часть буржуазіи, которая вступаетъ или готова вступить въ сдѣлку съ „правительственными соціалистами" относительно дѣлежа государственной власти. Наоборотъ, тѣ ея фракціи, которыя оказываются обдѣленными при этой операціи (какъ, напр., французскіе націоналисты и группка эксъ - радикаловъ, къ которой теперь присталъ, кстати сказать, Милльеранъ), эти фракціи выражаютъ величайшее удовольствіе по поводу пораженія Жореса и не находятъ словъ для возвеличенія нравственной красоты непримиримыхъ революціонеровъ—Гэда и Бебеля. Органъ упомянутой группы радикаловъ (Rappel) даже говоритъ по этому поводу, что „ревизіонизмъ надѣлалъ уже не мало зла"—читай: зла группамъ тѣхъ политикановъ, которыхъ онъ вытѣснилъ изъ сферы вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, замѣнивъ своими собственными вождями.

варварства и соотвѣтствующей ему незрѣлости и слабости рабочаго класса тѣхъ странъ, которыя далеки отъ демократическаго строя. И во имя высшей политической культуры соціалистъ „новаго метода“ протестуетъ противъ своего подавленія варварами-соціалистами Японіи, Россіи, Польши и Германіи.

Да, и Германіи! Анзееле не рѣшился упомянуть о ней. Но лидеръ „правой“ стороны конгресса, Жоресъ, всю свою рѣчь въ защиту „новаго метода“ построилъ на противопоставленіи соціализма свободныхъ демократій соціализму германской рабочей партіи, на тактикѣ которой, по его мнѣнію, тяготѣетъ отсталость германской имперіи. „Гдѣ,—спрашивалъ Жоресъ нѣмецкихъ товарищей,—гдѣ ваша резолюція встрѣтила наибольшее сопротивленіе? Во Франціи, или, по крайней мѣрѣ, въ части Франціи, въ Голандіи, Бельгіи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи и, кажется также въ Англіи; иначе говоря, чѣмъ болѣе свободна, чѣмъ болѣе демократична страна, чѣмъ болѣе въ ней пролетаріатъ активно участвуетъ въ парламентской жизни, тѣмъ болѣе онъ уязвленъ вашей резолюціей, которая нанесетъ ударъ развитію всемірной политической свободы, а, слѣдовательно, и развитію международнаго соціализма“.

Варварскій, не знающій демократическихъ учрежденій, Востокъ грозитъ своими голосами на международныхъ конгрессахъ задавить стремленія передовыхъ рабочихъ партій къ реализаціи пріобрѣтеннаго ими въ своихъ странахъ политическаго вліянія. И во главѣ этого варварскаго Востока стоитъ германская соціалъ-демократія, безсильная со своими тремя милліонами голосовъ играть роль политическаго фактора въ жизни страны и „маскирующая свое безсиліе въ дѣйствіи бѣгствомъ подъ сѣнь непримиримыхъ теоретическихъ формъ“ (изъ рѣчи Жореса на послѣднемъ засѣданіи конгресса).

Жоресисты, какъ и ихъ друзья,—буржуазные радикалы,—до глубины души возмущены этимъ давленіемъ варварскаго японо-славяно-германскаго Востока. Партіи, которыя влачатъ фиктивное существованіе до тѣхъ поръ, пока ихъ терпитъ какой-нибудь монархъ,—эти партіи, восклицаетъ Жеро-Ришаръ, хотятъ помѣшать французской партіи пожинать плоды ея побѣдъ! И каждый изъ протестующихъ противъ этого давленія считаетъ своимъ долгомъ особенно возмутиться той ролью, которую въ голосованіи дрезденской резолюціи сыграли два голоса японской делегаціи. Недаромъ этотъ неподражаемый Жеро-Ришаръ въ началѣ нынѣш-

ней войны говорилъ—вслѣдъ за царскимъ правительствомъ и его французскими рептиліями—объ „японскомъ вѣроломствѣ“! И мы не теряемъ надежды дождаться того момента, когда изъ рядовъ Комбовскаго „желтаго соціализма“ раздадутся крики о новой „желтой опасности“... Попытки раздѣлить всемірный соціализмъ на два лагеря, отдѣленныхъ географической или этнографической чертой, являются чѣмъ-то новымъ для „новаго интернаціонала“. Но такія попытки дѣлались прежде, въ эпоху стараго интернаціонала, и французскій соціализмъ, съ его специфическими свойствами, тогда тоже противопоставлялъ себя соціализму германскому. Но,—иронія судьбы!—мы, славяне, тогда фигурировали рядомъ съ „крайнимъ западомъ“ европейскаго контингента—съ романскими и фламандскими странами. Романо-славянскій „коллективизмъ“ и анархизмъ Прудона и Бакунина противопоставлялъ себя „германо-еврейскому“ „государственному“ или парламентскому соціализму Лассаля и Маркса. Какъ теперь, такъ и тогда, этотъ послѣдній соціализмъ выводился изъ порабощающаго личность государственнаго строя Германіи и вытекающей отсюда нереволюціонности германскаго пролетаріата. Славяне признавались тогда естественными союзниками романскихъ народовъ, въ силу отличавшаго ихъ суверенаго презрѣнія къ государственнымъ формамъ. И когда на конгрессахъ интернаціонала постепенно складывалась „марксистская“ тактика всемірно-пролетарскаго движенія, побѣжденные представители „романо-славянскаго“ начала порою не менѣе шовинистически нападали на „нѣмецкое владычество“, чѣмъ это дѣлаютъ нынѣшніе представители „свободнаго Запада“. Объ этомъ кое-что могъ бы разсказать, по личнымъ воспоминаніямъ, Гюставъ-Руане—нынѣшній соратникъ Жореса, прежній (въ началѣ 80 г.г.) сподвижникъ Поля Брусса въ ту пору, когда этотъ послѣдній перескочилъ,—по естественнымъ законамъ историческаго движенія,—изъ „кроваваго“ анархизма въ реформистскій „поссибилизмъ“. Въ тогдашней борьбѣ эпигоновъ „романскаго“ соціализма противъ соціализма „нѣмецкаго“ Гэдъ, Лафаргъ и др. марксисты открыто честились агентами пангерманизма.

Далеко не случайнымъ является тотъ фактъ, что специфическій „романскій“ соціализмъ изъ анархистски—революціоннаго сталъ оппортунистически-министерскимъ. Въ этой эволюціи нетронутой осталась его классовая, мелкобуржуазная природа, и за смѣной политическихъ настроеній, обусловившихъ переходъ „ре-

волюціонизма“ въ его прямую противоположность, можно усмотрѣть неизмѣнно-устойчивый психологическій моментъ—стремленіе обмануть историческій процессъ, стать внѣ его и надъ нимъ, и сложныя противорѣчія, имъ порождаемыя, обойти болѣе или менѣе авантюристской тактикой. Гораздо болѣе поучительно, что тѣ самые славяне, которые 30 лѣтъ назадъ оказывались въ духовномъ родствѣ съ соціализмомъ романскимъ, нынѣ отдѣлились отъ эпигоновъ этого соціализма и ими сопричислены къ къ лику адентовъ нѣмецкаго „доктринерства“. И это вполнѣ понятно. Новѣйшая эволюція европейской буржуазіи привела пассующихъ передъ стихійнымъ историческимъ процессомъ оппортунистовъ къ практикѣ „новаго метода“—метода примиренія съ буржуазнымъ обществомъ; эта же эволюція отразилась на вновь вовлеченныхъ въ сферу дѣйствія капитализма странахъ крайнимъ суженіемъ и скудостью политическихъ результатовъ того прогрессивнаго процесса, который преобразовалъ ихъ экономическія и соціальныя отношенія. Въ самомъ дѣлѣ. Въ чемъ заключалась эта новѣйшая эволюція европейской буржуазіи? Въ постепенной утратѣ всѣхъ чертъ прогрессивнаго общественнаго класса, въ постепенномъ отступленіи отъ всѣхъ демократическихъ позицій, нѣкогда занятыхъ ею, какъ боевымъ классомъ, который—въ процессѣ своей эмансипаціи—отвоевалъ для человѣчества кое-какія блага культуры и свободы. Котда же это понятное движеніе дошло до своего апогея, когда дальше вправо идти было некуда, если не жертвовать основными насущными интересами всего буржуазнаго строя, то въ правящихъ классахъ сталъ наблюдаться обратный процессъ — стремленіе отдѣльныхъ его слоевъ внести нѣкоторыя необходимыя поправки въ неминуемую, по существу, ликвидацію буржуазнаго прогресса, взять назадъ кое-что изъ того, что въ паническомъ бѣгствѣ передъ „краснымъ призракамъ“ было брошено въ жертву темнымъ силамъ феодальной, монархической и клерикальной реакціи. Этотъ новый поворотъ „передовой“ части буржуазіи является тѣмъ коренным фактомъ политической исторіи послѣднихъ лѣтъ, который положенъ въ основу „новаго метода“ соціалистической тактики во Франціи, Италіи, Бельгіи. Толкуютъ о „возрожденіи буржуазной демократіи“. Но если присмотрѣться внимательно къ этому „возрожденію“, не трудно убѣдиться, что объективная цѣль, которая поставлена передъ этимъ частнымъ историческимъ процессомъ, гораздо ограниченнѣе и уже той, которую эта демо-

кратія себѣ ставила въ 40-хъ и 60-хъ годахъ. То, что въ бельвильскій программѣ Гамбетты было общимъ достояніемъ всего буржуазнаго республиканизма, то теперь, да и то не въ полной мѣрѣ, можетъ быть усвоено только крайней лѣвой „республиканской демократіи“ и требуетъ отъ нея предварительнаго героическаго переименованія въ „радикально-*соціалистическую* партію“. То, что въ концѣ 60-хъ годовъ могъ вмѣстить архиумѣренный Жюль-Симонъ (народная милиція), нынѣ составляетъ предѣлъ, его же не прейдеши, для всѣхъ почти буржуазныхъ радикаловъ. Ибо частный процессъ передвиженія *влѣво* небольшого слоя правящей буржуазіи совершается на базисѣ и въ тѣсной связи, какъ отраженный его результатъ, съ основнымъ, неизбѣжнымъ и неотвратимымъ процессомъ передвиженія *вправо* всего буржуазнаго общества въ цѣломъ. Не злая воля Криспи и Мелиновъ опредѣляетъ собою этотъ процессъ; онъ составляетъ оборотную сторону развитія классоваго движенія пролетаріата и, подобно послѣднему, неотвратимъ никакими заклинаніями, никакой ловкой тактикой. И на основѣ этого общаго процесса неуклоннаго *реакціонизированія* буржуазіи, только преходящее значеніе могутъ имѣть частныя явленія „возрожденія демократіи“ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ этого класса. Мы, люди европейскаго Востока, слишкомъ наглядно это видимъ на каждомъ шагу. „Возрожденіе“ буржуазной демократіи нисколько не ослабляетъ того реакціоннаго давленія, которое вполнѣ сложившіяся буржуазныя общества оказываютъ на „новыя“ страны, страны, недавно примкнувшія къ капиталистическому міру. Буржуазія передовыхъ странъ уже не вноситъ въ міровой оборотъ никакихъ прогрессивныхъ идей; напротивъ того, она является активнымъ пособникомъ всякой реакціи на „Востокѣ“, и ея деньгами, ея реакціоннымъ идейнымъ вліяніемъ, ея не менѣе реакціонной внѣшней политикой держится у насъ отжившій и осужденный исторіей азіатскій режимъ. И въ этомъ фактѣ главное „оправданіе“ нашего активнаго вмѣшательства въ вопросы тактики интернаціональнаго пролетарскаго движенія. Если европейская буржуазія въ цѣломъ является *у насъ* оплотомъ до-буржуазной реакціи, мы *должны* имѣть право привлечь, въ качествѣ союзника въ борьбѣ съ этой реакціей, пролетаріатъ передовыхъ странъ,— истиннаго наслѣдника преданной буржуазіей европейской культуры. Но мы не можемъ этого сдѣлать, не можемъ, слѣдовательно, свою „національную“ революцію связать съ революціей всемірнаго проле-

...ческій институт... ...ки...

таріата, если послѣдній притупляетъ свой революціонный антагонизмъ къ буржуазному обществу, если за тѣ или другія крохи „соціальной реформы“, если, во имя обманчиваго призрака „возрожденія демократіи“, онъ принимаетъ на себя долю отвѣтственности за направленіе государственной политики правящей буржуазіи, политики, которая, въ общемъ и цѣломъ, есть, и не можетъ не быть, политикой милитаризма и имперіализма, политикой духовной и соціальной реакціи, политикой колоніальнаго грабежа и полицейскаго разврата, политикой, виновной въ продолженіи вѣкового гнета надъ Польшей, евреями, балканскими славянами, армянами и вновь и вновь нарождающей новыя циничныя формы племеннаго и національнаго угнетенія. Если, тамъ или здѣсь, пролетаріатъ беретъ на себя отвѣтственность за общее направленіе этой политики, онъ, тѣмъ самымъ, наноситъ непоправимый ударъ нашей пропагандѣ—пропагандѣ соціалистовъ въ странахъ, гдѣ предстоитъ еще завоевать тотъ самый демократическій режимъ, на основѣ котораго стало возможнымъ это „сотрудничество классовъ“. Становясь изъ нашихъ классовыхъ союзниковъ союзниками и пособниками одного изъ нашихъ классовыхъ враговъ (ибо, напримѣръ, французская буржуазія, въ настоящій моментъ является непосредственнымъ,—въ качествѣ союзника русскаго правительства,—врагомъ пролетаріевъ Россіи), соціалисты демократическихъ странъ подрываютъ въ корнѣ нашу революціонно-соціалистическую работу, дискредитируя въ глазахъ нашего пролетаріата идею соціализма и тѣмъ содѣйствуя развитію у насъ своего „національнаго“ революціоннаго движенія, которое, уже въ силу своей національной ограниченности, не можетъ не быть окрашено цвѣтомъ мелкобуржуазной идеологіи. Чтобы въ условіяхъ отсталаго политическаго строя мы, соціалисты „Востока“, могли дѣлать свое дѣло организаціи рабочаго класса,—а внѣ этого дѣла теперь уже невозможна борьба за свободу,—мы должны имѣть на своей сторонѣ всю идеологическую силу революціоннаго соціализма, силу, которая сводится на нѣтъ всякимъ покушеніемъ на основной принципъ пролетарскаго движенія—его интернаціонализмъ. И если поглощенные борьбой за частныя демократическія реформы западно-европейскіе товарищи еще не забыли, какую всемірно-прогрессивную роль сыграетъ нашъ успѣхъ въ дѣлѣ политическаго пріобщенія Востока къ буржуазно-свободному міру, если для нихъ ясна важность дилеммы—„быть ли Европѣ республи-

канской или казацкой?", то они должны признать наше право „принимать къ сердцу" судьбы пролетарскаго движенія въ тѣхъ передовыхъ странахъ, гдѣ начавшееся или обѣщающее начаться „возрожденіе буржуазной демократіи" не затронуло и не собирается затронуть общихъ основъ современной политики „передовой буржуазіи, — политики укрѣпленія и сохраненія на Востокѣ всѣхъ тѣхъ учрежденій и отношеній, которыя на Западѣ были смягчены революціей 18 вѣка.

„Возрожденіе демократіи" во Франціи не сдѣлало ни этой страны, ни находящихся подъ ея вліяніемъ странъ болѣе гостепріимными для революціонеровъ Россіи и Польши, не стѣснило „свободы дѣйствія" русской полиціи въ Парижѣ, не сдѣлало вліятельную французскую прессу менѣе циничной въ игнорированіи преступленій русскаго деспотизма по отношенію къ армянамъ, финляндцамъ, полякамъ, евреямъ и по отношенію къ русскому пролетаріату. То обстоятельство, что Жоресъ является лидеромъ министерской партіи и что бельгійскіе либералы примирились уже съ мыслью о такой же въ близкомъ будущемъ роли для кое-кого изъ бельгійскихъ соціалистовъ, нисколько не отражается на вѣсѣ той массы золота, которая черезъ парижскую и брюссельскую биржу льется въ бездонную бочку царскаго казнохранилища.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если соціалистическія партіи тѣхъ націй, пролетаріату которыхъ приходится добывать себѣ элементарную политическую свободу при условіяхъ, созданныхъ міровой реакціей въ буржуазномъ обществѣ,—если эти партіи группируются около, такъ называемаго, „нѣмецкаго" соціализма, соціализма непримиримой классовой борьбы и революціоннаго единства пролетаріевъ всего міра. Этотъ фактъ имѣетъ громадное историческое значеніе, и если интернаціональная общность пролетарскаго дѣла не превратилась въ звукъ пустой, то съ этимъ фактомъ придется считаться, какъ съ важной поправкой къ „возрожденію демократіи", тѣмъ соціалистамъ „свободныхъ" странъ, которые практикуютъ „новый методъ". Придется считаться, чтобы разрѣшить дилемму: съ „возрождающейся" буржуазіей противъ всемірнаго пролетаріата или съ всемірнымъ пролеріатомъ противъ единой и, въ единствѣ своемъ, антиреволюціонной буржуазіи?

Не слѣпое, слѣдовательно, доктринерство, а реальный интересъ реальнаго движенія вынуждаетъ насъ огорчать тов. Анзееле нашими вотами въ духѣ „нѣмецкой" ортодоксіи. Пять лѣтъ тому

назадъ, когда только начиналась современная борьба этой ортодоксіи съ ревизіонизмомъ, намъ, русскимъ соціалдемократамъ, особенно понятны были слова, сказанныя тѣмъ, для кого нынѣ Амстердамское пораженіе жоресизма является заслуженнымъ увѣнчаніемъ пятилѣтней трудной борьбы. На парижскомъ „объединительномъ“ конгрессѣ Жюль-Гэдъ сказалъ: „Еще болѣе пагубной является министеріалистская политика съ точки зрѣнія интернаціональной. Въ наши дни почти не приходится говорить о континентальныхъ войнахъ... Можно сказать, что эра крупныхъ европейскихъ войнъ уже закончена; но не исчезли другія войны, которыя возникаютъ и будутъ вспыхивать каждый день. Это—коммерческія или колоніальныя войны, это—войны изъ-за рынковъ, войны, имѣющія цѣлью навязать товары желтокожимъ на крайнемъ Востокѣ или чернокожимъ въ центрѣ Африки. Съ этой именно стороны намъ грозитъ непрерывная война, и эта война будетъ капиталистической по-преимуществу, войной изъ-за прибыли между капиталистами всѣхъ странъ, отбивающими другъ у друга, цѣною нашихъ денегъ и нашей крови, всемірный рынокъ. И вотъ, представляете ли вы себѣ, что въ правительствѣ каждаго изъ европейскихъ государствъ засѣдаетъ по соціалисту, который и принимаетъ участіе въ такого рода человѣкоубійствѣ въ цѣляхъ грабежа? Представляете ли вы себѣ англійскаго, итальянскаго, нѣмецкаго Милльерана рядомъ съ французскимъ, и всѣхъ ихъ увлекающими пролетаріатъ въ междуусобную войну въ интересахъ разбоя? Въ день, когда милльеранизмъ станетъ общимъ явленіемъ, придется сказать: прощай! всякому интернаціонализму и стать націоналистами“.

Милльеранизмъ въ его чистомъ видѣ не распространился за предѣлы Франціи за время, прошедшее послѣ того, какъ были сказаны эти вѣщія слова; но тѣмъ болѣе распространился „жоресизмъ“—это, по выраженію Адлера, „анонимное“ участіе всей соціалистической партіи въ политикѣ буржуазнаго министерства, участіе, дѣлающее партію не менѣе солидарной съ этимъ министерствомъ, чѣмъ это было при прямомъ вступленіи ея члена въ кабинетъ. А, между тѣмъ, насталъ моментъ, когда пророчески нарисованная Гедомъ картина можетъ стать реальностью каждый день. Русско-японская война легко и неудержимо можетъ втянуть въ себя одну или нѣсколько „цивилизованныхъ“ державъ. На волоскѣ дипломатической мудрости держится въ настоящую минуту европейскій миръ.

Что сталось бы съ соціализмомъ, если бы въ одной изъ странъ, фатально втянутыхъ въ міровой конфликтъ, рабочая партія оказалась бы въ политическомъ плѣну у правящаго класса и ея оппортунистическіе вожди, въ силу этого своего плѣненія, должны были бы пассивно или активно поддерживать военную кампанію своего правительства? Этотъ вопросъ долженъ былъ бы встать передъ французскими оппортунистами, когда они вотировали резолюцію протеста противъ наступающей войны. И если бы они вдумались въ значеніе этого протеста, они не могли бы удивляться тому, что представители русскаго и японскаго соціализма—непосредственные виновники этого протеста—впослѣдствіи солидарно голосовали за „дрезденскую“ резолюцію—этотъ логическій выводъ изъ классовой солидарности всемірнаго пролетаріата.

Оппортунисты пытаются объяснить нашъ „революціонизмъ“ специфическими національными условіями существованія нашихъ партій; условіями, которыя они противопоставляютъ иной національной обстановкѣ, опредѣляющей политику французской, итальянской, бельгійской и т. п. рабочихъ партій. Мы можемъ сказать по этому поводу только: какова бы ни была внѣшняя причина, навязывающая намъ такую, а не иную идеологію, эта послѣдняя, по своимъ посылкамъ и своимъ выводамъ, дѣлаетъ нашу политику интернаціональной. Доказательство—позиція русскихъ и японскихъ соціалистовъ въ нынѣшней войнѣ. И если вамъ угодно эту политику называть „нѣмецкой“, мы ничего не имѣемъ противъ этого, поскольку своеобразныя условія, при которыхъ возникъ германскій соціализмъ—на рубежѣ между эпохой капиталистической революціи на Западѣ и началомъ таковой на Востокѣ—позволили ему въ его „національной“ оболочкѣ наиболѣе рельефно выразить міровое содержаніе пролетарскаго движенія. Но мы знаемъ также, что, въ противоположность „національнымъ условіямъ“, тѣ условія, которыя опредѣляютъ характеръ вашей идеологіи, неотвратимо дѣлаютъ вашъ соціализмъ—соціализмомъ національнымъ. Этотъ выводъ изъ рѣчи Жореса на амстердамскомъ конгрессѣ тонко замѣтилъ буржуазный «Temps»,—который тутъ же посмѣялся надъ тѣмъ, что этому національному соціализму предстоитъ имѣть своимъ литературнымъ органомъ газету, которая называется „Человѣчество“ (Humanité).

Національный или международный соціализмъ—такъ стоитъ вопросъ между правымъ и лѣвымъ крыломъ пролетарской арміи.

И въ принятіи дрезденской резолюціи мы привѣтствуемъ фактъ торжества интернаціональныхъ задачъ классовой борьбы пролетаріата надъ случайными и временными выгодами „національныхъ“ движеній въ отдѣльныхъ частяхъ его. Мы дѣлаемъ это прежде всего, какъ представители классовыхъ интересовъ россійскаго пролетаріата, заинтересованнаго, какъ и пролетаріи другихъ странъ, въ развитіи всемірной классовой борьбы за соціальную революцію; мы дѣлаемъ это и какъ представители той партіи, на долю которой выпала задача борьбы съ злѣйшимъ врагомъ всемірнаго соціализма—русскимъ самодержавіемъ.

Л. Мартовъ.

Въ Амстердамѣ.

(Мысли и замѣтки).

I.

(20 сентября 1904 г., № 74).

Ежемѣсячный органъ англійской соціалдемократической федераціи «The Social-Democrat» говоритъ въ своей сентябрьской книжкѣ, что амстердамскій соціалдемократическій съѣздъ является наилучшимъ изо всѣхъ международныхъ конгрессовъ новой „серіи“, т. е. серіи, начинающейся съ 1889 года, когда состоялся первый съѣздъ „новаго интернаціонала“. Не менѣе восторженно отозвался объ амстердамскомъ съѣздѣ Каутскій въ «Neue Zeit». Признаюсь, я не вполнѣ раздѣляю этотъ оптимистическій взглядъ. Конечно, мы, марксисты, представители революціоннаго соціализма, одержали въ Амстердамѣ рѣшительную побѣду надъ международными оппортунистами, и мы не можемъ не радоваться этой побѣдѣ. Но о чемъ спорили мы тамъ съ нашими противниками? Не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, быть или не быть революціонному соціализму. Это именно такъ, потому что тактика, которую отстаивалъ и превозносилъ въ своихъ длинныхъ и напыщенныхъ рѣчахъ вождь оппортунистовъ всѣхъ странъ, Жоресъ, на дѣлѣ означаетъ полный отказъ отъ

революціоннаго соціализма и переходъ на точку зрѣнія буржуазной демократіи. Какъ ни радъ я нашей побѣдѣ, но меня всетаки непріятно поражаетъ воспоминаніе о томъ, что эта постыдная тактика могла быть защищаема на международномъ съѣздѣ соціалистовъ, не вызывая рѣшительнаго и единодушнаго негодованія. А кромѣ того, я не могу скрыть отъ себя и отъ своихъ читателей то неоспоримое обстоятельство, что Вандервельдъ и Адлеръ довольно таки испортили—своимъ „мягкимъ“ проектомъ рѣшенія по важнѣйшему вопросу съѣзда,—ходъ вызванныхъ этимъ вопросомъ преній и ослабили нравственное значеніе побѣды, одержанной марксизмомъ надъ международными оппортунистами. Я назову великолѣпнымъ (prächtiger—выраженіе Каутскаго) только тотъ съѣздъ, который будетъ свободенъ отъ такихъ большихъ недостатковъ. Когда и гдѣ состоится такой, дѣйствительно, великолѣпный, международный съѣздъ? Не знаю. Скажу больше: я не увѣренъ даже въ томъ, что онъ состоится когда-нибудь. Очень возможно, даже—увы!—очень вѣроятно, что современный соціализмъ вплоть до самой революціи, т. е. до завоеванія власти пролетаріатомъ, не излѣчится отъ оппортунистической язвы. Но именно потому у насъ и нѣтъ основаній для оптимизма. Нашъ непріятель потерпѣлъ пораженіе. Это очень хорошо. Но напрасно говоритъ «The Social-Democrat», что теперь пришелъ конецъ международному оппортунизму. Къ сожалѣнію, это еще не такъ. Нашъ непріятель, хотя и пораженъ, но еще не уничтоженъ. Его главныя силы,—французская армія, все того же Жореса,—„отступили въ порядкѣ“ и, поддерживая противъ насъ сильный огонь, очевидно, перестраиваются для новой борьбы. Если это такъ,—а развѣ же это не такъ?—то марксисты должны, не теряя ни минуты, преслѣдовать потерпѣвшаго пораженіе непріятеля, а не льстить себя тою пріятною, но пока еще не основательною увѣренностью, что онъ уже не существуетъ.

«The Social-Democrat» говоритъ далѣе, что не смотря на жаркіе споры по вопросу о тактикѣ, на амстердамскомъ съѣздѣ господствовало стремленіе къ единству. Это, пожалуй, и такъ, но я боюсь, что нашъ англійскій собратъ очень преувеличилъ смыслъ этого явленія. Гдѣ объединенные между собой элементы имѣютъ однѣ и тѣ же общественныя задачи, выражающія одни и тѣ же классовые интересы, тамъ единство не только хорошо, но прямо обязательно для торжества этихъ интересовъ. А гдѣ это необходимое условіе отсутствуетъ, тамъ единство не можетъ быть

ни прочнымъ, ни полезнымъ. И вся „мораль“ амстердамскаго конгресса сводится къ вопросу о томъ, возможно ли прочное единство между оппортунистами и марксистами. Я думаю, что нѣтъ, и въ этомъ случаѣ со мною согласны итальянскіе „реформисты“, давно уже высказавшіе твердую увѣренность въ томъ, что реформизмъ (наиболѣе употребительное въ Италіи названіе оппортунизма) и революціоный соціализмъ составляютъ, въ сущности, двѣ отдѣльныя партіи. А что на амстердамскомъ съѣздѣ было, къ сожалѣнію, не мало оппортунистовъ, въ этомъ, врядъ ли кто усомнится. Правда, не многіе изъ нихъ выступали открыто, но это не мѣшало имъ имѣть значительное вліяніе на ходъ преній: ихъ сравнительной многочисленностью на съѣздѣ и объясняется тотъ, на первый взглядъ, странный и непонятный, фактъ, что соціалистическіе представители пролетаріата могли цѣлыхъ три дня и какъ нельзя болѣе серьезно спорить о томъ, долженъ или не долженъ этотъ классъ продавать буржуазіи свое право первородства за чечевичную похлебку.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ я хочу осмотрѣть вмѣстѣ съ читателями тѣ позиціи, которыя были заняты на амстердамскомъ съѣздѣ марксистами, съ одной стороны, и оппортунистами—съ другой. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ этому осмотру, мнѣ необходимо сдѣлать объясненія по предметамъ, относящимся къ тому, что дѣлалось на съѣздѣ россійской соціалдемократической делегаціей вообще и мною въ частности.

Здѣсь я прежде всего скажу два слова о томъ моемъ поступкѣ, который „Московскія Вѣдомости“ обозвали позорнымъ поступкомъ русскаго соціалиста. Читатель, вѣроятно, уже понялъ, о чемъ я говорю.

Избранный вмѣстѣ съ Сенъ-Катаямой въ вице-президенты перваго засѣданія съѣзда, я обмѣнялся съ представителемъ японскаго соціалистическаго пролетаріата дружескимъ рукопожатіемъ. Московскій реакціонный органъ считаетъ это національной измѣной. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ, но въ томъ то и дѣло, что я не стою на его точкѣ зрѣнія. И,—пусть хорошенько замѣтятъ это „Московскія Вѣдомости“,—далеко-далеко не одинъ я. Сознательный пролетаріатъ Россіи цѣликомъ идетъ подъ знаменемъ международной соціалдемократіи, а международная соціалдемократія не можетъ не возставать противъ международныхъ войнъ; ея горячимъ содѣйствіемъ и ея энергичной поддержкой пользуется одинъ только родъ войны:

классовая война эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами. Въ этой войнѣ я самъ охотно и давно принимаю посильное участіе. Но эта война кажется преступной не только реакціонерамъ и охранителямъ, а даже многимъ „прогрессистамъ“. Вотъ что значитъ различіе точекъ зрѣнія!

Мой „позорный поступокъ“ сопровождался рѣчью, въ которой я сказалъ, между прочимъ, что войну съ Японіей ведетъ не русскій народъ, а русская бюрократія, злѣйшій и опаснѣйшій врагъ этого народа. Пусть попробуютъ „Московскія Вѣдомости“ доказать мнѣ, что это не вѣрно; мнѣ будетъ очень интересно выслушать ихъ доводы. Я сказалъ, далѣе, что въ случаѣ побѣды бюрократіи надъ Японіей главнымъ побѣжденнымъ окажется не кто иной, какъ тотъ же русскій народъ. Московская газета, какъ и вся наша реакціонная клика, прекрасно знаетъ, что и это правда: для нея прелесть побѣды надъ „япошками“ особенно усиливалась бы тѣмъ обстоятельствомъ, что побѣдоносное правительство могло бы, пользуясь ея обаяніемъ, еще сильнѣе затянуть тѣ цѣпи, которыми оно сковываетъ русскій народъ. Я напомнилъ съѣзду ту, къ сожалѣнію, неоспоримую историческую истину, что иностранная политика бюрократіи издавна была политикой хищничества и захвата; что она издавна стремилась подчинить себѣ всѣ тѣ изъ окружавшихъ насъ народовъ, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ей грозный отпоръ, и что она окружила собственно русскую землю цѣлымъ ожерельемъ изъ побѣжденныхъ народностей, возвращавшихъ ей въ видѣ ненависти то, что онѣ получали отъ нея въ видѣ угнетенія. И я прибавилъ, что отъ такой политики само русское населеніе страдало не меньше, если не больше всѣхъ, потому что ни одинъ народъ не можетъ быть свободенъ, служа орудіемъ угнетенія своихъ сосѣдей, и потому, что „порядокъ“, который, благодаря нашему правительству, царствовалъ въ Варшавѣ, въ Гельсингфорсѣ и въ Тифлисѣ съ такой же силой, съ какой „царствуетъ“ смерть на кладбищѣ, „царствовалъ“ также въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, словомъ—во всей Россіи. Можетъ быть, въ этихъ моихъ словахъ заключалось что-нибудь похожее на неправду? Или, наконецъ, ложью было то мѣсто моей рѣчи, гдѣ я сказалъ, что, преслѣдуя въ нашей несчастной странѣ все талантливое, все живое и независимое, бюрократія видитъ себя теперь изолированной, окруженной жалкими и жадными бездарностями, которыя думаютъ только о своей собственной карьерѣ и не могутъ обезпечить ей ничего,

кромѣ цѣлаго ряда постыднѣйшихъ пораженій? Все это самая чистая правда, и когда я говорилъ все это, я сознавалъ, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русскихъ людей. Никогда еще прежде голосъ россійской соціалдемократіи не былъ въ такой сильной степени голосомъ русскаго народа.

Съѣздъ отнесся чрезвычайно сочувственно къ моему „позорному поступку". Онъ отвѣтилъ на него цѣлымъ взрывомъ долго не смолкавшихъ криковъ и рукоплесканій. Вышла цѣлая демонстрація, которая произвела сильное впечатлѣніе даже на людей, видавшихъ на своемъ вѣку и не такіе виды. Я упоминаю объ этомъ, разумѣется, не для того, чтобы похвастаться своимъ успѣхомъ передъ читателями, а для того, чтобы обратить ихъ вниманіе на интересную черту психологіи съѣзда. Одинъ изъ австрійскихъ делегатовъ удивлялся потомъ, въ разговорѣ со мной, тому, что представители международной соціалдемократіи могли придти въ такой восторгъ въ виду поступка, который подсказывался всѣмъ нашимъ міросозерцаніемъ. „Кому же неизвѣстно — воскликнулъ онъ,—что мы, соціалдемократы, противъ войны?" Это въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно; и всѣ делегаты, навѣрно, помнили какъ относящіяся къ милитаризму рѣшенія предыдущихъ международныхъ съѣздовъ, такъ и тѣ дружескіе адресы, которыми обмѣнивались между собой сознательные рабочіе Франціи и Германіи при началѣ франко-прусской войны. Почему же они пришли въ такое возбужденіе при видѣ „позорнаго поступка?" Да просто потому, что они вовсе не такіе сухіе и холодные люди, какими ихъ считаютъ многія сентиментальныя старушки; просто потому, что торжественное открытіе съѣзда всколыхнуло въ ихъ душѣ свойственный имъ энтузіазмъ къ своему дѣлу, и этому энтузіазму нуженъ былъ только подходящій поводъ, чтобы шумно вырваться наружу. Вотъ и все. И это маленькое обстоятельство очень знаменательно. Пролетаріи всѣхъ странъ могутъ только радоваться тому, что у ихъ представителей такъ много энтузіазма. Еще Гегель справедливо сказалъ, что безъ энтузіазма—„безъ страсти"—не дѣлалось ничего великаго въ исторіи...

Заканчивая свою рѣчь, я замѣтилъ, что соціалистическій пролетаріатъ является единственнымъ въ настоящее время носителемъ прогресса, и что, вслѣдствіе этого всѣ тѣ, которые въ той или другой странѣ защищаютъ то или другое дѣйствительно прогрессивное дѣло, невольно обращаютъ свои взоры въ сторону соціалистическаго пролетаріата. Наиболѣе яркимъ доказательствомъ

справедливости этихъ моихъ словъ служило присутствіе на съѣздѣ,— въ англійской делегаціи — престарѣлаго индуса Дадабгая Наороджи, который пріѣхалъ для того, чтобы передъ лицомъ международнаго пролетаріата протестовать противъ долгаго, безпощаднаго и систематическаго угнетенія его родины Англіей. Когда на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій онъ сталъ объяснять цѣль своего пріѣзда, ему устроили цѣлую овацію. Рѣшеніе, принятое съѣздомъ по этому вопросу, гласитъ такъ:

„Собраніе представителей рабочихъ всего цивилизованнаго міра выслушало отъ представителей Англіи и Индіи, что въ Индіи, какъ и повсюду, Англія не перестаетъ отнимать у народа всѣ источники существованія, что она эксплуатируетъ и обворовываетъ его, что она является источникомъ величайшихъ бѣдствій, лишеній и голода для болѣе, чѣмъ 200 милліоновъ населенія на индійской почвѣ. Международный съѣздъ обращается поэтому съ призывомъ къ рабочему классу Великобританіи и приглашаетъ его побудить свое правительство къ уничтоженію нынѣшней безразсудной и позорной колоніальной системы и къ замѣнѣ ея легко осуществимымъ самоуправленіемъ Индіи подъ верховной властью Англіи“.

Угнетенное человѣчество, дѣйствительно, не имѣетъ теперь другого защитника, кромѣ революціоннаго пролетаріата. И, разумѣется, это дѣлаетъ пролетаріату чрезвычайно большую честь. Но это имѣетъ и свои неудобства. Не достаточно испытывать извѣстное угнетеніе для того, чтобы ясно понять задачи соціализма и усвоить себѣ соціалистическое міросозерцаніе. Неудивительно поэтому, что на международные соціалистическіе съѣзды посылаютъ подчасъ своихъ представителей такіе общественные элементы, которые, въ сущности, очень далеки отъ современнаго соціалистическаго движенія и имѣютъ о немъ лишь весьма смутное понятіе. Какъ быть съ ихъ делегатами? Если ихъ явится очень много, то ихъ присутствіе можетъ поставить въ затруднительное положеніе, хотя и не весь съѣздъ, то, по крайней мѣрѣ, делегаціи тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пріѣдутъ. Въ виду этого, казалось бы, что международнымъ съѣздамъ слѣдуетъ очень разборчиво относиться къ соціалистическому „credo“ организацій, посылающихъ на нихъ своихъ делегатовъ. Но, во-первыхъ, делегаты болѣе или менѣе неопредѣленнаго и сомнительнаго образа мыслей являются преимущественно изъ такихъ странъ, общественная жизнь которыхъ,— вслѣдствіе того, что въ нихъ нѣтъ политической свободы, кото-

рая позволяла бы всѣмъ ихъ партіямъ дѣлать свое дѣло у всѣхъ на виду,—крайне мало извѣстна другимъ народамъ. Легко ли разобраться, скажемъ, бельгійцу Вандервельду или голландцу Трульстрѣ въ вопросѣ о томъ, что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ та или другая русская, польская, литовская, армянская или грузинская „соціалистическая“ организація? Не только не легко, но прямо невозможно, за полнѣйшимъ отсутствіемъ у него всякихъ сколько-нибудь убѣдительныхъ данныхъ.

Если же нельзя разобраться, то нельзя и высказаться, а еще менѣе можно принять практическое рѣшеніе, да еще такое, которое, навѣрно, огорчитъ данную организацію и, вѣроятно, создастъ для нея извѣстныя практическіи затрудненія. Да если бы и были серьезныя данныя; если бы большинство членовъ съѣздовъ твердо знало, что такая-то грузинская, армянская, литовская, польская или русская организація называетъ себя соціалистической болѣе для красоты слога, то и тогда оно врядъ ли рѣшилось бы удалить со съѣзда ея делегатовъ. Noblesse oblige (званіе дворянина налагаетъ извѣстныя обязанности), говорили въ старину французы. Теперь можно сказать, что благородное званіе представителя соціалистическихъ пролетаріевъ обязываетъ быть снисходительнымъ. Если угнетенное человѣчество имѣетъ теперь въ соціалистическомъ пролетаріатѣ единственнаго надежнаго и безкорыстнаго защитника; если этому пролетаріату принадлежитъ гегемонія во всемъ прогрессивномъ движеніи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то какъ нельзя болѣе естественно, что въ такіе рѣшительные и торжественные моменты, какими являются его международные съѣзды, къ его представителямъ пожелаютъ примкнуть также и представители другихъ общественныхъ слоевъ, разумѣется, несравненно менѣе революціонныхъ и универсальныхъ, но все же до извѣстной степени служащихъ дѣлу поступательнаго движенія. И точно такъ же естественно, что представители пролетаріата только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и только при обстоятельствахъ, не оставляющихъ у нихъ ровно никакихъ сомнѣній, рѣшатся оттолкнуть отъ себя, удалить изъ своей среды представителей такихъ общественныхъ слоевъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они добродушно скажутъ имъ: „мы очень рады вамъ; посидите съ нами“, совсѣмъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, что подобное гостепріимство можетъ вредно отразиться на пролетарскомъ движеніи тѣхъ странъ, откуда являются эти „тоже соціалистическіе“ представители болѣе или менѣе про-

грессивныхъ не-пролетарскихъ теченій. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній. Если бы подобные „тоже соціалисты“ пріѣхали изъ Германіи и если бы германская соціалдемократическая делегація потребовала отъ съѣзда ихъ удаленія, то они, навѣрно, не получили бы делегатскихъ картъ. Но въ томъ-то и дѣло, что германскіе „тоже-соціалисты“,—Бернштейнъ и его почтенная компанія,—пока еще стоятъ подъ знаменемъ соціалдемократической партіи и потому являются на съѣздъ вмѣстѣ съ настоящими ея представителями; за предѣлами же соціалдемократіи въ Германіи нѣтъ по крайней мѣрѣ такихъ „тоже-соціалистовъ“, у которыхъ могло бы возникнуть желаніе поѣхать на международный съѣздъ. Правда, мѣстами тамъ водятся, въ очень небольшомъ количествѣ, анархисты; но анархисты,—какъ это всѣмъ извѣстно,—на соціалистическіе международные съѣзды совсѣмъ не допускаются; стало быть, нѣмецкимъ соціалдемократическимъ делегатамъ не приходится теперь и поднимать на съѣздѣ подобные вопросы. Не то мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи. Англійскіе соціалдемократы имѣли бы довольно серьезное основаніе поднять такой вопросъ. На международные съѣзды съ давнихъ поръ пріѣзжаютъ представители отъ такъ называющей себя Независимой Рабочей Партіи. Соціалистическія понятія членовъ этой партіи до крайности смутны; ея вождь Киръ Гарди высказывается даже противъ борьбы классовъ. Такъ какъ,—по постановленію брюссельской международной конференціи 1899 г.—признаніе этой борьбы составляетъ одно изъ необходимыхъ условій допущенія на международные съѣзды, то англійская соціалдемократическая федерація имѣла бы, собственно говоря, полное право требовать удаленія съ нихъ делегатовъ Независимой Рабочей Партіи. Она не дѣлаетъ этого. Почему? Вѣроятно, по той простой причинѣ, что знаетъ психологію международныхъ съѣздовъ и понимаетъ, что ея требованіе было бы отклонено. Въ виду этого читатель скажетъ, можетъ быть, что международные съѣзды простираютъ свою снисходительность дальше, чѣмъ это допускается требованіями логики. Я спорить не стану. Я только замѣчу, что эта чрезмѣрная, — и нелогичная, — снисходительность имѣетъ свое достаточное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что должно было бы произойти, если бы англійскіе марксисты въ самомъ дѣлѣ начали добиваться удаленія Киръ Гарди и его товарищей, а съѣздъ сталъ внимательно разбирать основательность ихъ требованій. Пришлось бы назначить коммис-

сію для пересмотра всѣхъ изданій „Независимой Рабочей Партіи“ для изученія ея программы и для наведенія точныхъ справокъ о томъ, что говорили въ тѣхъ или другихъ спорныхъ случаяхъ ея агитаторы. Словомъ, началось бы цѣлое слѣдствіе, и международный соціалистическій съѣздъ попалъ бы въ положеніе верховнаго судилища, произносящаго приговоры надъ еретиками. А онъ ни за что не захочетъ принять на себя такую роль [1]). Вотъ почему путанныя головы, подобныя Киръ Гарди, могутъ спокойно пропагандировать свой странный „соціализмъ“, нисколько не опасаясь того, что передъ ними закроется дверь „международнаго парламента рабочихъ“. „Независимая Рабочая Партія“ не только допускается на съѣздѣ, но пользуется даже правомъ представительства въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро.

Такова психологія международныхъ съѣздовъ. Намъ, россійскимъ соціалдемократамъ, она давно извѣстна, и мы, равно какъ и соціалдемократы всѣхъ остальныхъ странъ, не могли не считаться съ нею. Когда, на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г., мы потребовали удаленія представителя организаціи „соціалистовъ-революціонеровъ“, то мы поддерживали свое требованіе не тѣмъ соображеніемъ, что соціализмъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ очень сомнителенъ, а указаніемъ на тотъ фактъ, что названная организація имѣла слишкомъ ничтожные размѣры: она состояла, если память не обманываетъ меня, изъ шести или семи заграничныхъ студентовъ. И если съѣздъ удовлетворилъ наше желаніе, то единственно потому, что этотъ нашъ доводъ показался ему убѣдительнымъ. А если бы мы начали критиковать передъ съѣздомъ взгляды соціалистовъ-революціонеровъ, то онъ очень скоро положилъ бы конецъ нашимъ разсужденіямъ, объявивъ ихъ неумѣстными, а себя некомпетентнымъ. Ко времени парижскаго съѣзда 1900 года соціалисты-революціонеры ни на вершокъ не подвинулись впередъ въ идейномъ отношеніи. Но ихъ организація нѣсколько выросла къ тому времени, и, вслѣдствіе этого, никому изъ насъ и въ голову не пришло поднимать въ Па-

---

[1]) Извѣстно, что отъ такой роли отказывался и „старый Интернаціоналъ“, руководителемъ котораго былъ Марксъ. Когда Бакунинъ, основавшій въ Женевѣ свой „Всесвѣтный Союзъ соціальной демократіи“, пригласилъ Общій Совѣтъ Международнаго Товарищества Рабочихъ высказаться по поводу его программы, то Совѣтъ отвѣтилъ, что въ его функціи не входитъ „судъ надъ теоретическими принципами программъ различныхъ секцій“.

рижѣ вопросъ объ ихъ недопущеніи. Замѣтьте при этомъ, что, строго говоря, мы тогда уже имѣли право протестовать противъ присутствія делегатовъ отъ соціалистовъ-революціонеровъ. Брюссельская конференція 1899 г. рѣшила, что на международные съѣзды допускаются только такія общества, которыя признаютъ необходимость завоеванія политической власти пролетаріатомъ, организованнымъ въ классовую партію. Этимъ самымъ она поставила на видъ всѣмъ и каждому, что точка зрѣнія современнаго соціализма есть пролетарская точка зрѣнія, и что въ средѣ представителей этого соціализма нечего дѣлать делегатамъ отъ тѣхъ организацій, которыхъ эта точка зрѣнія почему-либо не удовлетворяетъ. Но къ числу этихъ послѣднихъ несомнѣнно и неоспоримо принадлежитъ организація соціалистовъ-революціонеровъ. Всѣ знакомые съ ихъ ученіемъ знаютъ, что они находятъ пролетарскую точку зрѣнія слишкомъ узкой и,—„широта ты, широта, окіянъ-море!“ — дополняютъ ее точкой зрѣнія крестьянства и точкой зрѣнія интеллигенціи. Эти широкіе джентльмены хотятъ держаться сразу трехъ точекъ зрѣнія. Но, къ сожалѣнію, это „широкое“ желаніе неосуществимо. Стоять въ одно и то же время на трехъ точкахъ зрѣнія такъ же невозможно, какъ невозможно одному купцу одновременно ѣхать въ трехъ каретахъ. Поэтому „соціалисты-революціонеры“ на самомъ дѣлѣ довольствуются весьма узкой точкой зрѣнія мелкой буржуазіи. Ясно, стало быть, что присутствіе ихъ делегатовъ на международномъ съѣздѣ 1900 года противорѣчило постановленію, принятому годъ тому назадъ въ Брюсселѣ. Но послѣ всего вышесказаннаго читатель понимаетъ, что ни у кого изъ насъ не могло явиться охоты обнаруживать передъ парижскимъ съѣздомъ это противорѣчіе: мы и не спорили противъ принятія въ русскую секцію двухъ „соціально-революціонныхъ“ делегатовъ, которые—замѣчу мимоходомъ—оказались рѣшительными и непреклонными сторонниками Жореса, какъ извѣстно, бывшаго отвѣтственнымъ издателемъ Милльрана, уже покрытаго тогда кровью рабочихъ Шалона и Мартиники. Не собирались мы воевать съ „соціалистами-революціонерами“ и въ Амстердамѣ. Мы сдѣлали бы большую и непростительную ошибку, если бы сказали хоть одно слово противъ ихъ присутствія на съѣздѣ. Съѣздъ, навѣрно, отклонилъ бы критическое разсмотрѣніе ихъ программы, а они стали бы на всѣ голоса и на всѣхъ крышахъ, на всѣхъ перекресткахъ кричать, что доброкачественность ихъ широкаго со-

ціализма признана и засвидѣтельствована соціалистами всѣхъ странъ, что рѣшеніе второго съѣзда Р. С. Д. Р. П., объявляющаго ихъ партіей мелкой буржуазіи, признано не основательнымъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. А простаки, такъ охотно подставляющіе свои широкіе носы подъ цѣпкіе пальцы этихъ мастеровъ рекламы, внимали бы ихъ крикамъ и наивно радовались бы тому, что узкій порокъ потерпѣлъ, наконецъ, пораженіе, и что широкая добродѣтель была торжественно вознаграждена за всѣ полученныя ею отъ него оскорбленія. Зачѣмъ же намъ было вводить во искушеніе „малыхъ сихъ“?

Органъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ не вѣритъ тому, что у насъ не было намѣренія аттаковать ихъ въ Амстердамѣ. Это его дѣло. Но онъ плохо взвѣсилъ значеніе тѣхъ доводовъ, съ помощью которыхъ онъ хочетъ доказать, что мы совсѣмъ уже выступили въ походъ противъ нихъ и пробили отбой только потому, что увидѣли, какъ нѣжно любятъ ихъ, „соціалистовъ-революціонеровъ“, соціалдемократы другихъ странъ.

„Революціонная Россія“ вспоминаетъ о томъ, что послѣ всѣмъ извѣстнаго кенигсбергскаго процесса я напечаталъ въ центральномъ органѣ германской соціалдемократіи статью противъ терроризма. Такая моя статья, дѣйствительно, появилась въ указанномъ органѣ. Но я ее написалъ единственно потому, что въ Кенигсбергѣ много и неправильно говорилось объ отношеніи нашей партіи къ террору. Предстоявшій амстердамскій съѣздъ тутъ былъ рѣшительно не при чемъ [1]). Кромѣ того, „Революціонная Россія“ приводитъ тѣ строки изъ статьи „Къ амстердамскому съѣзду“,—въ которыхъ сказано, что мы будемъ отстаивать для россійской соціалдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетаріата и выступимъ противъ безразличнаго отношенія соціалистовъ другихъ странъ къ нашимъ отечественнымъ „фракціямъ“. Я согласенъ, что эти слова могли быть приняты гг. „соціалистами-революціонерами“ за нѣкій непріятный намекъ на нѣкую „нехватку“ въ ихъ „соціалистической“ программѣ. Но гдѣ же въ этихъ словахъ угроза добиваться удаленія со съѣзда „соціально-революціонеровъ“?

---

[1]) Кстати, „Революціонная Россія“ ликуетъ по поводу того, что „Vorwärts“ обнаружилъ будто бы нѣкоторое сочувствіе терроризму. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ надо понимать его сочувствіе. Я посвящу этому особую замѣтку.

ціонныхъ“ делегатовъ? Такой угрозы въ нихъ нѣтъ и слѣда! Въ нихъ прямо и недвусмысленно говорится только то, что мы считаемъ нашу партію единственной представительницей сознательнаго пролетаріата Россіи и готовы доказывать это, между прочимъ, и въ Амстердамѣ. Но намъ не пришлось доказывать это по той простой и вполнѣ достаточной причинѣ, что тамъ никто не выразилъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Правда, въ докладѣ, представленномъ амстердамскому съѣзду „соціалистами-революціонерами“, встрѣчаются очень „большія чудеса“ насчетъ ихъ собственнаго отношенія къ пролетаріату. Но ни на засѣданіяхъ съѣзда, ни въ его комиссіяхъ доклады никогда не подвергаются обсужденію, поэтому намъ оставалось,—и остается,—характеризовать этотъ докладъ въ печати, и гг. соціалисты-революціонеры могутъ быть увѣрены, что мы не забудемъ исполнить эту свою обязанность.

Къ чести „партіи соц.-рев.“ надо сказать, что хотя своимъ появленіемъ на международномъ пролетарскомъ съѣздѣ она стала въ очевидное противорѣчіе съ коренной основой своей программы, но во время работъ съѣзда она вела себя съ этой стороны благоразумно и за пролетарскую партію себя не выдавала. Ея представитель г. Рубановичъ обнаружилъ, можно сказать, образцовую скромность въ томъ единственномъ случаѣ, когда мы могли серьезно поспорить съ нимъ о томъ, кѣмъ представляется въ Амстердамѣ сознательный россійскій пролетаріатъ. Редакція „Революціонной Россіи“ понимаетъ, что, говоря это, я имѣю въ виду пренія, происходившія по вопросу о правѣ „соціалистовъ-революціонеровъ“ быть представленными въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро.

По поводу полученія ими этого права, революціонный органъ россійской мелкой буржуазіи затянулъ громкую побѣдную пѣснь,—нѣчто въ родѣ „тебе Бога хвалимъ“,—самой бравурностью своего напѣва обнаруживающую ту неувѣренность, съ которой делегаты этой партіи ѣхали въ Амстердамъ и которая не переставала мучить ихъ въ „сѣверной Венеціи“ вплоть до той счастливой минуты, когда имъ было, наконецъ, объявлено благопріятное для нихъ рѣшеніе. Однако, безпристрастный историкъ отмѣтитъ, что въ данномъ случаѣ успѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ былъ не такъ великъ и,—главное,—не имѣлъ такого лестнаго для нихъ характера, какъ воображаетъ россійскій органъ мелкобуржуазнаго соціализма.

Дѣло было такъ. Въ промежутокъ времени, отдѣлявшій парижскій съѣздъ отъ амстердамскаго, нѣкоторыя организаціи, дѣйствующія въ Россіи, но не входящія въ составъ россійской соціалдемократической партіи, — напр. „партія“ соціалистовъ-революціонеровъ, литовскихъ соціалистовъ, Бундъ и т. д.,— обратились въ Международное Соціалистическое Бюро съ просьбой дать имъ право самостоятельнаго представительства въ этомъ Бюро. Просьба эта обосновывалась различными организаціями различно: однѣ изъ нихъ ссылались на свои національныя особенности, другія на свои программно-тактическія или организаціонныя разногласія съ нашей партіей, но и тѣ, и другія ставили Бюро въ одинаково затруднительное положеніе. Такъ какъ одинъ изъ двухъ голосовъ, приходящихся на долю Россіи, во всякомъ случаѣ принадлежитъ россійской соціалдемократіи, то въ распоряженіи Бюро находился только одинъ голосъ, на который явилось, по крайней мѣрѣ, три претендента. Кому онъ долженъ былъ достаться? На этотъ вопросъ можно было отвѣтить знаменитымъ словомъ: „достойнѣйшему“. Но, чтобы найти достойнѣйшаго, нужно было бы войти въ разсмотрѣніе программъ и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ въ Россіи организацій, а именно этого то и хотѣло избѣгнуть Бюро, слѣдуя указанному мною выше обыкновенію международныхъ съѣздовъ. Что же ему оставалось дѣлать? Въ засѣданіи Бюро, состоявшемся наканунѣ открытія амстердамскаго съѣзда, В. Адлеръ предложилъ дать Россіи—вмѣсто обычныхъ двухъ голосовъ,—три или четыре. Но такое рѣшеніе создало бы новыя и при томъ еще большія трудности. Въ Россіи много дѣйствительныхъ и не мало мнимыхъ національностей, и есть основанія думать, что въ ея революціонной средѣ долго еще будутъ возникать независимыя организаціи. Неужели каждая изъ нихъ получитъ особый голосъ въ Международномъ Бюро? Но, по справедливому замѣчанію Р. Люксембургъ, Бюро не этнографическій музей. И гдѣ же мы остановимся? Сколько голосовъ получится въ распоряженіи Россіи? Проектъ Адлера былъ отклоненъ, причемъ я, съ своей стороны, голосовалъ противъ него, и на вопросъ того же Адлера, какой изъ россійскихъ организацій должны мы, въ такомъ случаѣ, дать второй голосъ, я отвѣтилъ: „Наиболѣе сильной“. Затѣмъ пренія по этому вопросу прекратились, и Бюро въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ засѣданій вынуждено было взяться за рѣшеніе трудной и щекотливой для него задачи: найти „достойнѣйшаго“.

Когда оно принялось, наконецъ, рѣшать ее, представитель Бунда и представитель „соціалистовъ-революціонеровъ“ были приглашены на его засѣданіе для объясненій. Въ своей краткой и крайне неловкой рѣчи представитель Бунда,—неужели эта организація не могла выставить болѣе искуснаго оратора?—имѣлъ безтактность сказать, что его организація потому должна имѣть особый голосъ въ Бюро, что она не можетъ быть удовлетворительно представлена уполномоченнымъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи, изъ которой она выступила и съ которой она теперь „на ножахъ“. Я долженъ былъ вступить въ споръ съ неумѣлымъ адвокатомъ Бунда, и я сказалъ, что такъ какъ его организація выступила изъ нашей партіи, то, благодаря этому въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, возникло нѣкоторое непріятное треніе (froissement), но что, къ счастью, мы все-таки еще не „на ножахъ“. А что касается разногласій, существующихъ между нашей партіей и Бундомъ, то я замѣтилъ, что этотъ послѣдній выступилъ изъ нашей организаціи не потому, что онъ не согласился съ нами въ какихъ-нибудь вопросахъ программы или тактики, а потому, что уставъ нашей партіи не оставлялъ, по его мнѣнію, достаточно мѣста для его болѣе или менѣе націоналистическихъ стремленій (que le statut de notre parti ne laissait pas assez de place à ses tendances plus ou moins nationalistes). Наконецъ, я счелъ себя обязаннымъ по совѣсти прибавить, что, какъ организація рабочихъ, Бундъ несравненно сильнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ партія соціалистовъ-революціонеровъ. На мою рѣчь не возражалъ ни г. Рубановичъ,—упустившій такимъ образомъ прекрасный случай показать намъ, что его „партія“ также является представительницей пролетаріата [1]),—ни делегатъ отъ Бунда. Я не знаю, почему промолчалъ этотъ послѣдній; недавно мнѣ на одномъ публичномъ собраніи пришлось услышать, что онъ не отвѣчалъ мнѣ единственно потому, что предсѣдатель Бюро не далъ ему слова. Но этотъ доводъ не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, послѣ моей рѣчи представитель Бунда—сколько я

[1]) Онъ, очевидно, понялъ, что малѣйшее возраженіе съ его стороны дало бы мнѣ поводъ обратить вниманіе Бюро на отрицаніе „соц.-революціонерами“ пролетарской точки зрѣнія, и что тогда, пожалуй, трудно было бы отклонить разсмотрѣніе этого вопроса. Г. Рубановичъ любитъ поговорить кстати и даже не кстати о широкихъ стремленіяхъ своей „партіи“. Но онъ знаетъ, что есть обстоятельства, при которыхъ молчаніе—золото.

помню,—бралъ слово еще два раза. Но если бы это было и не такъ, то странно, что онъ хранилъ такое глубокое молчаніе во время моей рѣчи, между тѣмъ какъ онъ чуть не на каждомъ словѣ прерывалъ представителя „соціалистовъ-революціонеровъ", г. Рубановича, и не постѣснился прервать Р. Люксембургъ, когда она не совсѣмъ точно перевела на нѣмецкій языкъ, какъ разъ то мѣсто моей рѣчи, гдѣ я говорилъ о причинахъ, побудившихъ Бундъ разорвать съ нашей партіей: тутъ-то можно и должно было, мнѣ кажется, кстати уже крикнуть, что хотя ошиблась переводившая меня Р. Люксембургъ, но что я тоже изложилъ дѣло неправильно. Какъ бы тамъ ни было, представителей обѣихъ добивавшихся голоса организацій, послѣ данныхъ ими подробныхъ объясненій, попросили выйти, и Бюро стало подводить итогъ ихъ доводамъ. Впечатлѣніе большинства было, сколько я могу судить, въ пользу Бунда: нѣкоторые члены Бюро, высказавшіеся прежде противъ него, прямо говорили мнѣ теперь, что они будутъ отстаивать его право на представительство. Но вотъ всталъ вожакъ англійской соціалдемократіи Гайндмэнъ и въ чрезвычайно энергичной рѣчи опровергъ претензіи Бунда. Смыслъ его словъ сводился къ тому, что, какъ бы ни была сильна эта организація по своему вліянію на рабочихъ, она выступила изъ россійской соціалдемократической рабочей партіи вслѣдствіе своихъ націоналистическихъ стремленій, и что, поэтому, давъ ей право представительства въ Бюро, мы оказались бы виновными въ поощреніи націонализма. «Le Bund n'a qu'à rentrer dans la social-démocratie russe (Бунду остается только войти въ россійскую соціалдемократію) — заключилъ Гайндмэнъ. Его аргументація сильно подѣйствовала на Бюро: нѣкоторые члены этого послѣдняго, собиравшіеся голосовать за Бундъ, шепнули мнѣ: „Гайндмэнъ правъ, мы должны голосовать противъ Бунда". Да и самъ я не зналъ, что именно можно было бы возразить Гайндмэну.

Въ концѣ концовъ за „соціалистовъ-революціонеровъ" было подано 16 голосовъ, а за Бундъ—семь. Значитъ не всѣхъ таки убѣдила рѣчь Гайндмэна[1]).

Смыслъ всего этого эпизода тотъ, что хотя большинство чле-

[1]) Прошу читателя замѣтить, что я не помню въ точности, сколько именно голосовъ подано за каждую изъ этихъ организацій: возможно, что за „соціалистовъ-революціонеровъ" было подано однимъ голосомъ больше, а за Бундъ—меньше,—или наоборотъ. Точныя цифры записаны, вѣроятно, секретаремъ Бюро.

новъ Бюро и признало Бундъ, какъ рабочую организацію, болѣе сильной и вліятельной, чѣмъ „партія соціалистовъ-революціонеровъ“, но спорное право представительства все-таки досталось этой послѣдней, такъ какъ представители международнаго пролетаріата не сочли возможнымъ поощрять націоналистическія тенденціи Бунда.

Бундъ былъ побѣжденъ. Но онъ можетъ утѣшать себя тѣмъ соображеніемъ, что побѣда „партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ очень напоминаетъ знаменитую п о б ѣ д у П и р р а.

II.

(5 октября 1904 г., № 75).

Самый главный и самый насущный изъ всѣхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ Амстердамѣ представителями международнаго соціализма, былъ формулированъ такъ:

„Международныя правила соціалистической политики“.

Это былъ тотъ самый вопросъ, который, въ нѣсколько иной формулировкѣ, разсматривался еще 4 года тому назадъ на международномъ съѣздѣ въ Парижѣ. Тогда спорили, главнымъ образомъ, о томъ, можетъ или не можетъ соціалистъ, не измѣняя себѣ, участвовать въ буржуазномъ министерствѣ.

Рѣшеніе, принятое парижскимъ съѣздомъ по этому вопросу, извѣстно подъ именемъ р е з о л ю ц і и К а у т с к а г о. Не мѣшаетъ привести ее здѣсь для справки. Вотъ она:

„Въ современномъ демократическомъ государствѣ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ не можетъ быть достигнуто просто путемъ какого-нибудь насильственнаго дѣйствія, но можетъ явиться лишь результатомъ длинной и трудной работы въ области политической и экономической организаціи пролетаріата, а также результатомъ его физическаго и нравственнаго воз-

рожденія и постепеннаго проникновенія избранныхъ имъ представителей въ муниципальные совѣты и законодательныя собранія. „Но гдѣ правительственная власть централизована, тамъ ея завоеваніе не можетъ совершиться по частямъ. Вступленіе отдѣльнаго соціалиста въ буржуазное министерство не можетъ считаться нормальнымъ началомъ завоеванія политической власти и должно быть разсматриваемо, какъ временный и исключительный пріемъ въ борьбѣ съ трудными обстоятельствами.

„Находятся ли на-лицо въ отдѣльномъ случаѣ эти трудныя обстоятельства—это вопросъ тактики, а не принципа. Онъ не подлежитъ разсмотрѣнію конгресса. Однако, во всякомъ случаѣ, этотъ опасный опытъ можетъ быть полезенъ лишь тогда, когда его одобряетъ значительное большинство организованной соціалистической партіи, и когда соціалистическій министръ является и остается уполномоченнымъ этой партіи.

„Гдѣ соціалистическій министръ дѣйствуетъ независимо отъ своей партіи; гдѣ онъ перестаетъ быть ея уполномоченнымъ, тамъ его вступленіе въ министерство превращается изъ средства, способствующаго усиленію пролетаріата, въ средство, содѣйствующее его ослабленію, и изъ средства, способствующаго завоеванію политической власти, въ средство, препятствующее этому завоеванію".

Комиссія, обсуждавшая эту резолюцію, прибавила къ ней, согласно моему предложенію, значительно, впрочемъ, измѣненному, благодаря ловкому ходу Жореса, слѣдующія строки: „Конгрессъ полагаетъ, однако, что даже въ крайнихъ случаяхъ соціалистъ долженъ покинуть министерство, если организованная партія найдетъ, что это послѣднее дало очевидныя доказательства своей пристрастности въ борьбѣ труда съ капиталомъ".

Если разсматривать эту резолюцію съ чисто теоретической точки зрѣнія, то ее съ нѣкоторыми оговорками можно, пожалуй, признать правильной. Подобно тому, какъ въ литературѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго, такъ и въ политикѣ всѣ тактическіе пріемы позволительны, кромѣ нецѣлесообразныхъ. А участіе соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ не можетъ быть разъ навсегда объявлено несообразнымъ съ нашей цѣлью. Цѣль эта, какъ извѣстно, заключается въ замѣнѣ капиталистическихъ отношеній производства соціалистическими. Этотъ переворотъ можетъ быть совершенъ только соціалистическимъ, то есть,—иначе сказать,—только сознательнымъ пролетаріатомъ. Поэтому, все, что развиваетъ классовое со-

знаніе пролетаріата, сообразно съ нашей цѣлью, а все, что затемняетъ его, противорѣчитъ ей. Съ этой точки зрѣнія необходимо разсматривать и вопросъ о вступленіи соціалиста въ буржуазное министерство. Можно ли утверждать, что такое вступленіе вездѣ, всегда, при всякихъ обстоятельствахъ поведетъ къ затемненію классоваго сознанія пролетаріата? Нѣтъ, безусловно утверждать это нельзя. Можно представить себѣ такое положеніе дѣлъ, такую степень политическаго развитія рабочаго класса и такое поведеніе его представителя - министра, при наличности которыхъ участіе соціалиста въ министерствѣ не затемнитъ самосознанія пролетаріата, а, напротивъ, подвинетъ его впередъ. Поэтому, съ теоретической точки зрѣнія Каутскій былъ правъ, когда не хотѣлъ безусловно высказаться въ своей резолюціи противъ такого участія. Но задача, которую предстояло рѣшить парижскому съѣзду, имѣла, главнымъ образомъ, практическій характеръ. Въ своей резолюціи онъ долженъ былъ считаться съ даннымъ положеніемъ дѣлъ и съ даннымъ поведеніемъ соціалистическаго министра Милльерана. А поведеніе Милльерана не могло не имѣть очень вреднаго вліянія на самосознаніе рабочихъ. Съ этимъ соглашались всѣ, кромѣ сознательныхъ оппортунистовъ: Жореса, Фолльмара, Бернштейна, Анзееле и имъ подобныхъ [1]). Поэтому парижскій съѣздъ не долженъ довольствоваться отвлеченнымъ отвѣтомъ на вопросъ, поставленный передъ нимъ самой жизнью; онъ обязанъ былъ найти такую формулу, которая ясно выражала бы свое отрицательное отношеніе къ тактикѣ Милльерана [2]). Онъ не исполнилъ этой своей обязанности.

---

[1]) Напомню, что всѣмъ участникамъ парижскаго съѣзда былъ извѣстенъ ordre du jour, принятый французской палатой 15 іюня 1900 г. По поводу запроса Симіана о кровавомъ способѣ поддержанія «порядка» въ средѣ шалонскихъ стачечниковъ палата большинствомъ голосовъ постановила перейти къ очередному порядку, выразивъ довѣріе министерству (Вальдека-Руссо-Милльерана) и осудивъ «ученіе коллективизма, съ помощью котораго обманываютъ рабочихъ». Милльеранъ ни однимъ словомъ не высказался противъ этого, а его товарищи—соціалистическіе депутаты, «новаго метода»,—даже голосовали за это рѣшеніе. Читатель понимаетъ, что такое поведеніе должно было сильно компрометтировать соціалистовъ въ глазахъ рабочихъ. И именно имъ объясняется распространеніе въ средѣ французскаго пролетаріата отрицательнаго отношенія къ политикѣ.

[2]) См. въ первой книжкѣ «Зари» мою статью о парижскомъ съѣздѣ. Я разсказываю тамъ, какъ я пытался въ политической комиссіи пополнить этотъ важный пробѣлъ въ резолюціи Каутскаго, и почему не уда-

Онъ поступилъ въ этомъ отношеніи очень уклончиво и непослѣдовательно. Въ своемъ рѣшеніи онъ, перечисливъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе Милльерана въ министерство Вальдека-Руссо, какъ будто не оправдывалъ этого вступленія. Но въ то же время дѣлалъ видъ, что совсѣмъ не касается „случая Милльерана", уважая автономію французской партіи. Что вышло изъ этой совсѣмъ ненужной уклончивости и совершенно очевидной непослѣдовательности? Вышло то, чего и надо было ожидать. Французскіе оппортунисты, Жоресъ, Милльеранъ и tutti guanti, истолковали отвлеченную, непослѣдовательную и уклончивую парижскую резолюцію въ свою пользу и продолжали съ новымъ усердіемъ практиковать свой „новый методъ"... затемненія классоваго самосознанія пролетаріата. Несмотря на всѣ старанія, резолюція, принятая на парижскомъ съѣздѣ, не оправдала и тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нее людьми, старавшимися примирить сторонниковъ „новаго метода" съ защитниками старой революціонной тактики, т. е. марксистами и бланкистами. Она не только не упрочила единства французской соціалистической партіи, но несомнѣнно послужила одной изъ сильнѣйшихъ причинъ раскола въ ней.

Вотъ почему ее стали находить неудовлетворительной даже многіе изъ тѣхъ, которые голосовали за нее въ Парижѣ. И чѣмъ болѣе приближалось время новаго международнаго съѣзда, тѣмъ ниже падалъ французскій оппортунизмъ въ мнѣніи соціалистовъ всѣхъ странъ. Вышедшій въ отставку со своимъ буржуазнымъ патрономъ—Вальдекомъ,—„соціалистъ" Милльеранъ оказался до такой степени скомпрометтированнымъ, что его партія,—партія „новаго метода", „французская соціалистическая партія",—нашла выгоднымъ для себя исключить его изъ своихъ рядовъ. Но это «Spaccio della bestia trionfante» ничего не измѣнило въ образѣ дѣйствій этой партіи. Вдохновляемая и руководимая главнымъ и наиболѣе вліятельнымъ во Франціи представителемъ „новаго метода" Жоресомъ, она оставалась непремѣннымъ членомъ архибуржуазнаго союза республиканскихъ партій (bloc républicain) и сдѣлалась чѣмъ то въ родѣ „соціалистической" лейбъ-гвардіи главы буржуазнаго министерства Комба. И всѣ тѣ,

---

лась моя попытка. Кстати, на русскомъ собраніи въ Женевѣ по поводу амстердамскаго съѣзда, нѣкто г. Владиміровъ утверждалъ, что въ Парижѣ я голосовалъ за резолюцію Каутскаго. Это неправда. Я голосовалъ противъ нея вмѣстѣ со всей группой «Освобожденія труда».

которые осуждали тактику Милльерана, видѣли, что этотъ постоянный союзъ съ буржуазными партіями, эта неизмѣнная вѣрность буржуазному правительству еще опаснѣе для дѣла пролетаріата, чѣмъ прямое участіе соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ. Общественное мнѣніе соціалистическаго міра до такой степени повернулось теперь противъ французскаго оппортунизма, что его очень рѣдко рѣшались защищать даже тѣ оппортунистическіе элементы въ партіяхъ другихъ странъ, которые въ глубинѣ души питали къ нему полное сочувствіе.

Въ виду этого сторонники революціонной тактики во Франціи сдѣлали бы непростительную ошибку, еслибы не воспользовались такимъ настроеніемъ для пересмотра въ Амстердамѣ неудовлетворительной парижской резолюціи. Такъ какъ Франція примѣняла къ жизни идеи, вырабатываемыя и распространяемыя международнымъ соціалистическимъ оппортунизмомъ, то Франціи же и долженъ былъ принадлежать починъ новаго обсужденія и,— если возможно,— обсужденія оппортунистической практики. Французская партія революціонной соціалдемократіи, — „Соціалистическая Партія Франціи“,— взяла на себя такой починъ и, по ея предложенію, въ число очередныхъ вопросовъ амстердамскаго съѣзда былъ занесенъ вопросъ о „международныхъ правилахъ соціалистической политики“. Въ качествѣ проекта рѣшенія по этому вопросу, она предложила обобщенное и потому нѣсколько видоизмѣненное ею рѣшеніе прошлогодняго дрезденскаго съѣзда германской соціалдемократіи по вопросу о нѣмецкомъ „ревизіонизмѣ“. Въ своемъ новомъ видѣ этотъ проектъ рѣшенія былъ таковъ:

„Конгрессъ осуждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ ревизіонистскія стремленія измѣнить нашу испытанную и увѣнчанную успѣхомъ тактику въ такомъ направленіи, чтобы на мѣсто завоеванія политической власти путемъ побѣды надъ нашими противниками поставить политику уступокъ существующему порядку.

„Послѣдствіемъ такой ревизіонистской тактики было бы превращеніе партіи, ставящей себѣ цѣлью возможно быстрое преобразованіе существующаго буржуазнаго общества въ общество соціалистическое,—а потому революціонной въ лучшемъ смыслѣ этого слова,— въ партію, довольствующуюся реформированіемъ буржуазнаго общества.

„Поэтому, конгрессъ, въ противоположность существующимъ ревизіонистскимъ теченіямъ, убѣжденный, что классовыя противорѣчія не ослабляются, а постоянно возрастаютъ, заявляетъ:

1. Что партія отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за основанные на капиталистическомъ способѣ производства политическіе и экономическіе порядки, и потому отказывается ассигновывать какія бы то ни было денежныя средства, нужныя для поддержанія правящихъ классовъ у власти;

2. Что соціалдемократія, согласно резолюціи Каутскаго на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1900 г. въ Парижѣ, не можетъ стремиться къ участію въ правительственной власти въ рамкахъ буржуазнаго общества.

„Далѣе, конгрессъ осуждаетъ всякое стремленіе затушевывать существующія классовыя противорѣчія, чтобы облегчить сотрудничество съ буржуазными партіями.

„Конгрессъ ожидаетъ, что соціалдемократическія парламентскія фракціи будутъ продолжать пользоваться той возрастающей силой, которая создается увеличеніемъ числа ихъ членовъ и огромнымъ приростомъ стоящей за ними массы избирателей, для выясненія цѣлей соціалдемократіи и для того, чтобы соотвѣтственно принципамъ нашей программы, со всею энергіею и настойчивостью охранять интересы рабочаго класса, добиваться расширенія и упроченія политической свободы и равноправія, вести еще болѣе энергичную, чѣмъ до сихъ поръ, борьбу противъ милитаризма и маринизма, противъ колоніальной и имперіалистской политики, противъ произвола, угнетенія и эксплуатаціи во всѣхъ видахъ, энергично содѣйствовать развитію соціальнаго законодательства и выполненію историческихъ и культурныхъ задачъ рабочаго класса“.

Не трудно замѣтить, чѣмъ этотъ проектъ отличается отъ парижскаго рѣшенія 1900 г. Между тѣмъ, какъ это послѣднее оставалось въ области теоріи, осторожно обходя „проклятый вопросъ“ практики, новый проектъ смѣло подходитъ къ нему, безъ колебаній давая на него тотъ отвѣтъ, который одинъ только и могъ быть признанъ достойнымъ соціалистическаго пролетаріата нашихъ дней: отвѣтъ въ духѣ непримиримой оппозиціи и непрерывной революціонной агитаціи. Новый проектъ прямо требовалъ о с у ж д е н і я ревизіонизма международнымъ съѣздомъ.

Всякому было ясно, что вопросъ, выдвинутый Соціалистической Партіей Франціи, будетъ самымъ жгучимъ изъ всѣхъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію въ Амстердамѣ. И какъ та, такъ и другая сторона, какъ „новый методъ“, такъ и революціонный, считали, что отъ рѣшенія этого вопроса будетъ зависѣть

ціонная соціалдемократія, готовились, каждая сообразно своему духу и своему характеру, къ рѣшительному бою.

Сущность оппортунизма заключается, какъ извѣстно, въ преувеличенномъ стремленіи приспособиться къ обстоятельствамъ, забывая о конечной цѣли соціалистическаго движенія или пренебрегая этой цѣлью. Вообще говоря, такое стремленіе чрезвычайно вредно для соціализма, потому что люди, имъ одержимые, дѣлаются органически неспособными видѣть то, что лежитъ дальше ихъ собственнаго носа. Но въ Амстердамѣ этотъ первородный грѣхъ оппортунистовъ принесъ нѣкоторую пользу революціонной соціалдемократіи. Такъ какъ въ настоящее время соціалдемократическій міръ находился подъ очень непріятнымъ впечатлѣніемъ подвиговъ французскихъ соціалистовъ „новаго метода“, то они и не рѣшились открыто выступить на его защиту, а сдѣлали видъ, что сами очень не одобряютъ его. Только бельгійцы — Фюрнэмонъ и Анзееле — первый въ политической комиссіи, второй въ предпослѣднемъ засѣданіи съѣзда,— прямо и откровенно, безъ обиняковъ и оговорокъ, высказались за „новый методъ“, а всѣ остальные оппортунисты, которыхъ такъ не мало пріѣхало въ Амстердамъ, отнеслись къ нему совсѣмъ такъ, какъ относились къ Іисусу его „тайные ученики“, т. е. они усердно скрывали свое сочувствіе къ нему, страха ради революціонна. Вслѣдствіе этого, во время преній, вызванныхъ вопросомъ о международныхъ правилахъ соціалистической политики, партія французскаго оппортунизма оказалась совсѣмъ одинокой, и ея вождь Жоресъ,—послѣ трехдневныхъ споровъ въ комиссіи, разсматривавшей этотъ вопросъ, — имѣлъ полное основаніе сказать о себѣ: „въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней я слышалъ лишь горькія слова критики, недовѣрія, нерасположенія“. И неизвѣстно, что было бы, если бы Вандервельдъ и Адлеръ не оказали оппортунизму поддержки, предложивъ коммиссіи сдѣлать „поправку“ въ томъ проектѣ, который былъ предложенъ Соціалистической Партіей Франціи, и который кратко назывался на съѣздѣ дрезденской резолюціей.

Вотъ эта поправка. „Первый абзацъ дрезденской резолюціи долженъ быть формулированъ такъ: „Съѣздъ съ величайшей рѣшительностью объявляетъ, что необходимо безо всякихъ колебаній держаться испытанной, увѣнчанной успѣхомъ соціалистической тактики, основанной на классовой борьбѣ, и что политика приспособленія къ существующему порядку ни въ какомъ случаѣ не

должна замѣнять собою борьбы за пріобрѣтеніе политической власти посредствомъ побѣды надъ нашими противниками".

„Второй абзацъ долженъ начинаться словами: „Слѣдствіемъ такой тактики уступокъ было бы". Въ третьемъ абзацѣ вычеркнуть слова: въ противоположность существующимъ ревизіонистскимъ теченіямъ. То мѣсто резолюціи, гдѣ рѣчь идетъ о парижскомъ рѣшеніи, должно быть измѣнено такъ:

„2. Что касается опасности и неудобствъ участія въ правительственной власти при существующемъ порядкѣ вещей, конгрессъ подтверждаетъ резолюцію Каутскаго, принятую конгрессомъ 1900 года".

Сдѣлайте мысленно эти измѣненія въ дрезденской резолюціи, и вы тотчасъ замѣтите, что страшное слово: „осужденіе" по-прежнему красовалось бы въ ней; только здѣсь оно встрѣчалось бы одинъ разъ („Далѣе, конгрессъ осуждаетъ" и т. д.) а не два, какъ въ „дрезденской резолюціи". Что же это за странность: хотѣли устранить „осужденіе", а сами оставили его въ своемъ проектѣ? Видно ужъ такъ много хорошихъ дѣлъ натворилъ оппортунизмъ, что даже тѣ, которые гнали его осужденіе въ дверь, незамѣтно для самихъ себя оказались вынужденными впустить то же самое осужденіе въ окно! Но какъ же могло остаться незамѣтнымъ для нихъ самихъ такое замѣчательное обстоятельство? Я могу объяснить себѣ это только тѣмъ, что для нихъ „суть вопроса" заключалась именно не въ словахъ, а въ самомъ содержаніи „дрезденской резолюціи". И въ этомъ легко убѣдиться при нѣкоторомъ вниманіи къ дѣлу. Если бы съѣздъ принялъ ихъ „поправку", то вышло бы, что онъ въ своемъ отношеніи къ спорному вопросу соціалистической политики не пошелъ дальше парижскаго съѣзда; но послѣ всего того, что произошло за четыре года, отдѣлявшіе амстердамскій съѣздъ отъ парижскаго, и въ виду огромнаго вреда, который причиненъ былъ французскому соціализму неопредѣленностью принятаго въ Парижѣ рѣшенія, отказываться идти дальше значило отступать назадъ и прямо поощрять Жореса и комп. къ новымъ преступнымъ злоупотребленіямъ именемъ пролетаріата. Это было бы страшной, непоправимой ошибкой.

Представители революціонной соціалдемократіи хорошо поняли это, и, благодаря ихъ единодушнымъ и энергичнымъ усиліямъ, неумѣстная „поправка" была отклонена въ комиссіи 24 голосами

противъ 16. Послѣ этого голосовали „дрезденскую резолюцію“. За нее было подано 29 голосовъ; противъ—3; 10 воздержалось. Такимъ образомъ, въ комиссіи споръ былъ разрѣшенъ въ пользу марксизма; но пока еще только въ комиссіи: окончательное рѣшеніе долженъ былъ вынести съѣздъ. Что, если бы онъ разошелся съ комиссіей и одобрилъ „поправку“ Адлера-Вандервельда? Тайные ученики Жореса всѣми силами старались перевести на свою сторону товарищей, воздержавшихся въ комиссіи отъ подачи голоса. Они надѣялись, что съ ихъ помощью имъ удастся отклонить „дрезденскую резолюцію“.

Прежде, чѣмъ говорить о томъ, къ чему привели эти отчаянныя усилія, и описывать то „обходное движеніе“, которое сдѣлалъ Анзееле противъ нѣкоторыхъ національныхъ делегацій, ясно обнаружившихъ свои революціонныя сочувствія, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ pro domo sua.

„Поправка“ Адлера-Вандервельда была не малой услугой международному оппортунизму. Я прямо говорю это теперь, какъ говорилъ и въ комиссіи. Но напрасно Адлеръ понялъ мои слова въ томъ смыслѣ, будто я обвинялъ его самого въ оппортунизмѣ. Я упрекалъ его только въ непослѣдовательности. Рѣшительно высказавшись въ комиссіи противъ тактики покойника Милльерана, Адлеръ не менѣе рѣшительно прибавилъ, что нынѣшняя тактика Жореса еще хуже, еще опаснѣе для пролетаріата, а заключилъ свою рѣчь неожиданнымъ заявленіемъ, что не хочетъ никого осуждать, такъ какъ никто изъ насъ не можетъ претендовать на непогрѣшимость. Я тогда не понялъ и до сей поры искренно недоумѣваю, какимъ образомъ преданный своему дѣлу соціалистъ,—а я никогда и ни на одну минуту не сомнѣвался въ томъ, что Адлеръ глубоко преданъ своему дѣлу,—можетъ отказаться осудить ту тактику, которую онъ самъ же находитъ вредной для пролетаріата. Если онъ не считаетъ себя въ правѣ осуждать, даже и въ этомъ случаѣ, то онъ, очевидно, держится евангельскаго правила: „не судите, да не судимы будете“. Но это правило,—проповѣдуемое нашими толстовцами,—хорошо развѣ только въ монастырѣ, а ужъ никакъ не въ средѣ людей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы. Въ своей рѣчи въ комиссіи,—рѣчи, которая, кстати сказать, была безбожно скомкана и исковеркана въ органѣ „лояльнаго“ Жореса „Humanité“,—я выразилъ именно это свое недоумѣніе. Адлеръ, возражая мнѣ, не нашелъ нужнымъ разъяснить его, а

предпочелъ оправдываться отъ упрека въ оппортунизмѣ. Когда я крикнулъ ему, что я не дѣлалъ такого упрека, онъ отвѣтилъ, что я высказалъ его печатно. Но это невѣрно. Ни я, ни одинъ изъ сотрудниковъ „Искры“ никогда не писалъ ничего подобнаго. Осенью прошлаго года въ статьѣ, посвященной общему съѣзду австрійской соціалдемократіи, я высказалъ сожалѣніе о томъ, что Адлеръ занимаетъ слишкомъ неопредѣленное положеніе въ спорѣ между ревизіонистами и марксистами. Я и теперь столь же глубоко сожалѣю объ этомъ. Но, во-первыхъ, такое сожалѣніе было бы невозможно, если бы я думалъ, что Адлеръ уже сдѣлался ревизіонистомъ. А, во-вторыхъ, умѣстно ли было поднимать въ комиссіи вопросъ о томъ, что писалъ и какъ именно писалъ я объ Адлерѣ чуть не за годъ до Амстердамскаго съѣзда? Нѣтъ, Адлеръ просто былъ раздраженъ,— можетъ быть, вслѣдствіе смутнаго недовольства своей „поправкой“,—и это его раздраженіе обнаружилось какъ въ излишней мнительности, такъ и въ тѣхъ его неосторожныхъ словахъ, которыя дали мнѣ поводъ думать, что онъ,—не желающій никого осуждать,— выдвигаетъ противъ россійской соціалдемократіи бездоказательное обвиненіе. Именно онъ удивился, что энергичнѣе всего отстаиваютъ дрезденскую резолюцію представители Россіи и Франціи, т. е. именно тѣхъ странъ, гдѣ соціалисты наиболѣе расходятся между собой по вопросамъ тактики. Тогда я крикнулъ ему: „между нашими марксистами тактическихъ разногласій не существуетъ“. На это онъ возразилъ: „Вамъ было очень легко достигнуть этого, выталкивая изъ партіи всѣхъ тѣхъ, которые не согласны съ вами“. Этотъ отвѣтъ вызвалъ громкій и радостный смѣхъ присутствовавшихъ въ коммиссіи оппортунистовъ всѣхъ странъ; но такъ какъ изъ нашей партіи никто не былъ „вытолкнутъ“ за свои мнѣнія, то я, встрѣтившись съ Адлеромъ на другой день въ засѣданіи Международнаго Бюро, предложилъ ему назвать мнѣ жертвы нашей нетерпимости. Онъ сказалъ, что ему совсѣмъ неизвѣстны такія жертвы и что его слова относились не къ намъ. Тогда я попросилъ его повторить это передъ комиссіей, на что онъ охотно согласился и что онъ исполнилъ въ тотъ же день. Я былъ удовлетворенъ, и я не сталъ бы возвращаться здѣсь къ этому непріятному эпизоду, если бы центральный органъ австрійской партіи,— занесшій въ свой отчетъ о засѣданіяхъ политической комиссіи тѣ слова Адлера, которыя были поняты мною въ вышеуказанномъ

смыслѣ обвиненія,—не умолчалъ о томъ, какъ объяснилъ ихъ Адлеръ въ той же комиссіи. Это умолчаніе вводитъ въ заблужденіе читателей вѣнской „Arbeiter-Zeitung“, и я обращаю на него вниманіе Адлера, которому легко будетъ поправить дѣло какими-нибудь пятью строками.

Теперь вернемся въ засѣданіе съѣзда. Усилія оппортунистовъ, пытавшихся отразить нашу атаку посредствомъ проведенія „поправки“ Вандервельда-Адлера, не остались безплодными. Уже утромъ рѣшительнаго, историческаго дня,—19 августа,—можно было замѣтить, что оппозиція противъ „дрезденской резолюціи“ возрастаетъ. Весь вопросъ былъ въ томъ, до чего она можетъ дорасти. Оппортунисты очень разсчитывали на ораторскій талантъ Жореса. Они много и горячо рукоплескали ему во время его рѣчи, а когда онъ кончилъ, сдѣлали ему настоящую овацію, при чемъ очень горячій восторгъ обнаружилъ возстающій противъ борьбы классовъ Киръ-Гарди, который, кстати сказать, ни слова не понимаетъ по-французски. Рыбакъ рыбака видитъ издалека... [1]).

Жоресъ во всемъ мірѣ извѣстенъ, какъ замѣчательный ораторъ. Своей „формой“ рѣчи, произнесенныя имъ въ Амстердамѣ, очень понравились даже многимъ марксистамъ. Я не былъ въ ихъ числѣ. Мнѣ нравится лишь то краснорѣчіе, которое аѳиняне называли „т о щ и м ъ“, противопоставляя его „ж и р н о м у“ краснорѣчію восточныхъ народовъ. А у Жореса именно чрезвычайно „ж и р н ы й“ ораторскій талантъ. Въ его рѣчахъ, украшенныхъ риторическими цвѣтами, не замѣтно крѣпкой мускулатуры л о г и к и. И этимъ недостаткомъ особенно сильно страдали рѣчи, произнесенныя имъ въ Амстердамѣ. Длинныя и широковѣщательныя, ноздреватыя и громкія, онѣ производили на меня почти комическое впечатлѣніе полнымъ несоотвѣтствіемъ очень бѣднаго содержанія съ крайне пышной формой. Послѣ второй его рѣчи въ комиссіи кто-то,—кажется Жиро-Ришаръ,—спросилъ меня, какъ я нахожу ее. Я отвѣтилъ, что я въ восторгѣ.—Въ самомъ дѣлѣ?—Честное слово! Да и нельзя мнѣ, марксисту, не восторгаться ею: вѣдь это самая лучшая изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ здѣсь п р о т и въ жоре-

---

[1]) Изъ лагеря нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ тоже было послано по адресу Жореса нѣсколько очень сердечныхъ рукоплесканій. Въ моей записной книжкѣ отмѣчено, какія именно мѣста его рѣчи вызвали эти рукоплесканія. Я готовъ подѣлиться этими отмѣтками съ „Р е в о л ю ц і о н н о й Р о с с і е й“.

сизма.—Какъ же это такъ?—„Да очень просто. Во всей этой рѣчи нѣтъ ни одного слова о соціализмѣ. Это—рѣчь радикальнаго буржуа, горячо защищавшаго свою антиклерикальную программу и старающагося подкупить своихъ слушателей обѣщаніемъ микроскопическихъ соціальныхъ реформъ. Откровенно буржуазный Клемансо, навѣрно, говорилъ бы такъ же, какъ Жоресъ...“—„Клемансо показалъ бы себя болѣе передовымъ человѣкомъ,“—замѣтилъ стоявшій около насъ французскій товарищъ, должно быть, изъ марксистовъ. И онъ не ошибся: Клемансо говорилъ бы, въ самомъ дѣлѣ, радикальнѣе.

Этого недостатка своихъ амстердамскихъ рѣчей Жоресъ не могъ бы устранить, не переставъ быть Жоресомъ. Но былъ въ нихъ и другой недостатокъ, обусловленный той взволнованностью, почти растерянностью, которую обнаружилъ „великій трибунъ“. „Это самая несчастная изъ всѣхъ рѣчей, когда-либо имъ произнесенныхъ!“—воскликнулъ одинъ изъ его „тайныхъ учениковъ“, послѣ его рѣчи въ засѣданіи съѣзда. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ: эта рѣчь отличалась поразительной безтактностью, чтобы не сказать больше. Жоресъ вздумалъ обвинять германскую соціалдемократію... въ чемъ бы вы думали? Въ недостаткѣ революціонной энергіи! Этотъ упрекъ сдѣланъ былъ первосвященникомъ французскаго оппортунизма, человѣкомъ, который вдохновлялъ Милльерана, дружитъ съ Бернштейномъ, поддерживаетъ Туратти, и всегда готовъ протянуть братскую руку помощи всѣмъ антиреволюціоннымъ элементамъ всѣхъ соціалистическихъ партій всего цивилизованнаго міра! Это было и не умно, и безполезно, потому что только сердило нѣмцевъ и,—чего добраго!—могло сбить съ толку делегаціи, поддерживавшія Жореса именно за анти-революціонный характеръ его политической программы. C'était une grande gaffe! какъ говорятъ французы.

Нѣсколько болѣе ловкимъ, хотя столь же не „лояльнымъ“ маневромъ „лояльнаго“ Жореса былъ его упрекъ Бебелю и Гэду въ томъ, что они равнодушны къ республикѣ. Излишне пояснять читателю, имѣющему понятіе объ отношеніи марксистовъ къ политикѣ и знакомому съ дѣятельностью Гэда и Бебеля, что ни тотъ, ни другой вовсе не обнаруживали такого равнодушія. Бебель прямо сказалъ, что онъ завидуетъ французамъ, имѣющимъ республиканскія учрежденія. Но онъ напомнилъ Жоресу, что республика, существующая во Франціи, есть буржуазная республика, относящаяся къ требованіямъ рабочихъ иногда болѣе отри-

цательно, чѣмъ даже полу-феодальная германская имперія. Подобное напоминаніе могло быть непріятно для человѣка, который, подобно Жоресу, не перестаетъ славословить буржуазную республику и изображать, какъ великія и богатыя милости, тѣ жалкіе проекты жалкихъ соціальныхъ реформъ, съ помощью которыхъ французскіе буржуазные республиканцы убаюкиваютъ французскій пролетаріатъ; но это напоминаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ, и тутъ приходится сказать, какъ Крыловъ: „неча на зеркало пенять, коль рожа крива". Что сдѣлала до сихъ поръ для рабочаго класса та республика, которая, въ лицѣ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ правителей своихъ, увѣряла, что вступленіе соціалиста въ буржуазное министерство необходимо для ея спасенія! Если не считать ничтожныхъ частностей, — безконечно малыхъ заплатъ на жалкомъ рубищѣ буржуазной „соціальной политики",—то реформы, придуманныя правительствомъ „республиканской самообороны", до сихъ поръ не вышли изъ области проектовъ и обѣщаній. И какихъ проектовъ, какихъ обѣщаній! Самымъ серьезнымъ изъ нихъ является обѣщаніе крохотныхъ,—поистинѣ нищенскихъ,—пенсій рабочимъ, достигшимъ 65-ти лѣтняго возраста. Но современное положеніе пролетаріата таково, что лишь самое незначительное число пролетаріевъ достигаетъ этого возраста, поэтому сознательные французскіе рабочіе чрезвычайно мѣтко прозвали сей изумительно великодушный проектъ проектомъ пенсій мертвецамъ. Такова была главная „реформа", которую обѣщала посулить рабочему классу французская буржуазная республика и на которую чувствительно намекалъ краснорѣчивый Жоресъ, защищая свою тактику. Презрительно пожимая плечами по поводу такой щедрости,—поистинѣ достойной Плюшкина,—революціонные соціалдемократы отнюдь не защищаютъ монархіи: они только обнаруживаютъ нелѣпость той идеализаціи буржуазной республики, которой предаются Жоресъ и другіе сторонники „новаго метода" [1]).

---

[1]) Страстная любовь къ республикѣ не мѣшаетъ Жоресу оставаться единомышленникомъ Бернштейна, республиканизмъ котораго показалъ себя съ весьма сомнительной стороны въ извѣстной полемикѣ прошлаго года,—и Туратти, который, въ свою очередь, такъ близокъ съ королевскимъ министромъ Джіолитти. Она не мѣшаетъ ему также быть въ наилучшихъ отношеніяхъ съ бельгійскими оппортунистами, взывавшими къ безпристрастію короля во время своей недавней борьбы за равное избирательное право. Въ этой кажущейся непослѣдова-

Марксъ давно и вполнѣ правильно сказалъ, что республика есть наиболѣе благопріятная для пролетаріата форма правленія, потому что въ ней достигаетъ наибольшаго развитія борьба этого класса съ буржуазіей. И этого, конечно, не позабыли ни Гэдъ, ни Бебель. Но если, при наличности капиталистическихъ производственныхъ отношеній, республика является однимъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ условій освобожденія рабочаго класса, то ясно, что буржуазная республика не можетъ быть въ глазахъ соціалиста цѣлью: она—только средство для достиженія цѣли: соціальной революціи. И именно потому, что буржуазная республика есть средство, а не цѣль, соціалисты обязаны критиковать ее для того, чтобы развивать революціонное самосознаніе рабочихъ. А Жоресъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ; онъ превращаетъ буржуазную республику изъ средства въ цѣль, и приходитъ въ забавное негодованіе, когда сторонники революціоннаго соціализма возстаютъ противъ такого превращенія.

Правда, Жоресъ также имѣетъ революціонныя симпатіи, но революція, пользующаяся его симпатіями, есть буржуазная французская революція конца восемнадцатаго вѣка. Этой революціей были исчерпаны революціонныя задачи цивилизованнаго человѣчества; рабочему классу остается добиваться только реформъ, развивая дальше основные принципы великой буржуазной революціи. Этотъ до нельзя ошибочный взглядъ былъ положенъ Французской Соціалистической Партіей въ основу своей программы, написанной Жоресомъ, и изображающей соціализмъ простымъ придаткомъ къ либерализму; и тѣмъ же взглядомъ подсказывались всѣ амстердамскія разсужденія Жореса. Но само собою понятно, что революціонная соціалдемократія не можетъ помириться съ этимъ взглядомъ, не подписавъ себѣ смертнаго приговора. Въ этомъ смыслѣ я и сказалъ въ первомъ очеркѣ, что въ Амстердамѣ споръ шелъ о томъ, быть или не быть революціонному соціализму.

Много трубилъ и отчасти еще трубитъ „лойяльный“ Жоресъ на ту тему, будто Гэдъ объявилъ невозможнымъ умственное освобожденіе пролетаріата въ современномъ обществѣ. Но это опять не „лойяльный“ пріемъ спора. Въ только что названномъ грѣхѣ

тельности есть своя желѣзная логика, которая состоитъ въ томъ, чтобы всегда и вездѣ подлаживаться къ существующему порядку!

Гэдъ также мало виновенъ, какъ и въ равнодушіи къ республикѣ [1]). Онъ только сказалъ, что отдѣленіе церкви отъ государства еще не избавитъ человѣчества отъ религіозныхъ предразсудковъ; въ доказательство онъ сослался на Америку, а потомъ прибавилъ, что полное освобожденіе человѣчества отъ этихъ предразсудковъ совершится только послѣ соціалистической революціи, когда рай будетъ устроенъ на землѣ, и когда людямъ не будетъ надобности мечтать о раѣ небесномъ. Эта послѣдняя мысль также давно уже была высказана Марксомъ, а теперь,—почти совсѣмъ на этихъ дняхъ,—была повторена въ резолюціи римскаго международнаго съѣзда свободныхъ мыслителей. Органъ Жореса „L'Humanité" крайне сочувственно встрѣтилъ римскую резолюцію; но онъ до сихъ поръ не можетъ примириться съ „сектантскимъ" взглядомъ Гэда. Чѣмъ объясняется эта разница? Только тѣмъ, что римскій съѣздъ дѣлалъ шумные комплименты главѣ нынѣшняго французскаго министерства Комбу, а Гэдъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей склонности къ этому занятію. О, „лойяльность"!

Почти передъ самымъ голосованіемъ нѣмецкая делегація предложила, съ согласія Соціалистической Партіи Франціи, замѣнить въ „дрезденской резолюціи" слово: „осуждаетъ" словомъ „отвергаетъ". Теперь „поправка" Адлера - Вандервельда теряла, повидимому, всякій смыслъ. Но въ томъ и дѣло, что „дрезденская резолюція" смущала оппортунистовъ вовсе не „осужденіемъ". При голосованіи за „поправку" Адлера-Вандервельда было подано столько же голосовъ, сколько и противъ нея. Счастье было такъ близко, такъ возможно! Перейди направо еще одна нація изъ числа колебавшихся, и для оппортунизма была бы приготовлена такая щель, черезъ которую онъ мало-по-малу опять втащилъ бы весь свой багажъ въ соціалистическую практику. Международные оппортунисты до сихъ поръ не могутъ утѣшиться и все ищутъ виноватаго. Недавно „La petite Republique" (органъ оппортуниста изъ оппортунистовъ Жиро-Ришара) обрушилась на Каталяму, находя, что ему слѣдовало ѣхать не въ Амстердамъ, а въ японскую дѣйствующую армію и драться съ русскими. Эта невѣроятная нелѣпость есть лишь новое, изуродованное изданіе соображенія,

[1]) Въ газетѣ Клемансо „L'Aurore" Гэдъ пояснилъ, что, говоря въ Амстердамѣ о республикѣ, онъ лишь повторилъ (приведенный мною выше) взглядъ Маркса, но „лойяльный" Жоресъ твердитъ свое: это ему выгодно.

высказанное въ Амстердамѣ Анзеелемъ, который въ своей рѣчи 19 августа посовѣтовалъ представителямъ Японіи, Россіи, Польши, Болгаріи и Испаніи воздержаться отъ подачи голоса по вопросу о правилахъ соціалистической политики, такъ какъ, видите ли, въ этихъ странахъ слишкомъ мало развита политическая жизнь. Катаяма, Роза Люксенбургъ, я, болгаринъ Раковскій и испанецъ Иглезіасъ тотчасъ же по окончаніи рѣчи Анзееле обратились къ съѣзду съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ энергично протестовали противъ этой „попытки раздѣлить его участниковъ на активныхъ и пассивныхъ гражданъ и устроить нѣчто въ родѣ концерта великихъ державъ по вопросамъ, касающимся всего международнаго соціализма“. Въ центральномъ органѣ германской соціалдемократіи отмѣчено, что съѣздъ сочувственно отозвался на нашъ протестъ. Иначе и быть не могло: вѣдь, на съѣздѣ преобладали не оппортунисты, а революціонеры.

Что касается въ частности движенія россійскаго пролетаріата, мы можемъ сказать тов. Анзееле, что это движеніе,—какъ факторъ прогресса въ Россіи, а черезъ Россію, и во всей Европѣ,—несравненно важнѣе, чѣмъ тотъ картофель и тѣ ковриги хлѣба, которыми онъ, въ своемъ чрезмѣрномъ увлеченіи кооперативными товариществами, собирался когда-то „бомбардировать капиталистическое общество“. Qu'il se tienne pour averti!

Такъ какъ за поправку было подано столько же голосовъ, сколько и противъ нея, то она была отклонена. Вслѣдъ за ней очередь дошла до „дрезденской резолюціи“, которая и была принята большинствомъ 28 голосовъ противъ 5. Делегаціи Аргентинской республики, Бельгіи, Даніи, Швеціи, Голландіи и Швейцаріи воздержались отъ голосованія. Соціалистическая Гора побѣдила соціалистическую Жиронду, при чемъ многіе тайные ученики опять, какъ видимъ, покинули Жореса [1]).

Громкія, долго несмолкавшія рукоплесканія привѣтствовали эту побѣду международной революціонной соціалдемократіи надъ революціоннымъ оппортунизмомъ.

Кстати о ревизіонистскихъ стремленіяхъ, „отвергнутыхъ“

[1]) Воздержавшись отъ голосованія, голландская делегація нарушила постановленіе послѣдняго съѣзда голландской соц.-дем. партіи, рѣшившаго голосовать за дрезденскую резолюцію. Мнѣ извѣстно, впрочемъ, что меньшинство голландской делегаціи состояло изъ горячихъ сторонниковъ этой резолюціи.

бывшей дрезденской, а нынѣ амстердамской резолюціей. Эти стремленія проявились, какъ извѣстно, не только въ практической области, но также и въ области теоріи: достаточно напомнить литературную дѣятельность гг. Бернштейна и Давида. Наши „соціалисты-революціонеры“, если не во всѣхъ, то въ очень многихъ и весьма существенныхъ отношеніяхъ сочувствовали теоретическимъ подвигамъ этихъ господъ. Какъ же могли они голосовать за „дрезденскую резолюцію“? Разрѣши, мудрый Эдипъ!

Послѣ того, какъ была принята въ комиссіи дрезденская резолюція, Бебель, Каутскій, Ферри, Адлеръ-Вандервельдъ и Трульстра предложили, какъ естественное добавленіе къ ней, резолюцію, гласящую, что въ каждой странѣ должна быть одна соціалистическая партія, подобно тому, какъ есть только одинъ пролетаріатъ. Г. Рубановичъ заявилъ по этому случаю, что онъ голосовалъ бы за объединеніе съ нами, если бы мы отмѣнили касающуюся соціалистовъ-революціонеровъ резолюцію нашего второго съѣзда. Этого заявленія его никто изъ иностранцевъ не понялъ и никто на него не обратилъ вниманія; не до него тогда было. Но неужели г. Рубановичъ вправду вообразилъ, что „резолюція объ единствѣ“ хоть сколько-нибудь касается его партіи? Совсѣмъ же нѣтъ! Резолюція имѣетъ въ виду пролетарскія партіи, къ числу которыхъ „соц.-революціонеры“, какъ это всѣмъ у насъ извѣстно, не принадлежатъ.

Единогласно принятая съѣздомъ резолюція объ единствѣ принесетъ большую пользу французскому пролетаріату. Жоресъ много лѣтъ, не переставая, кричалъ о необходимости объединенія; не угодно ли ему теперь объединиться съ партіей Гэда—Валльяна... на почвѣ амстердамской резолюціи, такъ рѣшительно отвергнувшей оппортунизмъ?

III.

(20 октября 1904 г., № 76) [1]).

Разсмотрѣнію амстердамскаго съѣзда подлежало шесть очередныхъ вопросовъ:

1) Международныя правила соціалдемократической политики; 2) Колоніальная политика; 3) Эмиграція и иммиграція; 4) Всеобщая стачка; 5) Соціальная политика и страхованіе рабочихъ; 6) Трэсты и безработица.

Правда, вопросъ объ эмиграціи и иммиграціи былъ, за неимѣніемъ времени и по предложенію Киръ-Гарди, отложенъ до слѣдующаго съѣзда, такъ что въ Амстердамѣ рѣшенія приняты были только по пяти остальнымъ вопросамъ. Но и эти пять вопросовъ настолько важны, что каждому изъ нихъ надо было бы посвятить отдѣльную статью: итого уже пять статей. А кромѣ того, амстердамскій съѣздъ принялъ не менѣе важное постановленіе по вопросу объ избирательномъ правѣ женщинъ. На немъ тоже полезно было бы остановиться: еще одна статья. Но на шесть статей у меня рѣшительно не хватитъ времени. Поэтому я подробно разсмотрю здѣсь только тотъ вопросъ, который по своему важному значенію для международнаго пролетаріата не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики: вопросъ о всеобщей стачкѣ. Остальныхъ же рѣшеній, принятыхъ въ Амстердамѣ, я, по необходимости, коснусь только въ немногихъ словахъ.

Прежде всего я приведу рѣшеніе, касающееся женщинъ. Вотъ оно:

---

[1]) Спѣшу отмѣтить здѣсь, что въ мою вторую статью объ Амстердамскомъ съѣздѣ, по ошибкѣ корректора, закралась опечатка, которую мнѣ хотѣлось бы исправить. Именно, въ рукописи я употребилъ выраженіе: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива“, давъ понять, что я употребляю его вслѣдъ за Гоголемъ. Въ печати оно оказалось приписаннымъ Крылову. Моей вины тутъ нѣтъ.

„Въ той борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ за всеобщее и равное право прямой и тайной подачи голоса при выборахъ въ парламенты и въ общинные совѣты, соціалистическія партіи должны выставлять требованіе права голоса также для женщинъ; онѣ должны поддерживать это требованіе въ своей принципіальной пропагандѣ и энергично защищать его“.

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ привлекательныхъ сторонъ революціоннаго движенія въ Россіи было до сихъ поръ сознательное участіе въ немъ многихъ женщинъ. Имена С. Бардиной, В. Засуличъ и С. Перовской смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ наиболѣе прославившимися въ нашемъ движеніи мужскими именами. Уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка передовые люди нашей интеллигенціи свободны были отъ буржуазныхъ взглядовъ на „призваніе женщины“. Знаменитые въ исторіи нашей страны шестидесятые и семидесятые годы еще болѣе сдѣлали для разрушенія этихъ узкихъ взглядовъ. И, хотя, въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ мы въ этомъ отношеніи,—какъ и во многихъ другихъ,—довольно сильно попятились назадъ, но все-таки у насъ даже въ откровенно буржуазной средѣ нерѣдко смотрятъ на женскій вопросъ разумнѣе, чѣмъ въ такой же средѣ на Западѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать, почему это такъ, а не иначе. Я хочу только обратить вниманіе россійскихъ революціонеровъ-рабочихъ на то, что они должны слѣдовать въ этомъ вопросѣ прекрасному примѣру нашей интеллигенціи. Они должны съ презрѣніемъ отвергнуть, какъ недостойный сознательныхъ пролетаріевъ, тотъ нелѣпый взглядъ, согласно которому женщина есть какъ бы низшее существо сравнительно съ мужчиной: „Баба не человѣкъ“. Сама экономія нынѣшняго общества, все болѣе и болѣе превращая женщину въ предметъ капиталистической эксплоатаціи, все болѣе и болѣе дѣлаетъ работницу товарищемъ работника. Теперь у насъ въ Россіи, какъ и во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, есть цѣлыя отрасли промышленности, въ которыхъ число женщинъ, работающихъ по найму, не меньше, а иногда и больше числа мужчинъ. Этихъ женщинъ непремѣнно и какъ можно скорѣе надо вовлечь въ освободительное движеніе международнаго пролетаріата. Но на знамени этого пролетаріата написано, какъ извѣстно, равенство правъ всѣхъ людей, независимо отъ національности и пола. Поэтому, привлекая работницъ къ участію въ борьбѣ съ капиталомъ, работники должны добиваться для нихъ тѣхъ же правъ, какихъ

добиваются для самихъ себя. Если сознаніе этой обязанности иногда затемняется у соціалдемократическихъ пролетаріевъ той или другой страны,—какъ это видно изъ примѣра бельгійской рабочей партіи, которая въ своей недавней борьбѣ за всеобщее избирательное право требовала его только для мужчинъ,—то это объясняется вреднымъ вліяніемъ оппортунизма, очень сильнаго въ Бельгіи и всегда готоваго забыть основные соціалистическіе принципы ради успѣха данной минуты. Но въ нашей соціалдемократіи вліяніе оппортунизма равно нулю; и это даетъ намъ новое основаніе надѣяться, что сознательные пролетаріи Россіи не повторятъ ошибки своихъ бельгійскихъ товарищей.

Переходя къ вопросу о трэстахъ, я замѣчу, что онъ разсматривался уже на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г., но, по желанію американской Socialist Labor Party (Соціалистической Рабочей Партіи), его въ нынѣшнемъ году снова поставили на очередь. И неудивительно, что наши американскіе товарищи интересуются имъ особенно сильно: нигдѣ трэсты не достигли такого колоссальнаго развитія и нигдѣ они не пріобрѣли такого рѣшительнаго вліянія на экономическую и политическую жизнь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Эта быстро развивающаяся страна есть классическая страна трэстовъ.

Было время, когда буржуазія энергично боролась съ феодальными монополіями, отстаивая свободу конкурренціи. На почвѣ этой борьбы выросло убѣжденіе буржуазныхъ экономистовъ въ томъ, что конкурренція составляетъ душу современной экономической жизни („competition is the life of industry“). Но діалектика буржуазнаго общества такова, что,—какъ на это указалъ еще Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи“,—конкурренція, устранившая феодальныя монополіи, сама роковымъ образомъ создаетъ монополію. И наиболѣе яркимъ, наиболѣе поучительнымъ примѣромъ его новѣйшей монополіи служатъ трэсты. Тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ они господствуютъ, почти всецѣло находятся въ рукахъ немногихъ чудовищно богатыхъ капиталистовъ, настоящихъ „королей“, по своему усмотрѣнію распоряжающихся производствомъ. И не только производствомъ. Руководители трэстовъ становятся господами также и въ области сбыта, властно диктуя свои условія потребителямъ. Въ виду всего этого неудивительно, что трэсты сильно возбуждаютъ противъ себя „общественное мнѣніе“ всей мелкой буржуазіи, настойчиво требующей отъ государства законодательныхъ мѣръ для

борьбы съ ихъ тиранніей. Но это требованіе мелкой буржуазіи имѣетъ консервативный или даже реакціонный характеръ. Остановить развитіе трэстовъ значило бы—если бы можно было остановить его,—задержать экономическое развитіе всего современнаго общества. Вотъ почему соціалистическій пролетаріатъ всѣхъ странъ рѣшительно отвергаетъ это мелко-буржуазное требованіе. По его мнѣнію, дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ новѣйшей монополіей можетъ служить только переходъ въ общественную собственность организованныхъ трэстами колоссальныхъ предпріятій. „Нашимъ боевымъ крикомъ должна быть революція, а не реформа,—писалъ, напримѣръ, даже оппортунистъ Гейлордъ Уильшайръ въ іюлѣ 1902 г.,—мы требуемъ націонализаціи промышленности". Совершенно въ томъ же смыслѣ высказался парижскій международный съѣздъ 1900 года. Наконецъ, совершенно тѣмъ же духомъ проникнуто и рѣшеніе амстердамскаго съѣзда, гласящее, что „соціалдемократическія партіи всѣхъ странъ никоимъ образомъ не должны участвовать въ попыткахъ мѣшать образованію трэстовъ или задерживать ихъ развитіе" и что усилія этихъ партій „должны быть направлены къ соціализаціи производства въ цѣляхъ общаго блага и уничтоженія прибыли" [1]).

Амстердамскій съѣздъ призналъ—да и нельзя этого не признать — что трэсты обостряютъ существующее въ нынѣшнемъ обществѣ противорѣчіе между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Но отъ него было далеко всякое стремленіе сгладить это противорѣчіе, „притупить" его. Нѣтъ, онъ указалъ на это обостряющееся противорѣчіе, какъ на точку опоры для революціонной дѣятельности, объявивъ, что, такъ какъ трэсты являются угрозой профессіональнымъ организаціямъ пролетаріата, то „рабочіе всего міра должны противопоставить капиталистамъ свою организованную силу,—національную и международную,—какъ единственное оружіе противъ капиталистической эксплоатаціи и единственное средство уничтожить буржуазное общество, замѣнивъ его соціалистическимъ".

Гегель говаривалъ: „Der Widerspruch ist das Fortleitende" (противорѣчіе ведетъ впередъ). Эта мысль великаго философа лежитъ въ основѣ всей „соціальной политики" пролетаріата. Хотя въ средѣ этого класса и немного можно найти людей, знакомыхъ съ философіей Гегеля, но чѣмъ яснѣе сознаетъ онъ свое

---

[1]) Это рѣшеніе напечатано вмѣстѣ съ другими въ № 72 „Искры".

революціонное историческое призваніе, тѣмъ тверже становится его убѣжденіе въ томъ, что залогъ его побѣды заключается не въ „притупленіи“, а именно въ обостреніи свойственныхъ нынѣшнему обществу противорѣчій. И въ этомъ состоитъ главнѣйшая отличительная черта его „соціально-политическаго“ взгляда отъ взгляда мелкой буржуазіи, которая неудержимо и непрестанно стремится „смягчать“ и „притуплять“. Мелкая буржуазія консервативна по своему существу, хотя она,—при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ,—способна проникнуться, нѣкоторыми, правда, чрезвычайно поверхностными революціонными стремленіями.

Припомните, читатель, нашихъ народниковъ съ ихъ толками о томъ, что у насъ надо остановить развитіе капитализма, „закрѣпить общину“, упрочить старые „устои“ и такъ дальше, и судите сами о томъ, въ какой мѣрѣ „идеалы“ этихъ добрыхъ, но неразумныхъ людей выражали собой революціонныя идеи нашего времени. Охотно предоставляю вамъ судить и о томъ, насколько революціонны нынѣшнія попытки гг. „соціалистовъ-революціонеровъ“ воскресить народническіе „идеалы“.

Разъ заговоривъ о „соціальной политикѣ“ пролетаріата, естественно упомянуть о рѣшеніи, принятомъ въ Амстердамѣ по вопросу, „соціально-политическій“ характеръ котораго сказался даже въ его формулировкѣ, т. е. по вопросу о соціальной политикѣ и о страхованіи рабочихъ. Сущность этого рѣшенія сводится къ требованію „такихъ учрежденій, которыя по возможности предотвращали бы болѣзни, несчастные случаи и инвалидность [1]) рабочихъ и,—примѣненіемъ законовъ объ обязательномъ страхованіи,—обезпечивали бы имъ право полученія средствъ, достаточныхъ для существованія и пользованія врачебной помощью въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь, несчастный случай, инвалидность, старость, беременность, роды или безработица лишатъ ихъ возможности пользоваться своей рабочей силой“. По поводу этого требованія возникла очень интересная полемика въ германской соціалдемократической печати. Нечего и говорить, что германскіе соціалдемократы единогласно признаютъ необходимость такихъ законовъ, которые по возможности ограждали бы здоровье и рабочую силу пролетаріата; еще „старый интернаціоналъ“ вполнѣ основательно находилъ, что законы этого рода,

[1]) Т. е. утрату рабочей силы.

улучшая матеріальное положеніе рабочаго класса, въ то же время нимало не ставятъ его въ зависимость по отношенію къ буржуазному государству. Но что касается собственно страхованія рабочихъ, то лѣвое крыло германской соціалдемократіи недовѣрчиво относится ко всѣмъ проектамъ, предполагающимъ усиленіе государственнаго вліянія въ этой области. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ амстердамскаго съѣзда строго-марксистская «Leipziger Volkszeitung» („Лейпцигская Народная Газета“) писала, что государственное страхованіе рабочихъ отъ безработицы способно подорвать значеніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и тѣмъ ослабить освободительное движеніе пролетаріата. Вслѣдствіе этого, мѣра, полезная съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ этого класса, можетъ показаться вредной съ точки зрѣнія его конечной цѣли: полнаго освобожденія его отъ ига капитала. И это справедливо. А такъ какъ соціалдемократы, отстаивая ближайшіе интересы рабочаго класса, обязаны въ то же время не упускать изъ виду будущность его освободительнаго движенія, то необходимо признать, что опасенія, высказанныя «Leipziger Volkszeitung», заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны всей революціонной соціалдемократіи. Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать, что всѣ и всякіе проекты страхованія рабочихъ отъ безработицы должны быть осуждены разъ на всегда. Мнѣ только хочется замѣтить, что при оцѣнкѣ проектовъ этого рода,—какъ и всѣхъ вообще проектовъ, относящихся къ области „соціальной политики“,—мы всегда должны помнить, что мы имѣемъ право поддерживать ихъ только въ томъ случаѣ, если они не увеличиваютъ зависимости рабочихъ отъ государственной власти. Помнить это особенно полезно намъ, соціалдемократамъ той страны, гдѣ „передовая“ интеллигенція, несмотря на свое стремленіе къ почти анархической „свободѣ“,—а очень можетъ быть, именно благодя ему,—не рѣдко со большой настойчивостью добивалась расширенія опеки нашего полицейскаго государства надъ производителями.

Вопросъ объ отношеніи международной соціалдемократіи къ колоніальной политикѣ современныхъ капиталистическихъ странъ тѣсно связанъ съ разсмотрѣннымъ мною въ предыдущей статьѣ знаменитымъ вопросомъ о международныхъ правилахъ соціалистической политики. До послѣдняго времени соціалдемократы всѣхъ странъ считали своей несомнѣнной обязанностью противиться всѣмъ колоніальнымъ затѣямъ алчной

буржуазіи и всѣмъ государственнымъ издержкамъ на колоніи. Но „ревизіонизмъ“ и здѣсь явился противникомъ старой революціонной „догмы“. Г. Бернштейнъ уже лѣтъ шесть тому назадъ пытался убѣдить своихъ соціалдемократическихъ читателей, что возставать противъ буржуазной колоніальной политики значитъ идти въ разрѣзъ съ требованіями цивилизаціи. Но уже парижскій съѣздъ 1900 г. своимъ рѣшеніемъ по вопросу о колоніальной политикѣ показалъ, что международная соціалдемократія продолжаетъ иначе смотрѣть на это дѣло. Амстердамскій съѣздъ высказался не менѣе ясно и рѣшительно. Онъ рѣзко осудилъ „капиталистическую эксплоатацію непрерывно расширяющихся колоніальныхъ владѣній“ и громко высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что она, подвергая населеніе колоній тяжелому и нерѣдко кровавому гнету, вмѣстѣ съ тѣмъ, не приноситъ ему ничего, кромѣ усиленія его бѣдствій. Согласно принятому съѣздомъ рѣшенію, пролетаріатъ долженъ стремиться къ полной эмансипаціи колоній. И это рѣшеніе, вполнѣ достойное современнаго международнаго соціализма, является новымъ пораженіемъ оппортунистовъ.

А всеобщая стачка?

Я сказалъ, что вопросъ о ней по своей важности не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики. И такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Если въ Амстердамѣ о ней спорили не такъ долго и,—главное,—не такъ страстно, какъ о „дрезденской резолюціи“, то это произошло потому, что намъ, лѣвому крылу соціалдемократіи, нельзя подойти ни къ одному вопросу революціонной тактики, не покончивъ предварительно съ „ревизіонизмомъ“, отвергающимъ почти всякую мысль о соціальной революціи. Будущимъ международнымъ съѣздамъ много придется толковать о всеобщей стачкѣ: вопросъ о ней дѣлается тѣмъ насущнѣе, чѣмъ могущественнѣе становится освободительное движеніи пролетаріата. Это неоспоримо, и это всѣ чувствуютъ. Но напрасно гг. анархисты умозаключаютъ отсюда, что революціонный пролетаріатъ все болѣе и болѣе будетъ усваивать себѣ анархическую тактику. Совсѣмъ напротивъ! Обстоятельное обсужденіе вопроса о всеобщей стачкѣ ясно покажетъ революціонному пролетаріату, какъ утопично и какъ несостоятельно анархическое представленіе о ней. И чѣмъ правильнѣе будетъ смотрѣть этотъ пролетаріатъ на

всеобщую стачку, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ онъ осуждать теорію и практику анархистовъ.

Въ глазахъ анархистовъ, всеобщая стачка имѣетъ смыслъ—только какъ средство совершить соціальную революцію. „Въ виду того, что она (всеобщая стачка) потребуетъ огромныхъ жертвъ,—говоритъ Э. Жиро въ своей брошюрѣ «La gréve générale révolution»,—мы можемъ признать ее только ради полной революціи (avec ses fins de totale révolution). А для того, чтобы примѣненіе этого средства не было заранѣе осуждено на неудачу, она не должна быть „политической стачкой". Тотъ же Э. Жиро въ той же брошюрѣ рѣшительно отвергаетъ всеобщую „политическую стачку", называя ее средствомъ „одураченія" рабочихъ. Онъ полагаетъ, что сторонники такой стачки всегда представляютъ ее себѣ, какъ мирную стачку на законномъ основаніи, какъ стачку „скрещенныхъ рукъ"; а онъ, „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами", одобряетъ только „экономическую, революціонную, насильственную" всеобщую стачку. Прибавлю къ этому, что, по мнѣнію Э. Жиро, сторонники революціонной всеобщей стачки не должны сочувствовать и политической борьбѣ рабочаго класса въ современномъ обществѣ; онъ совѣтуетъ совсѣмъ оставить политику („Pas de politique"), сожалѣя лишь, что въ нынѣшнихъ профессіональныхъ союзахъ французскихъ рабочихъ (въ „синдикатахъ"), немного найдется людей, въ самомъ дѣлѣ слѣдующихъ этому совѣту [1]).

Эти взгляды основаны по большей части на самыхъ вопіющихъ недоразумѣніяхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о всеобщей стачкѣ, полезно вспомнить, что представляетъ собою стачка обыкновенная.

Извѣстно, что стачкой называется коллективный отказъ отъ работы рабочихъ одного, нѣсколькихъ или многихъ капиталистическихъ предпріятій. Слѣдовательно, стачка предполагаетъ буржуазныя отношенія производства: она предполагаетъ, что при обычномъ ходѣ дѣлъ рабочая сила выносится на рынокъ, какъ товаръ. И состоитъ она въ томъ, что этотъ обычный ходъ дѣлъ нарушается: товаръ вступаетъ въ борьбу съ покупателемъ. Но онъ не перестаетъ быть товаромъ, потому что для него побѣда означаетъ не болѣе, какъ повышеніе его цѣны. Значитъ, стачка предполагаетъ не

[1]) См. 47 стр. названной брошюры.

только существованіе капиталистическихъ отношеній производства; она предполагаетъ также продолженіе ихъ существованія. Стачка есть одинъ изъ способовъ классовой борьбы на основѣ нынѣшняго порядка вещей. Это очевидно. Революція же, къ которой стремится сознательный пролетаріатъ, должна устранить этотъ порядокъ: замѣнить капиталистическія отношенія производства соціалистическими, при которыхъ рабочая сила уже не будетъ товаромъ. Какимъ же образомъ эта замѣна можетъ явиться результатомъ такого способа борьбы, который предполагаетъ существованіе и продолженіе существованія буржуазнаго порядка? Чтобы совершить эту революцію, одной стачки, хотя бы и всеобщей, недостаточно: пролетаріату нужно не только отказаться продавать свою рабочую силу, но и обратить въ общественную собственность средства производства, принадлежащія теперь капиталистамъ. Это тоже очевидно, и это признаетъ, „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами“, и Э. Жиро, рѣзко осуждающій стачку „скрещенныхъ рукъ.“ Но обращеніе средствъ производства выходитъ далеко за предѣлы того дѣйствія,—лучше было бы сказать: того отсутствія дѣйствія,—которое называется стачкой: чтобы „экспропріировать экспропріаторовъ“, пролетаріату необходимо сломить сопротивленіе господствующихъ классовъ, т. е. разбить ихъ политическую силу и организовать такую защиту новаго экономическаго порядка, которая была бы способна подавить всякія попытки капиталистической контръреволюціи. Стало быть, „экономическая, революціонная, насильственная“ всеобщая стачка можетъ привести къ своей цѣли, т. е. къ соціальной революціи только тогда, когда она будетъ сопровождаться цѣлымъ рядомъ политическихъ дѣйствій. А изъ этого слѣдуетъ, что стремиться придать „стачкѣ-революціи“ исключительно экономическій характеръ—значитъ не понимать ея задачи и способствовать ея крушенію. Анархическое представленіе о ней, будучи усвоено пролетаріатомъ, привело бы его къ жесточайшей неудачѣ. Оно вредно для пролетаріата, и поэтому онъ будетъ тѣмъ меньше расположенъ къ его усвоенію, чѣмъ больше развьется его самосознаніе.

„Стачка-революція“ должна имѣть политическій характеръ. Но этого мало. Тотъ рядъ политическихъ дѣйствій, отсутствіе ко-

тораго осудило бы пролетаріатъ на пораженіе, предполагаетъ высокую степень политическаго воспитанія этого класса. А его политическое воспитаніе немыслимо безъ планомѣрной и постоянной политической борьбы его со своими врагами, на основѣ нынѣ существующихъ общественныхъ отношеній. А это еще разъ доказываетъ, что тотъ, кто видитъ во всеобщей стачкѣ такое средство, признаніе котораго должно вести насъ къ отрицанію „политики“, не имѣетъ понятія объ условіяхъ, необходимыхъ для успѣха „стачки-революціи.“ Если анархистъ Э. Жиро сожалѣетъ о томъ, что въ синдикатахъ Франціи мало встрѣчается рабочихъ, слѣдующихъ девизу: „долой политику,“ то мы, соціалдемократы, видимъ въ этомъ проявленіе здраваго смысла пролетаріата и новое ручательство за то, что, чѣмъ яснѣе будетъ становиться классовое самосознаніе рабочихъ, тѣмъ рѣшительнѣе отвернутся они отъ анархизма. Въ настоящее время анархисты пользуются извѣстнымъ вліяніемъ во французскихъ синдикатахъ единственно потому, что политическіе подвиги Мильерана, Жореса и компаніи оттолкнули часть французскаго пролетаріата отъ соціализма. Но нашимъ французскимъ товарищамъ нетрудно будетъ показать ему, опираясь на рѣшеніе амстердамскаго съѣзда, что революціонный международный соціализмъ не имѣетъ ничего общаго съ мелкобуржуазной политикой оппортунистовъ. И тогда всѣ французскіе рабочіе, борющіеся съ буржуазіей, поймутъ, что у всякаго класса должна быть своя политика, опредѣляемая его классовыми интересами, и что, если политика мелкобуржуазныхъ оппортунистовъ вредитъ интересамъ пролетаріата, то это совершенно естественно и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить ему достаточнымъ основаніемъ для отказа отъ своей собственной классовой политики.

Пока пролетаріатъ боролся подъ революціоннымъ знаменемъ буржуазіи; пока онъ ограничивался ниспроверженіемъ „враговъ своихъ враговъ“, пока онъ не задумывался о своемъ собственномъ дѣлѣ или едва только начиналъ задумываться о немъ,—тогда у него не было большой надобности въ организаціи: прогнать Карла X парижскіе рабочіе могли и не объединившись предварительно въ прочные союзы. Но, чтобы добиться политическаго господства и, опираясь на него, произвести коренную перемѣну въ производственныхъ отношеніяхъ; чтобы совершить соціалистическую революцію,—пролетаріатъ непремѣнно долженъ быть хорошо организованъ. Поэтому, если мы допускаемъ, что путь къ соціа-

листической революціи идетъ черезъ всеобщую стачку, то мы должны предположить, что пролетаріатъ прочно организованъ не только въ политическую партію, но и въ профессіональные союзы. Кто надѣется, что „стачка-революція“ можетъ быть совершена даже неорганизованнымъ или плохо организованнымъ пролетаріатомъ, тотъ „безъ руля и безъ вѣтрилъ“ носится въ области фантазіи. Анархисты всегда любили гулять въ этой области. Въ послѣдніе годы они, правда, старались кое-гдѣ,—и особенно во Франціи,—сблизиться съ профессіональными рабочими союзами. Но, по пословицѣ: горбатаго исправитъ могила — они все-таки не перестали быть утопистами до мозга костей. Утопическій взглядъ на общественную жизнь красной нитью проходитъ черезъ всѣ ихъ разсужденія о всеобщей стачкѣ. Такъ, хотя Э. Жиро убѣжденъ, что профессіональные союзы должны явиться тѣмъ рычагомъ, съ помощью котораго пролетаріатъ разрушитъ міръ буржуазной эксплоатаціи и создастъ міръ общественной гармоніи, но условія успѣха „стачки-революціи“ представляются ему въ фантастическомъ освѣщеніи. Правильно указавъ на то, что прекращеніе перевозочной дѣятельности чрезвычайно сильно способствовало бы остановкѣ всего производительнаго механизма современнаго общества, онъ прибавляетъ, что остановить перевозку можно и не дожидаясь рѣшенія союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, такъ какъ двѣ тысячи энергичныхъ людей могутъ въ какихъ-нибудь двѣнадцать часовъ остановить движеніе по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ. [1]) При такомъ упрощенномъ взглядѣ задача организаціи рабочихъ массъ неизбѣжно должна потерять значительную долю своей важности въ глазахъ анархистовъ, и естественно поэтому, что анархисты готовы чуть не во всякую данную минуту призывать рабочихъ ко всеобщей стачкѣ. Естественно также, если соціалдемократы находятъ, что анархическая пропаганда всеобщей стачки скорѣе препятствуетъ дѣлу организаціи пролетаріата, чѣмъ способствуетъ ему.

Ради безпристрастія надо замѣтить, однако, что не однимъ анархистамъ свойственно утопическое представленіе о всеобщей стачкѣ. На пятомъ съѣздѣ французскихъ рабочихъ союзовъ, состоявшемся въ Марсели въ октябрѣ 1893 г., принятъ былъ „принципъ“ всеобщей стачки, которая опредѣлялась, какъ одновремен-

[1]) См. названную брошюру, стр. 40.

ная всеобщая (universelle) пріостановка производства во всѣхъ его отрасляхъ. Но воображать себѣ всеобщую стачку, какъ одновременное прекращеніе работы рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ производства, значитъ обѣими ногами становиться на почву утопій [1]); мы никогда не добьемся дѣйствительно всеобщей остановки наемной работы; да намъ и не нужно добиваться ея; всеобщая стачка дастъ все, что можетъ дать, при условіи забастовки въ главнѣйшихъ отрасляхъ производства и передвиженія товаровъ. Утопическое опредѣленіе всеобщей стачки принято было въ Марсели подъ сильнымъ вліяніемъ Ар. Бріана, играющаго теперь видную роль между французскими оппортунистами, и это показываетъ, что оппортунистическія наклонности не исключаютъ болѣе или менѣе искренней симпатіи къ утопизму. Во время преній о всеобщей стачкѣ на амстердамскомъ съѣздѣ Бріанъ самъ призналъ нелѣпой мысль о „всеобщей, абсолютной“ забастовкѣ и негодовалъ на тѣхъ, которые приписываютъ ему эту мысль. Но мы видимъ, что противники г. Бріана не такъ неправы, какъ это могло бы показаться.

Амстердамскій съѣздъ обязанъ былъ предостеречь рабочій классъ отъ утопическаго взгляда на всеобщую стачку, проповѣдуемаго, главнымъ образомъ, анархистами. Онъ такъ и поступилъ. Съ этой стороны рѣшеніе, принятое съѣздомъ и предложенное голландской соц.-дем. партіей, болѣе удачно, чѣмъ рѣшеніе, предлагавшееся Аллеманомъ, и даже чѣмъ то, которое Соціалистическая Партія Франціи приняла на своемъ съѣздѣ въ Лиллѣ,—состоявшемся за нѣсколько дней до амстердамскаго съѣзда,—и которое она хотѣла провести на этомъ послѣднемъ. И въ виду этой стороны голландскаго проекта ему можно было простить его недостатокъ.

Недостатокъ его пока еще лишенъ практическаго значенія; я укажу на него лишь въ интересахъ теоріи.

Въ конституціонныхъ странахъ пролетаріатъ имѣетъ права, позволяющія ему умножать свои силы и увеличивать свое вліяніе, не покидая конституціонной почвы. Но тотъ самый фактъ, что эти его права позволяютъ ему организоваться и усиливаться, оставаясь на почвѣ закона, заставляетъ его враговъ задумываться

---

[1]) Ср. мое открытое письмо въ ред. „Mouvement socialiste“, напечатанное въ №№ 137—138 этого изданія. Тамъ я говорю, между прочимъ, и о значеніи нашихъ „всеобщихъ стачекъ“ 1903 г.

о томъ, нельзя-ли отнять у него эти права, пока еще не поздно, т. е. пока еще онъ не имѣетъ политической власти. Въ Германіи буржуазные органы уже поговариваютъ объ этомъ, и примѣръ Саксоніи, гдѣ законъ, опредѣляющій права выбора въ ландтагъ, былъ недавно измѣненъ въ пользу господствующихъ классовъ, показываетъ, что при подходящихъ обстоятельствахъ германскіе охранители не станутъ церемониться съ пролетаріатомъ [1]). И, чѣмъ болѣе сильнымъ становится германскій пролетаріатъ, тѣмъ насущнѣе дѣлается вопросъ, чѣмъ и какъ будетъ онъ защищаться, если охранители сдѣлаютъ указанное нападеніе на него. Разумѣется, если бы рабочіе были въ состояніи противопоставить насилію вооруженную силу, то вопросъ рѣшался бы самъ собою. Но въ томъ-то и дѣло, что уличное столкновеніе рабочихъ съ войскомъ очень скоро окончилось бы теперь кровавымъ торжествомъ „порядка“. Такъ думаютъ всѣ сознательные пролетаріи Германіи. Что же дѣлать? Идеологи пролетаріата указываютъ на всеобщую, точнѣе на массовую стачку, какъ на выходъ изъ затрудненія. Массовая стачка позволитъ пролетаріату избѣжать столкновеній съ войсками, а въ то же время она внесетъ такое разстройство въ ряды непріятеля, что онъ вынужденъ будетъ отступить, если не положитъ оружія. Именно въ этомъ смыслѣ амстердамская резолюція говоритъ, что всеобщая стачка „можетъ послужить крайнимъ средствомъ для того, чтобы добиться крупныхъ общественныхъ перемѣнъ или отразить реакціонныя покушенія на права рабочихъ“.

Что же представляетъ собою всеобщая стачка, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія? Суррогатъ вооруженнаго сопротивленія власти. Въ качествѣ такого суррогата ее и рекомендовалъ пролетаріату амстердамскій съѣздъ. И въ этомъ

---

[1]) Въ „демократической“ французской республикѣ о подобномъ coup d'état задумываются развѣ только сумасбродные „націоналисты“; благоразумному буржуа онъ показался бы несбыточнымъ. Но такое благоразуміе обусловливается неблагопріятнымъ для политической реакціи соотношеніемъ общественныхъ силъ, а вовсе не убѣжденіемъ буржуазіи въ святости правъ пролетаріата. Послѣдовательнымъ буржуазнымъ идеологамъ права эти—бѣльмо на глазу, какъ это показалъ, между прочимъ, второй международный философскій съѣздъ, происходившій въ первыхъ числахъ сентября въ Женевѣ. Съѣздъ этотъ начался превознесеніемъ идеалистической философіи, а закончился теоретическимъ заговоромъ противъ всеобщаго избирательнаго права,—заговоромъ, въ которомъ французскіе „философы“ принимали самое горячее участіе.

смыслѣ слѣдуетъ понимать ее при оцѣнкѣ амстердамскаго рѣшенія.

Анархисты увидятъ въ этомъ рѣшеніи новое доказательство отсутствія у международной соціалдемократіи революціонной энергіи [1]). Но мы имъ возразимъ, что идея всеобщей стачки, какъ суррогата возстанія,—идея „стачки скрещенныхъ рукъ"—свойственна далеко не однимъ соціалдемократамъ. Передо мной лежитъ брошюра: „Grève générale rèformiste et grève générale révolutionnaire", которая издана „комиссіей стачекъ и всеобщей стачки", состоящей при французской Confédération générale du travail. Сочувствіе автора—или авторовъ,—этой брошюры безраздѣльно лежитъ на сторонѣ р е в о л ю ц і о н н о й стачки; между тѣмъ, посмотрите, какъ онъ заканчиваетъ свое произведеніе. Онъ говоритъ (стр. 23 второго изданія), что возстаніе было бы „безумiемъ, конечно, героическимъ, но осужденнымъ на роковую неудачу". На слѣдующей страницѣ онъ повторяетъ, что „уличная война съ оружіемъ въ рукахъ отжила свой вѣкъ", и что при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и болѣе осуществимаго средства, чѣмъ всеобщая стачка: „Чего проще! Отказаться работать на эксплоататора... Убить старое общество бездѣйствіемъ рабочихъ, и на навозной кучѣ капитализма дать возможность (разцвѣсти) коммунистическому обществу и т. д." Что это, какъ не „стачка скрещенныхъ рукъ"? И что это, — прибавлю мимоходомъ,—какъ не утопическое представленіе о соціалистической революціи, являющейся въ результатѣ „бездѣйствія", т. е. отказа пролетаріевъ продавать капиталистамъ свою рабочую силу? Въ примѣненіи къ такой стачкѣ до сихъ поръ остается вѣрнымъ полушутливое, полусерьезное опредѣленіе Ауэра: „всеобщая стачка—всеобщее бездѣйствіе—всеобщая безсмыслица"...

Я могъ бы привести еще очень много выписокъ такого же содержанія, но это не нужно. Всѣмъ, слѣдящимъ за рабочимъ движеніемъ, извѣстно, что убѣжденіе въ невозможности вооруженнаго возстанія раздѣляется теперь даже многими анархическими сторонниками „революціонной стачки". Это убѣжденіе и подготовило почву для распространенія мысли о всеобщей стачкѣ между тѣми пролетаріями, которые не могутъ успокоиться на наивной вѣрѣ въ то, что современная борьба классовъ, уже стоившая рабочему

[1]) И не одни анархисты. Въ этомъ же смыслѣ ссылаются на него наши „соціалисты-революціонеры".

классу многихъ, иногда кровавыхъ, жертвъ, закончится словесными турнирами парламентскихъ ораторовъ. Эти пролетаріи понимаютъ, что „сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу, готовившемуся родить новый общественный порядокъ“; но, не вѣря въ успѣхъ вооруженнаго возстанія, они тѣмъ охотнѣе усваиваютъ мысль о всеобщей стачкѣ. И чѣмъ болѣе будетъ обостряться борьба рабочаго класса съ буржуазіей; чѣмъ менѣе вѣроятнымъ будетъ,—вслѣдствіе этого,—становиться мирное рѣшеніе „соціальнаго вопроса“, тѣмъ болѣе будетъ упрочиваться эта мысль въ средѣ пролетаріевъ. Поэтому я и говорю, что международнымъ соціалдемократамъ еще не разъ придется обсуждать ее на своихъ съѣздахъ.

Но если мысль о всеобщей стачкѣ имѣетъ здравое основаніе; если не парламентскія словесныя схватки приведутъ рабочій классъ къ побѣдѣ, то не надо обманывать себя. Никогда еще никакое дѣло не торжествовало вслѣдствіе бездѣйствія своихъ сторонниковъ, и никогда „скрещенныя руки“ не разрушатъ зданія капитализма. Слушая разсужденія о томъ, что пролетаріатъ долженъ отказаться отъ надежды побѣдить своихъ враговъ въ открытомъ бою, я вспоминаю, какъ у Щедрина помпадуръ Бородавкинъ воевалъ съ обывателями Стрѣлецкой слободы. Обыватели попрятались по домамъ и, въ отвѣтъ на грозные возгласы помпадура: „Эй! Кто тутъ! Выходи“! — только вздыхали. Это до такой степени сбило съ толку кровожаднаго администратора, что онъ совсѣмъ растерялся. Планъ сторонниковъ „стачки скрещенныхъ рукъ“ нѣсколько напоминаетъ образъ дѣйствія щедринскихъ стрѣльцовъ. Онъ не дуренъ; но вѣдь и у Щедрина стрѣльцамъ всетаки пришлось вылѣзать на Божій свѣтъ, когда кто-то изъ оловяныхъ солдатиковъ Бородавкина догадался ломать избы. Не спрячутся и рабочіе отъ буржуазныхъ усмирителей, когда тѣ рѣшатся дать имъ кровавый урокъ. Да и стыдно имъ было бы прятаться. Самая мирная массовая стачка легко можетъ повести къ массовому столкновенію съ войскомъ. Эту возможность необходимо усчитывать при соображеніяхъ о массовой стачкѣ. Оружіе критики не можетъ замѣнить критики посредствомъ оружія. Напрасно ссылаются на усовершенствованія современной военной техники. Сами собою не стрѣляютъ даже наиболѣе усовершенствованныя ружья и пушки; чтобы употребить ихъ въ дѣло, нужны солдаты, а солдаты современныхъ капиталистическихъ странъ не оловяные солдатики. Они въ значительной,—и все бо-

лѣе и болѣе возрастающей,—степени выходятъ изъ среды пролетаріата, и ихъ головы тоже не застрахованы отъ вліянія соціалдемократическихъ идей. Въ этомъ все дѣло. Вооруженныя возстанія и прежде оканчивалось успѣшно только тогда, когда революціонерамъ удавалось „деморализовать“ войска [1]).

На эту сторону вопроса неизбѣжно придется обратить вниманіе международной соціалдемократіи. Правда, на международныхъ съѣздахъ неудобно говорить о ней по многимъ причинамъ. Но она, по крайней мѣрѣ, должна быть принимаема въ соображеніе, и во всякомъ случаѣ ни одно рѣшеніе международныхъ съѣздовъ не должно формулироваться такъ, чтобы подъ его вліяніемъ у рабочихъ могло возникнуть преувеличенное представленіе о революціонной роли „стачки скрещенныхъ рукъ“.

Теоретически амстердамское рѣшеніе о всеобщей стачкѣ неправильно, потому что не полно. Но, рекомендуя стачку, какъ суррогатъ возстанія, амстердамскій съѣздъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что „довлѣетъ дневи злоба его“: въ настоящее время вліяніе соціалдемократіи на войско еще не таково, чтобы она могла, — не совершая тяжелаго грѣха противъ рабочихъ,—звать ихъ на возстаніе [2]). А такъ какъ задача международныхъ съѣздовъ практическая, а не теоретическая, то голландскій проектъ резолюціи о всеобщей стачкѣ могъ быть принятъ,—несмотря на его теоретическій недостатокъ, — какъ правильно выражающій современное положеніе дѣлъ. Поднимать теперь споръ о теоретической возможности вооруженнаго возстанія, значило бы только вызывать недоразумѣнія и разногласія въ той революціонной соціалдемократіи, которую надо было объединить для борьбы съ оппортунизмомъ. Подобная безтактность позволительна развѣ только „соціалистамъ-революціонерамъ“, отъ имени которыхъ г. Устиновъ пробормоталъ на засѣданіи съѣзда нѣсколько неразборчивыхъ словъ въ защиту

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ предисловіи къ нашему второму изданію „Манифеста коммунистической партіи“. (Женева 1900 г.).

[2]) Прошу имѣть въ виду, что во всемъ, сказанномъ здѣсь, я имѣлъ въ виду не Россію; у насъ совсѣмъ не тѣ условія. По многимъ причинамъ наше войско легче можетъ быть «деморализовано» и разстроено, чѣмъ войска конституціонныхъ странъ: хотя бы по одному тому, что наши офицеры не могутъ быть такими убѣжденными сторонниками существующаго порядка, какъ западно-европейскіе. Но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

идеи возстанія. Какъ плохо излагалъ свою мысль этотъ делегатъ, видно изъ того, что въ комиссіи всеобщей стачки его разсужденія были поняты въ смыслѣ призыва къ „террору“ и заставили посмотрѣть на него, какъ на человѣка нѣсколько... страннаго. Когда идея возстанія пріобрѣтетъ на Западѣ практическое значеніе, тогда о ней будутъ разсуждать люди, болѣе „толковитые“, чѣмъ г. Устиновъ.

Рѣшеніе, принятое Соц. Партіей Франціи на лилльскомъ съѣздѣ, предусматриваетъ возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе. Поэтому, теоретически оно болѣе правильно. Но содержаніе его было почти совсѣмъ неизвѣстно съѣхавшимся въ Амстердамъ делегатамъ другихъ странъ. Если бы мы, делегаты россійской соціалдемократіи, имѣли возможность заранѣе ознакомиться съ нимъ, то мы бы подали голосъ за него, а не за голландскій проектъ, какъ я на съѣздѣ же заявилъ объ этомъ одному изъ представителей названной партіи въ Международномъ Соц. Бюро, Браку. Но отчетъ лилльскаго съѣзда тогда еще не былъ напечатанъ, и лилльская резолюція о всеобщей стачкѣ раздавалась амстердамскимъ делегатамъ, — далеко не всѣмъ, что призналъ въ разговорѣ со мной самъ Бракъ, — напечатанная на отдѣльныхъ листкахъ. До насъ не дошелъ ни одинъ изъ нихъ. Впрочемъ, много жалѣть объ этомъ нечего, потому что, повторяю, въ настоящее время содержащееся въ лилльской резолюціи указаніе на возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе имѣетъ для западныхъ странъ только теоретическое значеніе. И насколько я могу судить по статьѣ Э. Ляфона „Le congrès de Lille“, напечатанной въ № 139—140 „Mouvement Socialiste“, не это указаніе обезпечило этой резолюціи большинство голосовъ на лилльскомъ съѣздѣ.

Въ заключеніе еще разъ скажу, что данное въ Амстердамѣ рѣшеніе вопроса о всеобщей стачкѣ, невѣрное въ теоріи, даже въ практическомъ отношеніи останется правильнымъ только въ теченіе нынѣшняго, переходнаго времени. Въ будущемъ сама практика потребуетъ совсѣмъ другого рѣшенія...

Г. Плехановъ.

Международное товарищество рабочихъ.

(5 октября 1904 г., № 75).

Двадцать восьмого сентября (нов. ст.) 1864 года въ Лондонѣ на публичномъ собраніи въ залѣ св. Мартына, основано было,—при дѣятельнѣйшемъ участіи отца научнаго соціализма, Карла Маркса,—Международное Товарищество Рабочихъ. Оно просуществовало не долго, всего какихъ-нибудь десять лѣтъ; но его вліяніе на дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, было такъ важно и такъ плодотворно, что со времени его основанія началась новая эпоха въ исторіи классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей. И когда мы, по случаю сороковой годовщины его основанія, подводимъ итогъ всему тому, что оно завѣщало намъ, своимъ духовнымъ дѣтямъ, мы видимъ, что въ числѣ вопросовъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе соціалдемократовъ нашихъ дней, немного найдется такихъ, рѣшеніе которыхъ не было бы дано или, по крайней мѣрѣ, подготовлено имъ. Трудно даже перечислить всѣ духовныя сокровища, унаслѣдованныя отъ него соціалистическимъ пролетаріатомъ.

И странное впечатлѣніе долженъ испытывать всякій, кому хоть отчасти извѣстны эти сокровища, когда, напр. въ книгѣ Сеньобоса „Histoire politique de l'Europe contemporaine“ (переведенной и на русскій языкъ), онъ читаетъ, что „интернаціоналъ исчезъ безъ какихъ-либо положительныхъ результатовъ: основанный для того, чтобы добиться соціальныхъ реформъ посредствомъ международнаго соглашенія, онъ добился только того, что перепугалъ правительство и публику“.

Г. Сеньобосъ, какъ кажется, твердо убѣжденъ въ томъ, что огромный шагъ впередъ, сдѣланный самосознаніемъ пролетаріата, не можетъ быть названъ положительнымъ результатомъ. Почтенный историкъ, безспорно принадлежащій къ числу передовыхъ людей буржуазіи и занимающій очень видное мѣсто въ современной французской наукѣ, можетъ быть, даже вовсе не имѣетъ сколько-нибудь яснаго понятія о роли массоваго самосознанія въ исторіи внутренняго развитія общества, раздѣленнаго на классы. Такими, слишкомъ мало „положительными“ вещами

интересуемся главнымъ образомъ мы, сторонники матеріалистическаго объясненія исторіи, которыхъ тотъ же ученый историкъ, равно какъ и вся его „публика“, навѣрно считаетъ узкими, односторонними, неспособными оцѣнить великое историческое значеніе „духовнаго фактора“...

Г. Сеньобосъ вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе, сообщая имъ, что цѣлью Международнаго Товарищества Рабочихъ служили „соціальныя реформы“. Это не такъ и это необходимо замѣтить.

Знаменитое Товарищество, конечно, не пренебрегало реформами: оно знало, какъ важны онѣ для пролетаріата. Въ „Наказахъ“ написанныхъ для делегатовъ „Временнаго Общаго Совѣта“, ѣхавшихъ въ сентябрѣ 1866 г. въ Женеву на первый съѣздъ „Интернаціонала“, мы встрѣчаемъ такія требованія, какъ ограниченія рабочаго дня для подростковъ обоего пола. Согласно четвертой статьѣ этихъ „Наказовъ“, дѣти отъ 9 до 12 лѣтъ должны быть заняты въ мастерскихъ не болѣе двухъ, дѣти отъ 13 до 15 не болѣе четырехъ, и, наконецъ, подростки 16—17 лѣтъ не болѣе 6 часовъ въ сутки. „Сознательная часть рабочаго класса,— говорится въ статьѣ,—очень хорошо понимаетъ, что будущность этого класса, а слѣдовательно и будущность всего человѣчества, вполнѣ зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ выростетъ новое поколѣніе трудящихся: она очень хорошо знаетъ, что изъ когтей современной системы труда прежде всего должны быть вырваны дѣти и подростки“. Въ противоположность утопистамъ прудоновскаго толка, стоявшимъ на буржуазной точкѣ зрѣнія государственнаго невмѣшательства, „Наказы“ требуютъ законодательнаго ограниченія рабочаго дня: „Если рабочій классъ будетъ поддерживать правительство при исполненіи такихъ законовъ, то онъ никоимъ образомъ не будетъ способствовать усиленію его власти, напротивъ, онъ заставитъ служить ему ту власть, которая, до сихъ поръ, направлялась противъ него“. Что касается взрослыхъ, то „Наказы“ выставляютъ для нихъ требованіе восьми-часового дня, которое теперь ежегодно перваго мая приводитъ въ движеніе пролетаріевъ всего міра, но которое остается до сихъ поръ неисполненнымъ, очевидно, благодаря любви буржуазіи къ „соціальнымъ реформамъ“. Восьмичасовой день названъ въ „Наказахъ“ „предварительнымъ условіемъ, безъ котораго останутся напрасными всѣ дальнѣйшія стремленія улучшить положеніе рабочихъ и освободить ихъ отъ ига

капитала". Онъ необходимъ, во-первыхъ, для того, чтобы возстановить здоровье и естественную энергію рабочаго класса, а во-вторыхъ, для того, чтобы обезпечить рабочимъ возможность умственнаго развитія и общественной дѣятельности.

Такимъ образомъ, добиваясь теперь осуществленія этого требованія, „Новый Интернаціоналъ", — международная соціалдемократія нашего времени, — только слѣдуетъ завѣту „Стараго Интернаціонала". Но „Старый Интернаціоналъ" не ограничивалъ своихъ реформаторскихъ требованій областью экономіи. Уже въ первомъ своемъ манифестѣ онъ — опять-таки въ противоположность утопистамъ прудоновскаго толка, — объявилъ, что „первый долгъ рабочаго класса заключается въ завоеваніи себѣ политическаго могущества", и сообразно съ этимъ онъ вездѣ энергично поддерживалъ всякое движеніе, способное привести къ расширенію политическихъ правъ и политическаго вліянія пролетаріата. Такъ, его Общій Совѣтъ въ Англіи всѣми силами помогалъ „Лигѣ", которая добивалась и добилась въ 1867 г. парламентской реформы, давшей избирательное право очень значительной части англійскихъ рабочихъ. При его участіи, въ пользу этой реформы происходили массовыя собранія подъ открытымъ небомъ въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ Англіи. Когда, въ сентябрѣ 1867 г. ирландскіе феніи, освободившіе въ Манчестерѣ двухъ своихъ арестованныхъ товарищей смѣлымъ нападеніемъ на полицію, сдѣлались предметомъ ожесточенныхъ и отчасти даже противозаконныхъ преслѣдованій со стороны англійскаго правительства, Общій Совѣтъ Международнаго Товарищества немедленно ополчился на ихъ защиту. По его почину въ Лондонѣ созванъ былъ митингъ протеста, на которомъ соціалистическіе ораторы — и въ ихъ числѣ Марксъ, — энергично возставали противъ дѣйствій „либеральнаго" министерства Гладстона и выражали сочувствіе ирландскому народу [1]).

[1]) Кстати, Международное Товарищество всегда сочувственно относилось къ ирландскимъ феніямъ съ ихъ болѣе или менѣе террористическимъ способомъ борьбы. Но отсюда далеко еще не слѣдуетъ, что оно рекомендовало „терроръ" ирландскимъ рабочимъ. Точно также „Новый Интернаціоналъ" высказываетъ свое сочувствіе русскимъ „террористамъ"; но это еще вовсе не доказываетъ, что террористическая борьба кажется ему „цѣлесообразной". Онъ сочувствуетъ въ этомъ случаѣ лишь энергіи и самоотверженію революціонеровъ, предоставляя имъ самимъ рѣшать, по указанію опыта, вопросъ о томъ, полезенъ ли „терроризмъ" для ихъ дѣла.

Повторяемъ, Международное Товарищество Рабочихъ отнюдь не пренебрегало реформами. И всетаки не реформы были его цѣлью.

Его уставъ говоритъ, что экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ рабства во всѣхъ его видахъ, нищеты, умственнаго отупѣнія и политической зависимости, и что всемірный пролетаріатъ долженъ единодушно стремиться къ тому, чтобы устранить это подчиненіе. Но устранить его невозможно посредствомъ реформъ, видоизмѣняющихъ и исправляющихъ существующіе нынѣ экономическіе порядки; для его устраненія надо покончить съ капитализмомъ, т. е. сдѣлать соціальную революцію. Соціальная революція и была, поэтому, великою цѣлью Международнаго Товарищества, какъ остается она и до сихъ поръ великой цѣлью революціонной соціалдемократіи всѣхъ странъ. И чѣмъ яснѣе сознаетъ эту цѣль международный пролетаріатъ, тѣмъ значительнѣе и благодѣтельнѣе становятся положительные результаты пропаганды соціализма. Спора нѣтъ, такіе результаты способны очень сильно перепугать „правительства и публику“. Но... тѣмъ хуже для „публики“ и для правительствъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не всѣ члены „Сгараго Интернаціонала“ одинаково понимали его цѣль. Между ними не мало было послѣдователей Прудона, отстаивающихъ частную собственность на средства производства и воображающихъ, что рабочій классъ можетъ быть освобожденъ отъ ига капитала посредствомъ организаціи кредита и обмѣна. Ученики Прудона представляли собою въ немъ мирно-утопическій элементъ, подобно тому, какъ ученики Бакунина явились впослѣдствіи элементомъ революціонно-утопическимъ. Идейная борьба между послѣдователями научнаго соціализма, съ одной стороны, и разными представителями запоздалыхъ утопій—съ другой, наполняютъ собою всю внутреннюю исторію Международнаго Товарищества Рабочихъ. Ея вліяніе отчетливо сказывается и въ рѣшеніяхъ его съѣздовъ. Но къ чести прудонистовъ надо сказать, что какъ ни утопична была ихъ программа и какъ ни анти-революціонна была ихъ утопія, соціально-политическое міровоззрѣніе ихъ имѣло по крайней мѣрѣ одну революціонную сторону: сильное недовольство существующимъ порядкомъ вещей и полное недовѣріе къ ученіямъ буржуазныхъ идеологовъ. „Мы, рабочіе,—говорилъ прудонистъ Толэнъ въ мартѣ 1868 г. передъ судомъ исправительной

полиціи,—существенно заинтересованы въ томъ, чтобы выяснить себѣ предстоящее намъ будущее, и для этого мы объединились въ Международное Товарищество. Рабочіе должны смотрѣть своими собственными глазами, а не глазами оффиціальныхъ буржуазныхъ экономистовъ". Логика освободительной борьбы рабочаго класса такова, что на практикѣ она увлекаетъ даже тѣхъ, которые упорно противятся ей въ теоріи. Энгельсъ справедливо замѣтилъ, что французскіе прудонисты, выбранные въ Парижскую Коммуну, „дѣлали, по ироніи исторіи, какъ разъ противное тому, что имъ предписывало ученіе ихъ школы, и что лежало въ истинныхъ интересахъ пролетаріата" [1]). Вотъ почему даже присутствіе прудонистовъ среди основателей „Стараго Интернаціонала" не ослабило революціоннаго значенія той великой цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Съ точки зрѣнія этой революціонной цѣли реформы являлись только необходимымъ средствомъ ея достиженія.

Марксъ, бывшій душою Международнаго Товарищества во все время его существованія, очень ясно видѣлъ, что вліяніе прудоновскихъ и всякихъ другихъ утопій неизбѣжно должно будетъ разбиться о неумолимую логику пролетарскаго движенія, и потому онъ, никогда не любившій поступаться своими принципами, обнаружилъ замѣчательную мягкость по отношенію къ прудонистамъ и вообще ко всѣмъ тѣмъ членамъ-основателямъ Интернаціонала, которые еще не стояли на точкѣ зрѣнія научныхъ соціалистическихъ теорій. Онъ убѣждалъ своихъ товарищей, спорилъ съ ними, читалъ имъ политико-экономическія лекціи, стараясь разсѣять ихъ предразсудки [2]); но онъ не разрывалъ съ ними, хорошо понимая, что первой, насущной задачей того времени было объединеніе и сплоченіе Международной Партіи Наемнаго Труда, а не удаленіе изъ нея людей, не доросшихъ до научнаго соціализма.

Въ сношеніи съ этими людьми Марксъ, бывшій руководителемъ Общаго Совѣта Интернаціонала, проявилъ такъ много сдержанности и такта, что теперь иной совѣтникъ Ивановъ,—изъ числа тѣхъ, которые думаютъ, что ортодоксальный марксистъ

---

[1]) Правда, не всѣ: тотъ же Толэнъ измѣнилъ пролетаріату и засѣдалъ съ версальскими людоѣдами.

[2]) Его лекція о заработной платѣ, цѣнѣ и прибыли, читанная 20-го іюня 1865 года передъ членами Общаго Совѣта, даетъ превосходную, незамѣнимую подготовку для пониманія перваго тома „Капитала". Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не изданъ ея русскій переводъ.

долженъ, подобно Держимордѣ, всѣмъ фонари для порядку ставить, — могъ бы заподозрить его въ непростительномъ „оппортунизмѣ“, если бы.. если бы совѣтники Ивановы не были застрахованы своимъ круглымъ невѣжествомъ отъ какихъ бы то ни было историческихъ соображеній. И тотъ же Марксъ съумѣлъ быть строгимъ, когда понадобилось положить предѣлъ проискамъ анархистовъ бакунистскаго толка. Но происки бакунистовъ грозили превратить Международное Товарищество Рабочихъ въ тайное общество утопистовъ, страшныхъ на словахъ и совершенно безсильныхъ на дѣлѣ. Въ сношеніяхъ съ этими дезорганизаторами Интернаціонала Марксъ не имѣлъ права быть уступчивымъ, потому что уступать имъ можно было, только поступаясь жизненными интересами пролетаріата.

Буржуазные историки и публицисты до сихъ поръ изображаютъ борьбу Общаго Совѣта Интернаціонала съ бакунистами, какъ соперничество двухъ выдающихся личностей: Маркса и Бакунина. Самые глубокіе изъ этихъ мыслителей доходятъ до того, что объясняютъ происхожденіе этой борьбы расовыми особенностями: за Бакунинымъ шла преимущественно латинская, за Марксомъ—германская раса. Въ дѣйствительности, эта борьба была борьбой утопическаго соціализма съ научнымъ.

Такъ какъ эта борьба была перенесена теперь на широкую арену международнаго пролетарскаго движенія, то она сразу получила характеръ крупнаго мірового событія. Но именно потому, что она была перенесена на эту широкую арену, полная побѣда научнаго соціализма, — представляющаго собою лишь идеологическое выраженіе пролетарской борьбы въ капиталистическомъ обществѣ,—была заранѣе обезпечена. Отъ бакунизма осталось теперь одно только воспоминаніе [1]); подъ знаменемъ марксизма идутъ пролетарскія партіи всего цивилизованнаго міра.

Судьба Бакунина какъ нельзя болѣе поучительна. Умный, даровитый, образованный, самоотверженный и смѣлый, этотъ замѣчательный человѣкъ могъ бы играть въ высшей степени плодотворную роль въ международномъ рабочемъ движеніи, если бы онъ не былъ чуждъ ему по своимъ утопическимъ понятіямъ и по метафизическимъ пріемамъ своей будто бы революціонной мысли. Въ свои молодые годы онъ увлекался философіей

[1]) Отъ ученія Бакунина нынѣшній анархизмъ почти такъ же далекъ, какъ и ученіе Прудона.

Гегеля и былъ однимъ изъ первыхъ ея распространителей въ Россіи. Эта философія имѣла на него очень полезное вліяніе, расширивъ его умственный кругозоръ и сдѣлавъ его однимъ изъ самыхъ мыслящихъ людей того интереснаго времени. Но онъ не усвоилъ того, что составляло ея душу: ея діалектики. Въ своемъ мышленіи онъ остался тѣмъ, чѣмъ до гробовой доски остается громадное большинство „интеллигентовъ“,—метафизикомъ, разсуждающимъ по формулѣ: „да—да, нѣтъ—нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“. Этотъ коренной недостатокъ его мышленія и помѣшалъ ему усвоить взгляды Маркса и, съ ихъ помощью,—выйти изъ подъ власти худшихъ преданій утопическаго соціализма. Бакунинъ „зналъ“ ученіе Маркса, но онъ „зналъ“ его по своему; въ его метафизической головѣ даже это ученіе, насквозь пропитанное діалектикой, превратилось въ нѣчто до крайности метафизическое. Такъ, онъ признавалъ вполнѣ правильнымъ матеріалистическое объясненіе исторіи и всегда отзывался о немъ съ восторгомъ. Но онъ дѣлалъ изъ него тотъ неожиданный выводъ, что пролетаріату не слѣдуетъ заниматься политикой. Онъ думалъ, что если экономическое развитіе составляетъ основу всего общественнаго развитія человѣчества, то и освободительная борьба рабочаго класса должна имѣть исключительно экономическій характеръ. Неисправимый метафизикъ, онъ дѣлалъ здѣсь какъ разъ ту ошибку, которую нынѣшніе наши разноцвѣтные и вовсе безцвѣтные „критики“ стараются во что бы то ни стало навязать мастеру діалектическаго мышленія—Марксу. Эти чудаки и не подозрѣваютъ, что именно Марксу и марксистамъ приходилось рѣшительнѣе, чѣмъ кому бы то ни было, бороться противъ этой ошибки, составлявшей теоретическую основу всѣхъ нападокъ Бакунина на политическую программу будто бы невѣрнаго самому себѣ основателя Международнаго Общества Рабочихъ.

Иронія судьбы иногда бываетъ поистинѣ безпощадна. Бакунинъ посвятилъ всю свою жизнь борьбѣ за свои идеи. Какъ бы ни были онѣ ошибочны, мы обязаны уважать его самоотверженіе. Но чѣмъ искреннѣе мы уважаемъ его, тѣмъ болѣе мы сожалѣемъ о томъ, что неспособность Бакунина усвоить себѣ точку зрѣнія научнаго соціализма сдѣлала его самоотверженіе въ эпоху борьбы „съ Марксомъ“ не только безполезнымъ, а прямо вреднымъ для международнаго пролетаріата.

Несомнѣнно, что въ своемъ старомъ видѣ Интернаціоналъ тѣмъ скорѣе долженъ былъ пережить самого себя, чѣмъ быстрѣе росло его благотворное вліяніе на движеніе международнаго пролетаріата. Общественно-политическая обстановка этого движенія была слишкомъ неодинакова въ различныхъ странахъ, что можно было,—по минованіи его дѣтскаго періода—продолжать руководить имъ изъ одного общаго центра. Поэтому тотъ же духовный и политическій ростъ пролетаріата, которому въ такой сильной степени способствовало Международное Товарищество, дѣлало все болѣе и болѣе необходимымъ сознаніе національныхъ центровъ международнаго движенія. Старый Интернаціоналъ навѣрно распался бы даже въ томъ случаѣ, если бы его миновала чаша междоусобій, т. е. если бы „борьба Бакунина съ Марксомъ“ вовсе не начиналась. Но его распаденіе совершилось бы при непосредственно болѣе благопріятныхъ условіяхъ и не повредило бы развитію классоваго сознанія пролетаріата. Утопическая точка зрѣнія привела Бакунина къ тому, что онъ вредилъ тамъ, гдѣ онъ всѣми силами души хотѣлъ принести пользу. Это очень печально. Но при современномъ развитіи международнаго рабочаго движенія эта печальная судьба предстоитъ всѣмъ соціалистамъ, не умѣющимъ совлечь съ себя ветхаго Адама утопизма: предостереженіе для гг. „соціалистовъ-революціонеровъ“.

„Борьба Бакунина съ Марксомъ“ и въ нѣдрахъ Международнаго Товарищества Рабочихъ была послѣдней крупной схваткой утопическаго соціализма съ научнымъ. Утопизмъ отжилъ свой вѣкъ, и „Новому Интернаціоналу“ угрожаетъ уже новый врагъ—ревизіонизмъ, иначе—оппортунизмъ, имѣющій совсѣмъ другой характеръ, и совершенно другое происхожденіе. Хотя оппортунизмъ знаменуетъ собою то же, что знаменовалъ собою въ свое время бакунизмъ: вліяніе на пролетаріатъ устарѣлыхъ понятій, соотвѣтствующихъ уже пройденнымъ ступенямъ развитія капитализма, и хотя научный соціализмъ можетъ по этому, сказать и утопизму, и оппортунизму, какъ говоритъ у Гауптмана Генриху старуха Виттихенъ: „мертвецы твои чрезмѣрно сильны“; но утопизмъ есть дѣтская болѣзнь рабочаго движенія, между тѣмъ какъ оппортунизмъ является недугомъ, свойственнымъ его зрѣлости. Когда капитализмъ былъ еще мало развитъ и когда еще недостаточно обнаружилось, что только пролетаріату суждено стать его могильщикомъ, соціализмъ „интел-

лигенціи“ естественно тяготѣлъ къ воздушнымъ замкамъ утопій. Въ настоящее время, когда капитализмъ уже клонится къ упадку, и когда всѣмъ, не пораженнымъ слѣпотою, бросаются въ глаза историческое признаніе и политическая мощь пролетаріата, утопизмъ „интеллигенціи“ лишается всякой почвы. Но за то теперь,— и именно потому, что теперь очевидна несравненная политическая мощь пролетаріата —подъ знамя пролетарскаго движенія стекается много такихъ общественныхъ дѣятелей, которые по своему образу мыслей гораздо ближе къ буржуазной демократіи,— когда то привлекавшей къ себѣ почти всѣ живыя силы изъ рабочей среды,—чѣмъ къ демократіи соціальной. Разъ попавъ въ ряды рабочей партіи и пріобрѣтя извѣстное вліяніе на нее, такіе дѣятели пытаются обыкновенно „пересмотрѣть“ основныя положенія соціализма, стараясь удалить изъ него все то, что противорѣчитъ ихъ собственнымъ буржуазно-демократическимъ воззрѣніямъ. Пока ихъ немного, ихъ попытки остаются безвредными и мало замѣтными; но когда число ихъ замѣтно увеличивается,—а его увеличеніе прямо пропорціонально росту притягательной силы пролетарскаго движенія,— тогда предпринимаемый ими „пересмотръ“ можетъ вызвать такъ называемый кризисъ въ соціализмѣ. Кризисы этого рода никогда не закончатся прочнымъ торжествомъ оппортунизма по той простой и вполнѣ достаточной причинѣ, что на свѣтѣ нѣтъ такой волшебной силы, которая въ состояніи была бы вернуть пролетаріатъ въ ту фазу его развитія, когда онъ послушно и довѣрчиво шелъ въ хвостѣ буржуазіи. Но такіе кризисы весьма вредно вліяютъ на развитіе самосознанія рабочаго класса, и потому всѣ вѣрные послѣдователи научнаго соціализма, всѣ истинные защитники пролетарскихъ интересовъ обязаны теперь такъ же упорно противодѣйствовать оппортунистическимъ пересмотрамъ, какъ въ свое время Марксъ противодѣйствовалъ „революціонно“-дезорганизаторскимъ опытамъ Бакунина и его товарищей.

„Международная контръ-организація пролетаріата противъ всемірнаго заговора капиталистовъ“ нанесла тяжелый ударъ буржуазному націонализму. Ростъ международнаго пролетаріата дѣлалъ,—какъ мы сказали,—необходимымъ сознаніе національныхъ центровъ движенія, дѣятельность которыхъ стѣснялась бы организаціей „Стараго Интернаціонала“. Эта организація, во всякомъ случаѣ, должна была уступить свое мѣсто новымъ формамъ совмѣстнаго дѣйствія международнаго пролета-

ріата. Но необходимо помнить, что сознательный пролетаріатъ національнаго совсѣмъ не въ буржуазномъ смыслѣ этого слова. Еще „Манифестъ Коммунистической Партіи“ поясняетъ намъ, какъ должны мы понимать пролетарскій „національнаго“: онъ замѣчаетъ, что пролетаріатъ каждой страны естественно долженъ прежде всего справиться съ своей собственной буржуазіей. Съ этой точки зрѣнія, понятіе нація опредѣляется географически и политически, а вовсе не племенными и нерассовыми признаками. Сообразно съ этимъ, Коммунистическій Манифестъ,—а по его примѣру и знаменитый первый „Манифестъ Международнаго Товарищества Рабочихъ“,—призываютъ къ объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ, а не пролетаріевъ всѣхъ племенъ и народностей. Нетрудно понять, что на практикѣ объединеніе рабочихъ на основѣ этнографическаго принципа часто являлось бы препятствіемъ для его объединенія на почвѣ классовой борьбы. Для примѣра укажемъ на Англію, гдѣ англичанину сплошь и рядомъ приходится работать бокъ о бокъ съ ирландцемъ. Господствующіе классы Англіи издавна старались сѣять и раздувать вражду между англійскими и ирландскими рабочими, слѣдуя хитрому правилу всѣхъ угнетателей: раздѣляй и властвуй. Международное Товарищество Рабочихъ всѣми силами боролось съ этой разъединяющей и развращающей политикой англійскихъ тори и виговъ. Марксъ не разъ указывалъ на то, какъ важно для дѣла всемірнаго пролетаріата объединеніе англійскихъ рабочихъ съ ирландскими. И само собою разумѣется, что это объединеніе должно было, по его мысли, произойти въ предѣлахъ единой партіи наемнаго труда. Если бы какой-нибудь ирландскій соціалистъ, не сумѣвшій покончить съ буржуазнымъ національнымъ, вздумалъ организовать въ Англіи ирландскихъ пролетаріевъ отдѣльно отъ англійскихъ, ему пришлось бы выслушать суровую отповѣдь отъ Общаго Совѣта Международнаго Товарищества. Нашъ „Бундъ“ достойнымъ образомъ почтитъ память „Стараго Интернаціонала“, хорошенько задумавшись надъ этимъ.

Международный пролетаріатъ празднуетъ сороковую годовщину этого Интернаціонала въ то самое время, когда на Дальнемъ Востокѣ свирѣпствуетъ война, вызванная хищнической политикой той кровожадной, безстыдной, бездарной и беззаботной шайки, которая правитъ Россіей. И эта шайка дѣлаетъ все отъ

нея зависящее, чтобы вызвать въ русскомъ народѣ „патріотическую“ ненависть къ желтой расѣ. Въ виду ея постыдныхъ усилій, полезно и пріятно напомнить благородныя слова перваго Манифеста Международнаго Товарищества:

„Если успѣхъ дѣла освобожденія рабочихъ зависитъ отъ ихъ братскаго единенія и взаимнаго содѣйствія, то какимъ образомъ они могутъ выполнить свое великое назначеніе, когда международная политика, руководясь единственно преступными замыслами и пользуясь національными предразсудками, расточаетъ въ своихъ разбойничьихъ войнахъ кровь и деньги народовъ?.. Пора рабочимъ вникнуть въ таинства международной политики; пора имъ наблюдать за дипломатическими дѣйствіями своихъ правительствъ, сопротивляться имъ, въ случаѣ нужды, всѣми средствами, имѣющимися подъ рукою, и, наконецъ, въ случаѣ неудачи подобныхъ отдѣльныхъ усилій, соединиться въ одномъ общемъ протестѣ противъ преступныхъ замысловъ правительствъ... Бороться во имя такого политическаго знамени—значитъ принимать участіе въ общей борьбѣ за полное освобожденіе рабочаго класса“.

Мы ничего не прибавимъ къ этимъ словамъ, не желая ослаблять производимое ими впечатлѣніе, и закончимъ свою статью тѣмъ же призывомъ, какимъ заканчивается цитируемый нами замѣчательный документъ:

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Г. Плехановъ.

Противъ войны.

(20-го октября, 1904 г., № 76.)

Жоресъ выступилъ „противъ войны“ [1]). Онъ апеллируетъ къ „совѣсти цивилизованнаго человѣчества“; онъ требуетъ, чтобы оно „умоляло оба воюющихъ народа прекратить ужасное зрѣлище без-

[1]) L. Humanité № 182.

полезной и непрекращающейся „бойни“; онъ выражаетъ надежду, что этотъ „единодушный, умоляющій призывъ всего человѣчества будетъ услышанъ воюющими сторонами“. „Возможно, и даже необходимо“, говоритъ онъ, „дѣйствовать въ духѣ мира, создать, такъ сказать, нравственную необходимость мира путемъ грандіозной и непрерывной международной манифестаціи гуманности, мудрости, жалости“. И онъ кончаетъ свою статью: „Международный соціализмъ можетъ повсюду содѣйствовать этому необходимому пробужденію, этому необходимому торжеству гуманности и мира. Если повсюду парламенты выразятъ свои сожалѣнія по поводу этой бойни, если они выразятъ пожеланіе, чтобы правительства и народы, не заинтересованные непосредственно въ столкновеніи, вошли между собою въ соглашеніе и дружески посовѣтовали обѣимъ великимъ націямъ заключить миръ, быть можетъ, тогда дипломатія легче найдетъ случай для посредничества и вмѣшательства (intervention). Повторный и настойчивый призывъ къ миру со стороны парламентовъ стараго и новаго свѣта, призывъ, не сопровождаемый попытками оказать прямое или косвенное давленіе, несомнѣнно, найдетъ откликъ во всемъ мыслящемъ человѣчествѣ и, наконецъ, отразится и на самомъ ходѣ событій.“

Таковъ „жестъ“, сдѣланный Жоресомъ „противъ войны“ и въ пользу мира. Не зачѣмъ, конечно, тратить много словъ, чтобы доказать, что „международный соціализмъ“ никоимъ образомъ не можетъ и не долженъ встать на путь, рекомендуемый ему краснорѣчивымъ трибуномъ республиканскаго „блока“.

Не на буржуазные парламенты, не на буржуазную „цивилизацію“ можно возлагать „миролюбивыя“ надежды. Буржуазная цивилизація! Какъ будто не она положила начало такимъ кровопролитнымъ побоищамъ, какихъ не зналъ до нея міръ; какъ будто не она отдала на служеніе молоху милитаризма всѣ чудеса науки, техники, искусства; какъ будто не она создала тотъ „вооруженный миръ“, подъ бременемъ котораго стонутъ народы! Буржуазные парламенты! Какъ будто не англійскій парламентъ одобрилъ войну съ бурами; какъ будто безъ согласія американскаго парламента лилась кровь на Кубѣ и Филиппинахъ; какъ будто не „парламенты стараго и новаго свѣта“ ежегодно ассигнуютъ милліарды на армію и флотъ; какъ будто не они одобрили ту „международную“ экспедицію въ Китай, которая послужила прологомъ теперешней войны; и, наконецъ, какъ будто не парламентскій союзъ съ „цивилизованными“ и „гуманными“ либераль-

ными друзьями заставлялъ жоресистовъ голосовать за военный бюджетъ во французской палатѣ!

Можно и должно ненавидѣть войну.

У войны нѣтъ болѣе ожесточеннаго и послѣдовательнаго противника, чѣмъ революціонный рабочій классъ, и русскій сознательный пролетаріатъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Но мало ненавидѣть войну; надо понять ее. Надо понять неизбѣжную связь войны со всѣмъ современнымъ общественно-экономическимъ строемъ; надо понять, что лишь съ крушеніемъ капиталистическаго общества исчезнетъ навсегда необходимость кровавыхъ столкновеній; надо понять, что лишь могильщикъ этого общества—пролетаріатъ—является дѣйствительнымъ носителемъ идеи мира, что только его революціонная борьба подрѣзываетъ въ корнѣ всякую возможность дикихъ побоищъ. И только понявъ это, можно успѣшно вести борьбу „противъ войны".

Но для Жореса и его друзей всѣхъ этихъ соображеній, конечно, не существуетъ, и съ своей точки зрѣнія они вполнѣ послѣдовательны. Кто не понимаетъ революціонной роли классовой борьбы пролетаріата во „внутренней политикѣ", для того книгою за семью печатями останется эта роль и въ политикѣ „внѣшней". Кто великую борьбу труда и капитала думаетъ рѣшить посредствомъ „анонимнаго" участія въ буржуазномъ правительствѣ, тотъ съ такимъ же правомъ видитъ въ „сотрудничествѣ" съ парламентаріями другихъ странъ средство положить конецъ кровопролитной войнѣ. Кто возлагаетъ свои „соціалистическія" надежды на „добрую волю" и „гуманность" французской буржуазіи, тотъ, естественно, ищетъ опоры своему „миролюбію" въ „жалости" и сантиментальныхъ вздохахъ буржуазіи всемірной.

Если бы вся эта жалкая декламація исходила изъ среды тѣхъ старыхъ дѣвъ буржуазнаго либерализма, которыя обычно слезливыми причитаніями „привѣтствуютъ" гаагскія конференціи, основываютъ Лиги мира и т. п., мы могли бы спокойно пройти мимо нея. Но въ данномъ случаѣ кампанія начата подъ флагомъ „соціализма" и грозитъ, кромѣ того, серьезною опасностью тому самому дѣлу мира, во имя котораго она предпринята. Вотъ почему мы не можемъ оставить „проектъ" Жореса безъ вниманія.

Какъ ни похвальны добрыя чувства, внушаемыя Жоресомъ читателямъ, и какъ бы безвредна ни казалась сама по себѣ его проповѣдь, она—поскольку ведется отъ имени „соціализма"—совершенно извращаетъ дѣйствительную связь общественныхъ

явленій и тѣмъ самымъ затрудняетъ пролетаріату пониманіе тѣхъ методовъ и средствъ, которые могутъ на дѣлѣ увѣнчать успѣхомъ его борьбу противъ милитаризма. Скажетъ ли Жоресъ, что пролетаріатъ уже имѣетъ силу заставить правительства служить дѣлу „всеобщаго мира“? Скажетъ ли онъ, что канцлеръ германской имперіи будетъ вести все дѣло „дружескаго вмѣшательства“ подъ непрерывнымъ контролемъ и по указаніямъ нѣмецкой соціалдемократіи?

Нѣтъ, кто хочетъ теперь вести войну противъ войны, тотъ не на парламенты, не на правительства, не на дипломатію долженъ разсчитывать. Тотъ долженъ вести неустанную революціонную борьбу съ самимъ буржуазнымъ обществомъ, тотъ долженъ подкапывать устои, на которыхъ зиждется зданіе военщины. Хотите вести борьбу противъ войны во Франціи? Отказывайте правительству въ военныхъ кредитахъ, требуйте расторженія позорнаго союза республики съ россійскимъ деспотизмомъ, добивайтесь прекращенія тѣхъ услугъ, которыя „нейтральная“ Франція оказываетъ самодержавной бюрократіи, ведите неустанную агитацію противъ всего капиталистическаго строя, разорвите свой союзъ съ буржуазными республиканцами, изобличайте на каждомъ шагу ихъ лицемѣріе, ихъ буржуазную ограниченность, ихъ предательство интересовъ народа во имя биржевыхъ спекуляцій, словомъ, будьте революціонными соціалдемократами у себя дома и поддерживайте революціонное соціалдемократическое движеніе пролетаріата во всемъ мірѣ! И тогда, можетъ быть, не столь „малымъ“ покажется вамъ значеніе революціонной борьбы рабочаго класса въ странахъ, не имѣющихъ парламента, какъ это показалось тов. Анзееле на Амстердамскомъ конгрессѣ, и не столь великимъ значеніе буржуазныхъ парламентовъ „стараго и новаго свѣта“, какъ это кажется Жоресу. Тогда вы увидите, что единственной дѣйствительной силой, требующей и могущей добиться мира, и въ Россіи является революціонный пролетаріатъ.

Да, оппортунизмъ имѣетъ свою логику. Но эта логика не можетъ быть логикой „международнаго соціализма“. Вѣрный своимъ революціоннымъ традиціямъ, международный соціализмъ только революціоннымъ путемъ можетъ содѣйствовать наступленію мира. Русская революція—вотъ единственный путь, который можетъ положить скорый конецъ бойнѣ на Дальнемъ Востокѣ. Мы никакъ не можемъ согласиться съ Жоресомъ, будто эта бойня не вызвана „никакой исторической необходимостью“, и будто доста-

точно было „немножко мудрости и умѣренности“, чтобы предотвратить ее. Нѣтъ, она вызвана „исторической необходимостью“, но имя этой „необходимости“—русскій абсолютизмъ, и чѣмъ рѣзче и основательнѣе будетъ его крушеніе, тѣмъ быстрѣе и несомнѣннѣе покончится война. И вотъ почему, кто противъ войны, тотъ за русскую революцію, а кто за русскую революцію, тотъ за революціонное соціалдемократическое движеніе русскаго пролетаріата, ибо внѣ этого движенія могутъ быть кое-какія реформы, можетъ быть даже кое-какая конституція, но не можетъ быть революціи, которая одна только навѣрное и цѣликомъ будетъ „противъ войны“, ведущейся во имя интересовъ самодержавной олигархіи.

И тѣмъ вреднѣе затѣя Жореса, что, въ случаѣ успѣха, она не можетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, кончиться ничѣмъ инымъ, кромѣ манифестаціи въ пользу россійскаго абсолютизма. Какъ ни разыгрываетъ изъ себя россійское правительство „гордаго испанскаго дворянина“ каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь о „дружественномъ посредничествѣ“, но нѣтъ сомнѣнія, что посредничество „правительствъ“ и „дипломатіи“ для прекращенія войны для него неизмѣримо пріятнѣе того „посредничества“, которое готовитъ ему русская революція. И это тѣмъ болѣе, что „дружественную“ Францію, прежде всего, имѣетъ Жоресъ шансы подвинуть на желательный ему путь, и что противъ Японіи съ ея „чрезмѣрными“ требованіями естественно должно будетъ обратиться вмѣшательство державъ. Самодержавное правительство, конечно, скорѣе, чѣмъ Японія, согласится на возстановленіе того status quo, которое было до войны, и, пожалуй, даже съ нѣкоторыми урѣзками; ибо въ этотъ status будетъ входить все то, что оно успѣло хищнически захватить у Китая. Но, если Жоресъ напоминаетъ, что вмѣшательство Франціи, Германіи и Россіи „въ пользу“ Китая и противъ Японіи въ 1895 году положило начало тому конфликту, который теперь кровью разрѣшается на Дальнемъ Востокѣ, то гдѣ ручательство, что новое вмѣшательство противъ Японіи въ пользу россійскаго абсолютизма не послужитъ толчкомъ къ той международной войнѣ, которая зальетъ кровью не одни манчжурскія поля, но и весь міръ? А что отъ „дружескаго“ совѣта до вооруженнаго вмѣшательства рукой подать, въ этомъ, при современной комбинаціи интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пусть только „правительства“ получатъ полномочія на „посредничество“ отъ парламентовъ, да

еще съ участіемъ соціалистовъ, они уже съумѣютъ распорядиться ими, не спрашивая дальше „гуманныхъ“ совѣтовъ Жореса. И кто знаетъ: быть можетъ, въ интересахъ „цивилизаціи“, найдутся „соціалисты“, которые и нужные для „успѣха посредничества“ кредиты ассигнуютъ...

Нѣтъ, по этому пути „международный соціализмъ“ пойти не можетъ, не можетъ именно потому, что онъ „противъ войны“. И какъ ни печально для „чести человѣческаго рода, населяющаго нашу планету“, что нельзя разсчитывать на гуманность „цивилизованнаго человѣчества“, соціализмъ можетъ утѣшиться, возложивъ свои надежды на революціонность сознательнаго пролетаріата.

Эта надежда не обманетъ.

Ф. Данъ.

Объединеніе французскихъ соціалистовъ.

(1 мая 1905 г., № 99).

Объединеніе французскихъ соціалистовъ—совершившійся фактъ. Теперь во Франціи, гдѣ до сихъ поръ существовало нѣсколько отдѣльныхъ соціалистическихъ организацій и гдѣ взаимная борьба этихъ организацій приносила такъ много вреда дѣлу пролетаріата, есть только одна соціалистическая партія, подъ знаменемъ которой пойдутъ,—по крайней мѣрѣ рѣшили идти,—вмѣстѣ всѣ оттѣнки французскаго соціализма. Соціалистическій пролетаріатъ всего міра громко и радостно привѣтствовалъ это событіе. И ему, въ самомъ дѣлѣ, нельзя не радоваться.

Мы не страдаемъ излишнимъ оптимизмомъ съ этой стороны.

Если бы насъ спросили, увѣрены ли мы въ прочности только что состоявшагося объединенія, то мы, не колеблясь, отвѣтили бы отрицательно. Такой увѣренности у насъ, къ сожалѣнію, пока еще нѣтъ. Мы сказали бы даже больше. Уже теперь, когда только еще начался медовый мѣсяцъ объединенія, мы видимъ во французской соціалистической печати признаки, которые показываютъ, что разногласія, вызвавшія такіе жестокіе раздоры между фран-

цузскими соціалистами, далеко не устранены. Вотъ знаменательный примѣръ. По случаю предстоящаго пріѣзда испанскаго короля въ Парижъ возникъ вопросъ, будетъ ли встрѣчать его предсѣдатель парижскаго муниципальнаго совѣта докторъ Поль Бруссъ,—котораго можно по всей справедливости назвать отцомъ французскаго соціалистическаго оппортунизма,—или постарается уклониться отъ этой чести подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Бруссъ поспѣшилъ категорически заявить, что уклоняться отъ встрѣчи Альфонса XIII онъ совсѣмъ не намѣренъ, а въ органѣ Жореса, „L'Humanité", появилась замѣтка, авторъ которой видитъ въ заявленіи Брусса отрадное доказательство того, что французскому соціализму чуждъ духъ демагогіи. Совершенно такъ разсуждали жоресисты во время пріѣзда во Францію русскаго царя и итальянскаго короля. Это даетъ основаніе опасаться, что они послѣ объединенія остались такими же, какими были до него. А такъ какъ мы уже знаемъ, до чего доводило этихъ людей ихъ своеобразное пониманіе „демагогіи", то мы поневолѣ начинаемъ считать возможнымъ новый разрывъ ихъ съ революціонными соціалъ-демократами. Но, несмотря на это, мы рѣшительно присоединяемся къ тѣмъ, которые радуются дѣлу, начатому еще въ августѣ прошлаго года въ Амстердамѣ и законченному въ Парижѣ 23—24 апрѣля. Оно представляетъ собою большую побѣду революціоннаго соціализма, — иначе называемаго ортодоксальнымъ марксизмомъ—надъ оппортунизмомъ.

Амстердамскій международный соціалистическій съѣздъ, какъ извѣстно, высказался противъ той тактики, которой держались французскіе оппортунисты во главѣ съ Жоресомъ и которой всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ сочувствовали соціалистическіе оппортунисты всѣхъ другихъ странъ. Въ Амстердамѣ было жарко, какъ говорятъ французы. Жоресъ защищался съ энергіей отчаянія, и былъ моментъ, когда, благодаря ловкому маневру соціалистическаго „центра", руководимаго В. Адлеромъ и Вандервельдомъ, казалось возможнымъ, что оппортунистамъ удастся и на этотъ разъ,—какъ удалось имъ это на парижскомъ международномъ съѣздѣ 1900 года,—помѣшать представителямъ международнаго пролетаріата высказать ясно и рѣшительно свою политическую мысль. Это опасеніе, къ счастью, не оправдалось. Непріятная оппуртунистамъ, „дрезденская резолюція" была принята съ маленькой поправкой совершенно несущественнаго свойства, и французскимъ оппортунистамъ оставалось одно изъ двухъ:

выйти изъ рядовъ всемірнаго пролетаріата, или подчиниться рѣшенію международнаго съѣзда. Сознаніе этой, весьма непріятной для нихъ, необходимости привело ихъ въ сильное раздраженіе. Осыпая упреками „узкихъ догматиковъ“ марксизма, будто бы неспособныхъ понять самыхъ важныхъ политическихъ задачъ современнаго рабочаго движенія, они упорно твердили, что резолюція амстердамскаго съѣзда не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ принявшее ее большинство состояло изъ делегатовъ преимущественно такихъ странъ, въ которыхъ пролетаріатъ еще не пріобрѣлъ серьезнаго политическаго вліянія. Это было не вѣрно; но этому придавали внѣшній видъ серьезнаго довода противъ ненавистной оппортунистамъ резолюціи. И это еще не все. Немедленно по возвращеніи изъ Амстердама—Жоресъ и наиболѣе видные изъ его единомышленниковъ предприняли агитаціонную поѣздку на сѣверъ Франціи съ цѣлью защитить свою „отвергнутую“ международнымъ съѣздомъ тактику передъ лицомъ французскаго пролетаріата. Эта агитаціонная поѣздка увѣнчалась, повидимому, блестящимъ успѣхомъ. Рѣчи адвокатовъ оппортунизма вызывали шумныя, долго несмолкаемыя рукоплесканія, а резолюціи, предлагавшіяся этими адвокатами, принимались почти безъ оппозиціи на многолюдныхъ народныхъ собраніяхъ. Но весь этотъ громкій успѣхъ остался совершенно безплоднымъ: онъ не отмѣнилъ строгаго приговора, произнесеннаго надъ оппортунизмомъ въ Амстердамѣ. Конечно, если бы французскіе пролетаріи, рукоплескавшіе красивымъ рѣчамъ и трубному гласу Жореса, обнаружили рѣшительное желаніе не подчиняться амстердамскому приговору, то положеніе, испорченное этимъ приговоромъ, было бы до извѣстной степени поправимо. Жоресисты продолжали бы держаться своей прежней тактики, а международная соціалдемократія продолжала бы щадить ихъ, не желая отталкивать отъ себя значительную часть французскаго рабочаго класса. На слѣдующемъ международномъ съѣздѣ можно было бы, пожалуй, добиться какого-нибудь компромисса, на дѣлѣ равносильнаго отмѣнѣ амстердамскаго рѣшенія, и, такимъ образомъ, пресловутая „новая метода“ была бы спасена. Но, увы! Пролетаріи, шедшіе за Жоресомъ, поступили какъ разъ наоборотъ. Они не только не обнаружили желанія возстать противъ амстердамскаго рѣшенія, но дали ясно понять своимъ вождямъ, что это рѣшеніе должно быть исполнено безъ проволочекъ. Уже въ то самое время, когда Жоресъ совершалъ свою агитаціонную поѣздку по сѣверу Франціи и,

повидимому, такъ успѣшно защищалъ свою тактику, рабочія собранія, происходившія въ самыхъ различныхъ мѣстахъ французской территоріи, одно за другимъ и одно рѣшительнѣе другого принимали резолюціи, приглашавшія вожаковъ оппортунизма преклониться передъ волей международнаго съѣзда. Это настроеніе крѣпло съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ днемъ становилось все больше и больше очевиднымъ, что Жоресъ и его ближайшіе единомышленники будутъ оставлены почти всей своей арміей, если пойдутъ въ разрѣзъ съ ними. Убѣдившись въ этомъ, главный штабъ французскаго оппортунизма увидѣлъ себя вынужденнымъ идти на уступки и заявить, что готовъ вступить въ переговоры для объединенія... на основѣ амстердамской резолюціи.

Въ концѣ декабря уполномоченные отъ различныхъ соціалистическихъ организацій [1]) пришли къ окончательному соглашенію относительно тѣхъ принциповъ, которыми должны будутъ руководствоваться объединенные французскіе соціалисты въ своей политической дѣятельности. И достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на „объединительную декларацію“, заключающую въ себѣ изложеніе этихъ руководящихъ принциповъ, чтобы увидѣть, какъ далеко идутъ уступки, сдѣланныя революціонной „ортодоксіи“ французскимъ соціалистическимъ оппортунизмомъ.

Впрочемъ, нѣтъ, мы выражаемся не точно. Оппортунизмъ не уступилъ, а просто на просто сдался своему противнику, очистивъ передъ нимъ всѣ свои позиціи. Чрезвычайно интересно то мѣсто декларации, гдѣ говорится, что „по своей цѣли, по своему идеалу, по средствамъ, употребляемымъ ею, соціалистическая партія является партіей классовой борьбы и революціи, а не реформы, хотя и добивается въ то же время непосредственныхъ реформъ, требуемыхъ рабочимъ классомъ.“ Правда, оппортунисты могутъ утверждать,—и утверждали,—что отъ классовой борьбы они собственно не отказывались и что, хотя ихъ бывшій товарищъ Милльеранъ предпочиталъ ей „сотрудничество классовъ,“ зато Жоресъ всегда говорилъ о ней въ самыхъ прочувствованныхъ и возвышенныхъ выраженіяхъ. Но на дѣлѣ классовая борьба принимала у нихъ самый безобидный для буржуазіи видъ и

---

[1]) Кромѣ французской соціалистической партіи (жоресистовъ) и соціалистической партіи Франціи (гэдисты и бланкисты), въ переговорахъ участвовали еще: соціально-революціонная рабочая партія (аллеманисты) и независимыя федераціи устьевъ Роны, Эро, Бретани, Соммы-и-Іоны.

утрачивала всякій революціонный характеръ. Если бы французскій пролетаріатъ усвоилъ себѣ тактику оппортунистовъ, то французскій соціализмъ очень скоро совершенно превратился бы въ мирную партію буржуазной соціальной реформы. Въ области теоріи такой переходъ чрезвычайно облегчился бы для него тѣми разсужденіями о соціальномъ развитіи, которымъ съ особенной охотой предавались нѣмецкіе оппортунисты и въ результатѣ которыхъ получался успокоительный выводъ, гласившій,—разсудку вопреки, наперекоръ исторіи!,—что самое понятіе о соціальной революціи есть чистѣйшая безсмыслица. Теперь французскіе оппортунисты торжественно признали несостоятельность этого вывода; теперь они открыто стали подъ знамя соціальной революціи. Это—огромный шагъ впередъ, и мы очень довольны имъ. Но что скажетъ по его поводу г. Бернштейнъ? Что скажутъ „соціалдемократы“, группирующіеся вокругъ редакціи журнала „Socialistische Monatshefte“?

Не менѣе интересно,—а съ практической точки зрѣнія особенно важно,—и заключающееся въ декларації указаніе на то, что представители соціалистической партіи составятъ во французскомъ парламентѣ отдѣльную группу, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, что эта группа обязана голосовать противъ бюджета и, наконецъ, что даже при исключительныхъ обстоятельствахъ она не имѣетъ права входить въ договоры съ другими парламентскими группами, если не получитъ предварительно разрѣшенія на такой шагъ отъ представляемой ею партіи. Прощай, „республиканскій блокъ“! Прощай, независимость соціалистическихъ депутатовъ! Отнынѣ всѣ они будутъ подчинены контролю организованнаго соціалистическаго пролетаріата, который, надѣемся, съумѣетъ предохранить ихъ отъ повторенія политическихъ ошибокъ, доставившихъ большинству изъ нихъ не совсѣмъ лестную извѣстность въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Мы пишемъ все это вовсе не затѣмъ, чтобы попрекать недавнимъ прошлымъ нашихъ товарищей, принадлежащихъ къ правому крылу французской соціалистической партіи. Къ чему безполезные упреки? Прошлаго не воротишь. Но именно потому, что мы не увѣрены въ прочности мира, только что заключеннаго между двумя фракціями французскаго соціализма; именно потому, что уже теперь, когда только что прекратилась междоусобная война, нѣкоторые оппортунисты исподтишка затягиваютъ свою старую пѣ-

сенку, мы считаемъ необходимымъ напомнить нашему читателю важнѣйшія изъ обстоятельствъ, подготовлявшихъ и сопровождавшихъ интересующее насъ событіе. Только принявъ въ соображеніе эти обстоятельства, можно выяснить себѣ его истинный смыслъ.

Международная соціалистическая „ортодоксія“ побѣдила въ Амстердамѣ международный соціалистическій оппортунизмъ. Парижскій миръ между соціалистами былъ первымъ крупнымъ плодомъ этой побѣды. И этотъ крупный плодъ могъ созрѣть только въ здоровой атмосферѣ современнаго массоваго движенія пролетаріата. Если бы дѣло объединенія зависѣло въ послѣднемъ счетѣ отъ принадлежащихъ къ французской интеллигенціи сторонниковъ „новой методы“, то оно не только не увѣнчалось бы успѣхомъ, но все болѣе и болѣе становилось бы безнадежнымъ. Мы никогда не были врагами интеллигенціи,—по крайней мѣрѣ, той интеллигенціи, которая была достаточно интеллигентна для усвоенія великой революціонной идеи нашего времени,—но мы не смотримъ на нее черезъ призму идеализаціи, мы видимъ ея недостатки. „Интеллигентъ“ всегда хоть немножечко принадлежитъ къ породѣ „сверхъ-человѣковъ“; а „сверхъ-человѣки“, страстно любящіе повелѣвать, не выносятъ даже и легкаго прикосновенія дисциплины. Было бы совсѣмъ неумѣстно разбирать здѣсь, какими соціальными причинами вызываются эти психологическія черты. Мы ограничимся тѣмъ, что констатируемъ ихъ существованіе, и попросимъ читателя представить себѣ, что должно происходить внутри партій, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ такихъ „сверхъ-человѣковъ“. Мы думаемъ, что въ такихъ партіяхъ перевороты, расколы, coups d' ètats и всяческія междоусобія будутъ по необходимости происходить такъ же часто, какъ революцій въ латинскихъ государствахъ Америки. Замѣчательно, что соціалистическая интеллигенція, пока она не растворялась въ рабочемъ классѣ, нигдѣ не могла сложиться въ единую, прочную партію. Это объясняетъ намъ, почему расколы между соціалистами составляютъ обычное явленіе въ тѣхъ странахъ восточной Европы, гдѣ соціалистическія партіи до сихъ поръ состоятъ главнымъ образомъ изъ „интеллигентовъ“. И единственнымъ,—не палліативнымъ,—лѣкарствомъ отъ такихъ „сверхъ-человѣческихъ“ болѣзней можетъ служить лишь приданіе соціалистическимъ партіямъ истинно-пролетарскаго характера. Когда „рабочія партіи“ этихъ странъ сдѣлаются партіями рабочихъ, тогда и расколы станутъ тамъ не правиломъ, а исклю-

ченіемъ, и распри интеллигентовъ перестанутъ вредить дѣлу пролетаріевъ...

Возвращаясь къ нашей темѣ, мы повторимъ, что мы не очень вѣримъ въ прочность только что создавшагося объединенія соціалистическихъ силъ Франціи. Общественная жизнь современнаго „демократическаго“ государства слишкомъ богата соблазнами, способными вовлечь въ политическіе грѣхи соціалистовъ, склонныхъ къ оппортунизму. Возможно, что прежнія разногласія, повидимому, совершенно устраненныя теперь „объединительной деклараціей“, скоро возобновятся во французской соціалистической средѣ съ новой силой. Но въ чемъ мы увѣрены совершенно твердо, такъ это въ томъ, что, въ случаѣ новаго раскола, огромная часть тѣхъ рабочихъ, которые шли когда-то за оппортунистами, останется въ рядахъ революціоной соціалистической арміи. И эта твердая увѣренность заставляетъ насъ сильно радоваться выгодному и почетному для революціонеровъ миру, заключенному въ Парижѣ 23—25 апрѣля.

Если бы мы захотѣли, въ заключеніе, оглянуться на тотъ „кризисъ французскаго соціализма“, который теперь закончился, по крайней мѣрѣ, на время, то мы должны были бы сказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ кризисомъ роста, какъ его назвалъ, кажется, Поль Лафаргъ.

Съ конца восьмидесятыхъ годовъ въ ряды французскихъ соціалистовъ стало притекать чрезвычайно много новыхъ пришельцевъ. Число голосовъ, подаваемыхъ за соціалистическихъ кандидатовъ, удваивалось чуть не при каждыхъ новыхъ выборахъ. Рядомъ съ этимъ, замѣчалось ослабленіе силъ лѣваго крыла буржуазіи—радикальной партіи. Избиратели, голосовавшіе прежде за радикаловъ, отдавали свои голоса соціалистамъ. Это отразилось, конечно, и на французской интеллигенціи. Прежде совершенно глухая къ голосу соціализма, она стала выдвигать изъ своей среды довольно значительное число соціалистовъ. Но эти новые соціалисты принесли съ собою изъ своего прежняго лагеря порядочный запасъ старыхъ мелко-буржуазныхъ предразсудковъ. И, когда они сравнивали свои взгляды со взглядами французскихъ марксистовъ, они неизбѣжно открывали большую разницу между ними. Эта разница, обусловленная ихъ отсталостью, объяснялась ими, какъ отсталость марксизма отъ новыхъ требованій жизни. И вотъ они заговорили о необходимости „критики Маркса“ и придумали „новую методу“. Борьба, вызван-

ная этой методой, продолжалась нѣсколько лѣтъ и закончилась, какъ мы видимъ, побѣдой марксизма. Парижскій объединительный съѣздѣ похоронилъ „новую методу“. Многіе и многіе изъ ея бывшихъ сторонниковъ, открывъ истинный источникъ своего заблужденія и ставъ соціалистамами въ полномъ смыслѣ этого слова, уже никогда къ ней не вернутся. Но у нея могутъ явиться новые сторонники между тѣми людьми, которые впредь станутъ переходить къ соціалистамъ изъ буржуазнаго лагеря. Такіе люди будутъ, конечно, появляться вплоть до самой революціи. И чѣмъ больше будетъ такихъ людей, т. е. чѣмъ больше станетъ притягательная сила соціализма, тѣмъ больше будетъ расти возможность появленія новыхъ кризисовъ въ соціализмѣ и новыхъ „критиковъ Маркса“. А такъ какъ ростъ притягательной силы соціализма показываетъ намъ, что правы были теоретики, обнаружившіе объективную необходимость этого роста, то мы рѣшаемся выставить слѣдующее, на первый взглядъ парадоксальное, положеніе:

„Кризисы“ въ современномъ соціализмѣ будутъ тѣмъ чаще, чѣмъ больше правильность его теоріи,—марикизма,—будетъ подтверждаться ходомъ развитія современнаго общества.

Но именно по той причинѣ, что эти кризисы будутъ возникать не оттого, что марксизмъ ошибоченъ, а оттого, что онъ вѣренъ, всякій новый кризисъ будетъ вести къ новому торжеству „ортодоксіи“ и ко все болѣе и болѣе сильному сплоченію рядовъ революціоннаго пролетаріата.

Г. Плехановъ.

Отдѣлъ II:

„Основы тактики“.

Нашъ съѣздъ.

(25 ноября, 1903 г., № 53).

Всего пять лѣтъ назадъ десятокъ революціонеровъ,—за которыми стояли только еще складывавшіяся организаціи, только еще выходившія изъ подполья кружковой пропаганды на арену общественной борьбы въ серьезномъ смыслѣ этого слова,—десятокъ революціонеровъ собрался, чтобы провозгласить возникновеніе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Ихъ иниціативѣ удалось достичь того, что въ теченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ порывались сдѣлать наиболѣе дальновидные члены активныхъ соціалдемократическихъ группъ. Партія была провозглашена, какъ идея, какъ символъ принципіальнаго единства задачъ пробуждавшагося въ разныхъ мѣстахъ страны пролетаріата.

Къ сожалѣнію, въ 1898 году Партія осталась только такимъ символомъ. И не потому, конечно, что случайныя обстоятельства—разгромъ выбраннаго первымъ съѣздомъ Центр. Комитета,—остановилъ развитіе партійной организаціи въ самомъ началѣ. Провалъ былъ дѣломъ случайнымъ, но необходимымъ было то, что партійная организація **не могла** возродиться послѣ этого провала. Въ наличной дѣйствительности не было еще элементовъ для образованія сколько-нибудь живучей Партіи. Классовая борьба русскаго пролетаріата только возникла и переживала фазу раздробленнаго, разрозненнаго и туго поддававшагося объединенію протеста противъ соціальнаго гнета. На почвѣ этой зачаточной классовой борьбы только еще формировались элементы партійной организаціи—съ узкимъ кругозоромъ, придавленнымъ убожествомъ окружающихъ условій, съ пониженнымъ темпомъ революціоннаго настроенія. Провозглашеніе идеи партіи было большимъ шагомъ впередъ для тогдашней соціалдемократіи. Достаточно было поста-

вить вопросъ о партіи, чтобы вывести мысль работниковъ соціалдемократіи изъ круга „кустарной“ практики и доктринерской „кружковщины“. Ибо „партія“ значитъ прежде всего „общія задачи“, а общія задачи для борящагося класса означаютъ задачи политическія.

Выдвинуть идею партіи значило поставить на очередь вопросъ о политической организаціи рабочаго класса. А потому самый фактъ 1-го съѣзда, оставившаго по себѣ извѣстный манифестъ, долженъ былъ поставить на очередь тотъ вопросъ, которому суждено было въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служить источникомъ нашихъ партійныхъ междоусобій. Переходъ русскихъ соціалдемократовъ отъ „экономизма“ къ рѣшительной „политикѣ“ былъ необходимой предпосылкой образованія дѣйствительной партіи, и до тѣхъ поръ, пока въ головахъ большинства дѣйствительныхъ товарищей прочно сидѣли традиціи „экономизма“, не могло быть и рѣчи о заполненіи партійной оболочки реальнымъ содержаніемъ.

Но между тѣмъ, какъ подъ напоромъ жизни и усиленнымъ воздѣйствіемъ литературной пропаганды петербургскіе, московскіе, одесскіе и др. экономисты превращались на дѣлѣ въ россійскихъ соціалдемократовъ, расли и множились элементы дѣйствительнаго организаціоннаго единства, способные создать и поддержать техническій аппаратъ партійной организаціи. Соціалдемократическій „кустарь“ вытѣснялся профессіональнымъ революціонеромъ, получившимъ свое политическое воспитаніе на все усложнявшейся работѣ передовыхъ организацій, въ атмосферѣ революціоннаго подъема, характеризующаго послѣдніе годы. Идейная борьба 1900—1902 годовъ создала для громаднаго большинства дѣйствующихъ товарищей идейное единство. Съ того момента, какъ эта цѣль была достигнута, насущнѣйшей задачей дня стало положить начало оформленному существованію такой организаціи, которая была бы способна осуществить это идейное единство въ планомѣрной политической работѣ. Созывъ съѣзда сталъ настоятельной потребностью, и наша необычайно разросшаяся за пять лѣтъ Партія съ чувствомъ законнаго удовлетворенія можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что ей удалось успѣшно выполнить эту задачу, несмотря на всѣ внутреннія и внѣшнія препятствія.

Второй съѣздъ долженъ былъ подвести крупные итоги—итоги пятилѣтней работы Партіи, пятилѣтней внутренней борьбы. Наслѣдство, которое предстояло „ликвидировать“, было громадно: немудрено, что съѣзду пришлось засѣдать болѣе трехъ недѣль,

и все же только часть намѣченныхъ вопросовъ могла быть имъ обсуждена.

Надо было принять общеобязательную партійную программу. Долгіе, пожалуй, слишкомъ долгіе дебаты [1]) сопровождали принятіе каждаго ея пункта. Здѣсь подводились итоги той теоретической, принципіальной борьбѣ, которая съ такой энергіей велась года два назадъ. Головокружительно быстрое развитіе русской политической жизни облегчило задачу партійнаго съѣзда, который долженъ былъ ликвидировать эту борьбу „ортодоксіи“ съ „ревизіонизмомъ“ („бернштейніанство“). Это развитіе выкачало изъ соціалдемократіи самые опасные и живучіе элементы бернштейніанскаго оппортунизма, чтобы привить ихъ различнымъ фракціямъ буржуазной демократіи. Наши „соціалисты-революціонеры“ и наши „освобожденцы“ представляютъ въ настоящее время лучшую охрану соціалдемократіи отъ яда оппортунизма. Простой инстинктъ политическаго самосохраненія вынуждаетъ соціалдемократію охранять принципіальную чистоту своей идеологіи. И неудивительно, что въ дебаты о партійной программѣ только одинокіе голоса вносили отзвуки той недавней эпохи, когда оппортунизмъ заражалъ собою всю Партію „Ортодоксальная“ программа, программа революціонной соціалдемократіи, была громаднымъ большинствомъ голосовъ признана программой Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Не будемъ обольщаться этимъ успѣхомъ. Не забудемъ, что не послѣднюю роль въ немъ играло самоотстраненіе соціалистическаго оппортунизма, который обрѣлъ возможность пріютиться въ нѣдрахъ буржуазной демократіи, вынужденной объективными условіями придавать „соціалистическій“ характеръ своей программѣ. Благодаря этой причинѣ, побѣда „ортодоксіи“ далась намъ слишкомъ легко, и мы поступили бы опрометчиво, если бы почили на лаврахъ послѣ этой побѣды. Придутъ времена—и они уже не за горами,—когда въ атмосферѣ, освѣженной политическимъ преобразованіемъ, начнется процессъ перераспредѣленія политическихъ элементовъ, когда рабочему движенію придется развиваться подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ противорѣчій капиталистическаго строя, не осложненнымъ специфической политической обстановкой абсолютизма; когда этого, особенно успѣшно

---

[1]) Надо замѣтить, что главная часть этихъ дебатовъ происходила въ засѣданіяхъ комиссіи, бывшихъ гласными. Протоколы съѣзда не заключаютъ въ себѣ этихъ поучительныхъ дебатовъ.

революціонизирующаго сознаніе, фактора не будетъ налицо. Тогда нашъ пролетаріатъ столкнется лицомъ къ лицу со всѣми тѣми воздѣйствіями, которыя въ странахъ Зап. Европы противоборствуютъ прогрессирующему революціонизированію его мышленія.

Только тогда соціалистическій оппортунизмъ сможетъ стать реальной и опасной силой. И мы теперь же должны подготовляться къ этой возможности, мы теперь же должны ковать оружіе для борьбы съ оппортунизмомъ. А такимъ оружіемъ можетъ быть только высокій уровень классоваго самосознанія пролетаріата и пріобрѣтеннаго имъ политическаго воспитанія. Развитію классоваго самосознанія и политическаго воспитанія россійскаго пролетаріата въ цѣломъ противодѣйствуютъ убожество нашей политической жизни и давленіе нашего государственнаго строя. Тѣмъ съ большей энергіей должны мы работать надъ развитіемъ этихъ качествъ въ тѣхъ слояхъ пролетаріата, которые силой революціоннаго энтузіазма освободили свою волю и мысль отъ неограниченнаго господства этихъ внѣшнихъ условій. Тѣмъ съ большей энергіей должны мы теперь же, не покладая рукъ, работать надъ вовлеченіемъ все большаго и большаго числа пролетаріевъ въ организуемую нами рабочую партію. Всесторонняя и планомѣрная политическая агитація и непрестанная пропаганда теоретическихъ основъ нашей программы—этими средствами мы должны обезпечить рабочему классу выработку той соціалистической революціонной традиціи, которая послужитъ въ дальнѣйшемъ прочнымъ оплотомъ противъ оппортунистической деморализаціи его классоваго движенія.

Дѣло политическаго воспитанія пролетарскаго авангарда требуетъ для своего успѣха не только прочнаго программнаго базиса, но и соотвѣтствующихъ формъ его политической организаціи. Вопросъ о созданіи такой партійной организаціи, которая наилучшимъ образомъ обезпечила бы развитіе боевой готовности россійскаго пролетаріата и успѣхъ дѣла его политическаго воспитанія, занималъ партійные круги въ теченіе всего послѣдняго времени. По всей линіи нашего движенія за послѣдніе годы происходила сильная организаціонная ломка,—то движеніе приспособлялось къ новымъ партійнымъ задачамъ. Отъ партійнаго съѣзда мы всѣ ожидали, что онъ завершитъ эту работу, что онъ снесетъ всѣ обломки, загромождающіе путь, что онъ смѣло и рѣшительно заложитъ основы слитной партійной организаціи.

Съѣздъ серьезно задался цѣлью „ликвидировать періодъ кустарничества“. Къ сожалѣнію, надо признаться, что въ предыдущій періодъ ясно и полно въ партійной печати была рѣшена только отрицательная сторона этой задачи. Что должно быть уничтожено, чего не слѣдуетъ дѣлать изъ того, что дѣлалось до сихъ поръ—это понимали всѣ. Гораздо болѣе неопредѣленны и туманны были взгляды на то, что же дѣлать? Нужна централизованная партійная организація, не нужно „кустарничество“—таковъ былъ итогъ предшествовавшаго періода. Но какъ построить эту централизованную организацію, какая система учрежденій и отношеній между ними явится наиболѣе подходящей формой для развитія такой организаціи—объ этомъ думали мало и еще меньше говорили. Можно пойти дальше и съ увѣренностью утверждать, что для большинства товарищей организаціонный централизмъ былъ прежде всего опредѣленнымъ настроеніемъ, а не твердо и ясно продуманной идеей. И вотъ почему уставъ нашей Партіи, принятый на съѣздѣ, представляетъ произведеніе гораздо менѣе совершенное, чѣмъ принятая имъ программа. Вотъ почему и дебаты объ уставѣ, на нашъ взглядъ, были менѣе плодотворны, чѣмъ могли бы быть. Отдѣльные пункты устава дебатировались съ большой обстоятельностью и еще большей страстностью, нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ сконцентрировали на себѣ особенное вниманіе делегатовъ и вызвали среди единаго „искровскаго“ большинства раздѣленіе, въ которомъ сказалось глубоко-различное отношеніе къ существеннымъ вопросамъ партійной организаціи. Но ни глубина этого разногласія, ни принципіальныя основанія его не выяснились сразу громадному большинству съѣзда и только этимъ можно объяснить какъ то обстоятельство, что дебаты не выходили изъ одной узко-опредѣленной плоскости, такъ и то, что въ вопросахъ, выходящихъ за предѣлы этой плоскости, обѣ споривши стороны казались—и другимъ, и самимъ себѣ—вполнѣ солидарными.

Благодаря этому, споръ при обсужденіи устава Партіи сконцентрировался почти исключительно на вопросѣ объ организаціи центральныхъ учрежденій Партіи. Взаимныя отношенія между литературнымъ органомъ Партіи, которому при русскихъ условіяхъ приходится играть такую важную организаціонную роль—съ одной стороны, и Центральнымъ Комитетомъ—съ другой, почти исключительно заполнили вниманіе большинства делегатовъ. Обѣ намѣтившіяся стороны стремились создать вполнѣ

централизованную партійную организацію и обезпечить устойчивость и выдержанность политики партійнаго центра. Но въ то время, какъ для однихъ лучшимъ средствомъ къ этой цѣли представлялось закрѣпленіе помощью „строгихъ“ пунктовъ устава опредѣленнаго („искровскаго“) вліянія на Ц. К. и—черезъ посредство его—на всѣ партійныя организаціи, другіе, отрицая „творческое значеніе въ этомъ смыслѣ за пунктами устава и тѣми или иными, не соотвѣтствующими реальному отношенію силъ въ Партіи „строгими“ рѣшеніями съѣзда, выдвигали задачу постепеннаго преобразованія нашей, по существу еще очень неорганизованной и раздробленной, Партіи путемъ организаціоннаго воспитанія ея членовъ и централизаціи—на дѣлѣ, а не на бумагѣ лишь—главнѣйшихъ функцій партійной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія меньшинство съѣзда отвергло всѣ тѣ требованія, которыя грозили, на его взгядъ, развить чисто внѣшній, формально бюрократическій централизмъ въ партійной организаціи со всѣми его послѣдствіями—сектантской кружковщиной, постоянными расколами и фактическимъ безсиліемъ партійныхъ центровъ при фактическомъ торжествѣ исконной нашей партійной анархіи.

Къ сожалѣнію, держась, такъ сказать, оборонительной позиціи и не придавая достаточнаго значенія „буквѣ закона“, меньшинство, повторяемъ, ограничилось отстаиваніемъ своихъ тенденцій, главнымъ образомъ, въ сферѣ вопроса о взаимоотношеніи партійныхъ центровъ. Ему казалось, что правильная организація партійныхъ центровъ рѣшаетъ окончательно вопросъ о томъ направленіи, которое будетъ придано работѣ по централизаціи партійнаго дѣла. Этимъ надо объяснить какъ рядъ явныхъ пробѣловъ въ принятомъ на съѣздѣ уставѣ—пробѣловъ въ дѣлѣ точнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній между центральнымъ комитетомъ и мѣстными организаціями—такъ и несомнѣнно незаслуженное невниманіе „искровцевъ“ обоихъ оттѣнковъ къ важнымъ, и, по существу, достойнымъ вниманія указаніямъ нѣкоторыхъ делегатовъ изъ немногочисленнаго лагеря не—„искровцевъ“. Мы дѣлаемъ эту оговорку для того, чтобы обратить вниманіе читателя имѣющихъ выйти протоколовъ съѣзда на тѣ стороны организаціоннаго вопроса, которыя выдвигались именно этими делегатами.

Уставъ Партіи, принятый съѣздомъ, носитъ довольно мозаичный характеръ, поскольку въ отдѣльныхъ его пунктахъ нашли себѣ выраженіе поочередно тенденціи какъ большинства, такъ и

меньшинства „искровцевъ“. Этотъ мозаичный его характеръ, въ связи съ пробѣлами, выше отмѣченными, заставляетъ опасаться, что при примѣненіи устава къ партійной работѣ могутъ легко возникнуть конфликты между отдѣльными учрежденіями Партіи. Чѣмъ меньше бюрократическаго формализма будутъ вкладывать товарищи въ пониманіе задачъ централизаціи партійной работы, тѣмъ легче такіе конфликты будутъ улаживаться и тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ самое дѣло централизаціи. А надъ этимъ дѣломъ надо еще очень много и очень дружно работать, и работать не однимъ только центральнымъ учрежденіямъ, но и всѣмъ членамъ Партіи. Централизовать партійную работу значитъ не просто отнять такія-то „права“ у мѣстныхъ комитетовъ и передать ихъ— центральному: это значитъ, прежде всего, внести въ выполненіе каждой мѣстной работы духъ партійный, вмѣсто групповой или приходской политики; это значитъ, съ другой стороны, связать мѣстныя учрежденія Партіи съ ея центральными органами такой крѣпкой и покоющейся на взаимномъ довѣріи связью, при наличности которой не можетъ и возникать вопроса объ антагонизмѣ мѣстныхъ и общепартійныхъ „интересовъ“. Это значитъ, слѣдовательно, что центральныя учрежденія Партіи должны прежде всего стремиться стать фактическими центрами, т. е. собрать вокругъ себя всѣ наиболѣе зрѣлыя революціонныя силы и обслуживать нужды раскинутыхъ по всей Россіи мѣстныхъ организацій такъ, чтобы послѣднія пріучились видѣть въ партійномъ центрѣ учрежденіе, дѣйствительно, а не по уставу лишь, „объединяющее и направляющее всю дѣятельность Партіи“.

Это значитъ, далѣе, что центры Партіи должны находиться въ самомъ живомъ общеніи со всѣми работниками соціалдемократіи и что, чѣмъ болѣе мы вынуждены русскими условіями вытравить изъ нашихъ организаціонныхъ отношеній формально—„демократическое“ начало, тѣмъ болѣе мы должны избѣгать замѣны его столь же формально-„бюрократическимъ“ принципомъ, тѣмъ болѣе важно оно для насъ, чтобы центры Партіи находились въ своей дѣятельности подъ постояннымъ давленіемъ партійнаго „общественнаго мнѣнія“, общественнаго мнѣнія сознательныхъ революціонеровъ, которые тѣмъ охотнѣе будутъ подчиняться суровымъ подчасъ требованіямъ дисциплины, чѣмъ болѣе партійный, чѣмъ менѣе кружковой характеръ будетъ носить политика центровъ, чѣмъ болѣе серьезно будетъ эта политика считаться съ этимъ общественнымъ мнѣніемъ. И, наконецъ,

тѣмъ скорѣе наша Партія получитъ свою централизованную „боевую организацію“, чѣмъ больше каждый членъ ея научится сознавать свой партійный долгъ не въ смыслѣ одного лишь „безпрекословнаго“ выполненія въ своей узкой сферѣ того, что „велятъ“, а въ смыслѣ постояннаго, сознательнаго и активнаго участія во всѣхъ проявленіяхъ организаціонной жизни своей Партіи. Намъ нужна, крайне нужна строго-централизованная Партійная организація, но эту организацію нельзя составить изъ тѣсныхъ центральныхъ группъ, опирающихся на массу детализировавшихся по спеціальностямъ и вольно или невольно отказавшихся отъ всякаго „разсужденія“ работниковъ революціи—все тѣхъ же „кустарей“ прошлаго періода, только пожертвовавшихъ своими былыми анархическими замашками. Нѣтъ! Наша централизованная организація будетъ организаціей революціонеровъ, умѣющихъ подчиниться и идти въ ногу, но никогда не забывающихъ о томъ, что они члены Партіи и что каждый изъ нихъ долженъ принимать самое активное и сознательное участіе въ процессѣ выработки высшихъ формъ движенія.

На пути къ созданію централистической организаціи передъ съѣздомъ стоялъ вопросъ о „Бундѣ“ и его мѣстѣ въ Партіи. Въ этомъ вопросѣ намъ тоже пришлось только подвести итогъ тому, что было сдѣлано въ предыдущій періодъ. Въ то время, какъ между остальными частями Партіи приходская обособленность все болѣе ослаблялась, и къ моменту съѣзда идея единства всецѣло господствовала надъ умами, отношенія между Бундомъ и всей остальной Партіей становились все болѣе формальными, и въ процессѣ духовнаго объединенія Партіи Бундъ не принималъ никакого участія. При такихъ условіяхъ намъ приходилось согласиться съ Бундомъ объ его мѣстѣ въ Партіи. При господствующемъ въ „Бундѣ“ тяготѣніи къ федерализму, сохраненіе Бунда въ Партіи могло быть куплено только цѣною освященія организаціоннаго разброда въ значительной части сферы нашей дѣятельности. Съѣздъ отвергъ такъ называемый „уставъ-максимумъ“, предложенный Бундомъ и заключавшій въ себѣ полное проведеніе принципа національнаго федерализма. Делегаты „Бунда“ выдвинули тогда свой „уставъ-минимумъ“, который, за вычетомъ параграфа о спеціальномъ представительствѣ еврейскихъ пролетарскихъ интересовъ въ рядахъ Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи, могъ уже служить базисомъ для соглашенія между двумя частями Партіи. Въ отвѣтъ на отклоненіе съѣздомъ указаннаго только что параграфа

(„Бундъ есть единственный представитель еврейскаго пролетаріата и т. д.“) делегаты Бунда заявили о выходѣ ихъ организаціи изъ Партіи. Печальная политическая ошибка, отъ которой всего болѣе пострадаетъ еврейскій пролетаріатъ.

Неопытностью русскихъ соціалдемократовъ въ новомъ для нихъ дѣлѣ приходится объяснить тотъ фактъ, что, затративъ очень много времени на дебаты по главнымъ пунктамъ порядка дня, съѣздъ оказался вынужденнымъ сократить остальную часть своихъ дебатовъ и оставить безъ разсмотрѣнія цѣлый рядъ весьма существенныхъ вопросовъ тактики и организаціи, ограничившись по другимъ, столь же важнымъ вопросамъ, принятіемъ резолюцій, безъ обстоятельнаго ихъ обсужденія. Возможность такого принятія ихъ сама по себѣ уже указываетъ на то, что серьезныя разногласія, проявившіяся на съѣздѣ, не выходили за предѣлы вопросовъ организаціонныхъ.

Какія же указанія дастъ намъ, въ концѣ концовъ, второй съѣздъ о состояніи нашей Партіи? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить такъ: прежде всего съѣздъ указалъ на громадный ростъ соціалдемократическаго движенія за послѣдніе годы. Далѣе, съѣздъ показалъ, что въ рядахъ Партіи господствуетъ единство по основнымъ вопросамъ партійной программы и тактики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далъ возможность констатировать, что господствовавшія прежде организаціонныя тенденціи пришли къ полному банкротству и что масса соціалдемократовъ стремится къ организаціи движенія на началахъ централизма. Но въ то время оказалось, что въ Партіи нѣтъ еще единства ни по вопросу о методахъ проведенія въ жизнь новыхъ организаціонныхъ принциповъ, ни по вопросу о предѣлахъ и характерѣ возможной и полезной для соціалдемократическаго движенія централизаціи. Неожиданно вспыхнувшія по этимъ вопросамъ разногласія ослабили въ значительной степени тотъ характеръ единодушія и единомыслія, которымъ отличалась первая половина работъ съѣзда. Эти разногласія внесли глубокое раздѣленіе въ среду дотолѣ едино, мыслящихъ группъ, и слѣды этого раздѣленія, къ сожалѣнію, долго будутъ напоминать о себѣ. Но, создавъ рамки оформленной общепартійной организаціи, съѣздъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ возможнымъ такое развитіе Партіи, при которомъ эти и подобныя раздѣленія могутъ не затрагивать организаціоннаго единства. Для этого нужно только серьезное и вдумчивое отношеніе къ организаціоннымъ вопросамъ, раздѣлившимъ съѣздъ. Мы надѣемся, что

освѣщеніе спорныхъ вопросовъ въ литературѣ будетъ содѣйствовать возстановленію единомыслія и по этимъ вопросамъ.

Второй съѣздъ подвелъ—худо ли, хорошо ли,—итоги пятилѣтнему процессу выработки россійской соціалдемократіи въ политическую партію. Худо ли, хорошо ли, съѣздомъ заложены основанія для выработки той централизованной партійной организаціи, безъ которой Партія не можетъ выполнить поставленныхъ ею широкихъ задачъ. И, исходя отъ результатовъ второго съѣзда, Партія должна въ своей организаціонной работѣ додѣлать то, что не было закончено, передѣлать то, что сдѣлано неладно. Знакомство съ протоколами партійнаго съѣзда должно дать всѣмъ членамъ Партіи богатый матеріалъ для выясненія всѣхъ спорныхъ вопросовъ партійной жизни.

Л. Мартовъ.

Объединеніе россійской соціалдемократіи и ея задачи.

Итоги ликвидаціи кустарничества.

I.

(15 декабря, 1903., № 55).

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ Марксъ, въ своей брошюрѣ „Восемнадцатое Брюмера Луи-Бонапарта“, характеризовалъ ходъ освободительнаго движенія рабочаго класса, въ противоположность „буржуазнымъ революціямъ“, слѣдующимъ образомъ: „Революціи пролетаріата, какова революція девятнадцатаго вѣка, постоянно критикуютъ сами себя, то и дѣло останавливаются на ходу, возвращаются къ, повидимому, уже сдѣланному, чтобы еще разъ начать сначала, жестоко, основательно осмѣиваютъ половинчатость, слабыя стороны и негодность своихъ первыхъ попытокъ“ [1])...

Россійская соціалдемократія, партія пролетарская по своей

*) Русскій переводъ Б. Кричевскаго, стр 11.

теоретической основѣ и программѣ, но далеко еще не таковая по соціальному составу и характеру своей организаціи, также почти не перестаетъ подвергать себя строгой критикѣ, „то и дѣло останавливается на ходу“ и „жестоко, основательно осмѣиваетъ слабыя стороны“ своей дѣятельности. Но она поступаетъ такъ не только стихійно, непроизвольно, она обязана сознательно, систематически слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ и подвергать строжайшей критикѣ всякую обнаруживающуюся односторонность или ошибку въ своей тактикѣ. Обязана потому, что она только стремится стать политической организаціей рабочихъ массъ, въ дѣйствительности же, по составу своихъ руководящихъ элементовъ, она, пока, является еще преимущественно организаціей лишь принципіальныхъ сторонниковъ пролетаріата среди революціонной интеллигенціи. Кромѣ того, въ Россіи дѣло идетъ еще не о „революціи пролетаріата“ въ смыслѣ завоеванія имъ диктатуры, а только объ освобожденіи всего населенія имперіи отъ политическаго рабства, т. е. о революціи буржуазной. И само тяготѣніе радикальной интеллигенціи къ соціализму и къ пролетаріату объективно, исторически, въ конечномъ счетѣ, вызывается и обусловливается не классовой борьбой послѣдняго, а обще-демократической потребностью послѣдняго всѣхъ націй и классовъ избавиться отъ гнета пережитковъ крѣпостнической эпохи. Вліяніе пролетарскаго или соціалдемократическаго элемента въ современномъ революціонномъ движеніи Россіи можетъ выразиться лишь въ томъ, что подготовительный процессъ буржуазной революціи явится въ то же время процессомъ политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ въ партію революціоннаго соціализма. Задача и долгъ россійской соціалдемократіи заключаются именно въ томъ, чтобы обратить, такимъ путемъ, предстоящую ликвидацію сословнаго и самодержавно-бюрократическаго строя въ непосредственный прологъ классовой борьбы пролетаріата уже съ непосредственной цѣлью политической экспропріаціи буржуазіи, для совершенія революціи соціалистической. Но въ то время, какъ элементы, благопріятные для осуществленія этой, спеціально соціалдемократической, задачи должны быть еще отысканы и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ изучены, въ то время, какъ умѣнье или искусство пользоваться ими можетъ быть пріобрѣтено только путемъ значительныхъ усилій мысли и воли, историческая стихія нѣкоторыми своими сторонами сама толкаетъ наше движеніе въ сторону буржуазнаго революціонизма—наперекоръ нашимъ желаніямъ и

нашему сознанію. Этотъ двусторонній, исторически противорѣчивый характеръ положенія и задачъ нашей партіи прямо налагаетъ на нее обязанность „то и дѣло останавливаться на ходу“, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ „половинчатости, слабыхъ сторонахъ и негодности своихъ первыхъ попытокъ“. Въ современныхъ условіяхъ развитія нашей партіи каждая ея ошибка, каждый ложный или односторонній шагъ можетъ повести къ тому, что вмѣсто того, чтобы подготовительный процессъ нашей буржуазной революціи послужилъ орудіемъ и рычагомъ для „революціи пролетаріата“, наоборотъ наше рабочее движеніе само низведено будетъ до роли простого орудія въ этомъ процессѣ. Для предупрежденія такого непріятнаго сюрприза со стороны слѣпыхъ силъ исторіи, у соціалдемократіи одно только средство и есть: постоянная самокритика, подъ угломъ зрѣнія своихъ принциповъ и классовыхъ интересовъ пролетаріата.

Такой процедурѣ мы впервые подвергали себя наканунѣ перехода на путь массовой агитаціи на почвѣ непосредственныхъ столкновеній рабочихъ съ ихъ хозяевами. Въ теченіе этого періода движеніе наше пріобрѣло глубокіе корни въ пролетаріатѣ, революціонизировало настроеніе и даже сознаніе значительныхъ круговъ его и подняло ихъ революціонную активность. Политическій итогъ періода экономической агитаціи, ограниченной узкими рамками профессіональныхъ или групповыхъ интересовъ, выступилъ наружу въ революціонныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ у насъ первый годъ новаго вѣка. Рабочіе тысячами рвались въ бой съ опричниками, но соціалдемократія оказалась совершенно неподготовленной для руководства массами въ такіе бурные моменты. Рабочіе пошли бы за кѣмъ угодно. Но другой революціонной партіи, кромѣ—соціалдемократической, совсѣмъ не оказывалось налицо. Это обстоятельство и спасло ее. Если бы въ этотъ періодъ на аренѣ политической борьбы оказалась сколько-нибудь организованная буржуазно-революціонная фракція, способная стать во главѣ революціонно настроенныхъ рабочихъ массъ, наша партія сразу оттѣснена была бы на задній планъ и, быть можетъ, надолго лишилась бы всякаго серьезнаго общественнаго значенія.

Крупные, факты наглядно и ярко оправдали, такимъ образомъ, критику теоріи и практики такъ называемаго экономизма, начавшуюся еще въ изданіяхъ группы „Освобожденія Труда“ и продолжавшуюся „Искрой“. Несоотвѣтствіе между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ Партіи съ одной стороны, и запросами,

предъявленными къ ней стихійно разрѣшившимися событіями, съ другой—было такъ велико, такъ сильно бросалось въ глаза, что и самые недальновидные изъ практиковъ должны были увидѣть наиболѣе явные недочеты истекавшаго періода и понять необходимость програмнаго и организаціоннаго объединенія соціалдемократіи.

Критика и даже „нетоварищескіе“ полемическіе пріемы революціонныхъ соціалдемократовъ или „ортодоксальныхъ“ марксистовъ нашли для себя воспріимчивую почву,—и скоро лозунгъ „долой организаціонную анархію и да здравствуетъ сплоченіе всѣхъ силъ соціалдемократіи въ одну строго централизованную организацію!“ сталъ общимъ кличемъ большинства членовъ нашей партіи.

Въ настоящій моментъ этотъ лозунгъ сталъ реальнымъ фактомъ. Недавно состоявшійся второй съѣздъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи осуществилъ объединительное стремленіе огромнаго большинства нашихъ товарищей. Теперь, казалось бы, можно намъ, если и не успокоиться на лаврахъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть отдохнуть отъ самокритики и всецѣло предаться „положительной работѣ“. Къ сожалѣнію, дѣло не совсѣмъ такъ обстоитъ. Съѣздъ долженъ былъ радикально ликвидировать пассивы, оставленные предшествующими періодами. Для этого ему необходимо было бы ясно опредѣлить тѣ задачи, которыя объединенная партія должна будетъ преслѣдовать, и намѣтить тѣ пути, которыми она должна ихъ осуществлять. Дѣло съѣзда было также выработать директиву или указанія центральнымъ учрежденіямъ насчетъ предварительныхъ работъ, необходимыхъ для подготовленія Партіи къ расширенію круга ея задачъ и арены дѣятельности. Но ничего подобнаго сдѣлано не было. Съѣздъ удовлетворился обсужденіемъ и утвержденіемъ программы, выработкой устава и выборомъ членовъ въ Ц. О. и Ц. К. Затѣмъ, большинство делегатовъ разъѣхалось, въ наивной увѣренности, что они радикально покончили съ ликвидаціей періода младенчества нашего движенія, не подозрѣвая даже, что теперь-то именно, послѣ формальнаго объединенія Партіи, передъ нами во всей своей исторической конкретности и сложности выдвигается на очередь вопросъ: „Что дѣлать“? Делегаты проявили чрезвычайно много страстности, когда рѣчь шла о деталяхъ устава, о составѣ, іерархіи и взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ партійныхъ учрежденій, но большинство изъ нихъ, повидимому, и не догадывалось,

что жизнеспособность новой организаціи будетъ прямо пропорціональна объему и значенію того содержанія, которое она внесетъ въ движеніе. Торжество централизма въ нашемъ организаціонномъ механизмѣ кажется имъ, очевидно, само по себѣ равносильнымъ устраненію всѣхъ изъяновъ и недочетовъ въ россійской соціалдемократіи; въ централизмѣ они видятъ нѣчто самодовлѣющее, родъ всеспасающаго, чудеса творящаго талисмана.

Это идолопоклонство передъ формальнымъ, механическимъ централизмомъ приходится также поставить на счетъ недавнему прошлому нашей Партіи, оно есть также наслѣдіе, хотя и косвенное, этого прошлаго.

II.

Въ періодъ „экономизма“ борьба рабочихъ съ предпринимателями признавалась классической формой пролетарской борьбы или „чисто“ рабочимъ движеніемъ. Агитація политическая представлялась тогда большинству товарищей, какъ антиподъ этого движенія, и откладывалась ими до того времени, когда профессіональная борьба поставитъ рабочія массы лицомъ къ лицу съ самодержавіемъ, какъ съ ихъ непримиримымъ врагомъ. Содержаніе предстоявшей пролетарской политической борьбы въ самодержавной Россіи исчерпывалось для нихъ задачей борьбы съ абсолютизмомъ, точно такъ же какъ содержаніе экономической борьбы ограничено было фактами и вопросами, не выходящими изъ конкретныхъ рамокъ повседневнаго антагонизма отдѣльныхъ группъ и профессій съ непосредственными эксплуататорами. Но исторія не ждала того момента, когда пролетаріатъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ своего антагонизма съ „хозяевами“, самъ вступитъ въ борьбу съ самодержавіемъ; наоборотъ, она совершенно неожиданно толкнула въ эту борьбу и пролетаріатъ, и самихъ соціалдемократовъ, и при томъ воспользовалась для этого не рабочимъ движеніемъ, а студенческимъ. Прямой импульсъ для первыхъ взрывовъ массового политическаго недовольства данъ былъ студенческими волненіями, и студенчество же явилось застрѣльщикомъ и знаменоносцемъ въ нихъ. Соціалдемократы оказались, такимъ образомъ, стихійно вовлеченными въ политическую борьбу, а не инидіаторами ея. Это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на послѣдующій періодъ нашего движенія.

Благодаря ему, мы оказались вынужденными выступить политическими руководителями рабочихъ массъ при полной дезорганизаціи нашихъ силъ и идейномъ разбродѣ, имѣя въ запасѣ одну только положительную, но абстрактную формулу: „соціалдемократія должна руководить пролетаріатомъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ“. Въ примѣненіи на практикѣ формула эта означала: „необходимо вовлекать все болѣе и болѣе широкія массы“ въ эту борьбу. Но „вовлекать“ ихъ въ политическую борьбу можно различнымъ образомъ. Соціалдемократическая практика должна, очевидно, и въ данномъ случаѣ принципіально отличаться отъ практики буржуазныхъ партій. Но эта сторона вопроса о политическомъ руководствѣ пролетаріатомъ какъ бы и не существовала для массы нашихъ практиковъ. Съ перемѣщеніемъ центра нашей партійной дѣятельности въ сферу агитаціи на почвѣ общедемократическаго антагонизма пролетаріата съ самодержавіемъ, всякое революціонизированіе рабочихъ массъ, съ цѣлью „вовлеченія ихъ въ борьбу“ съ нимъ, пріобрѣло въ кругу многихъ соціалдемократовъ такое же значеніе универсальнаго средства классоваго воспитанія этихъ массъ, какимъ прежде для нихъ была агитація узко-экономическая.

Между нашими политическими задачами въ современной Россіи и общедемократической злободневной задачей борьбы съ абсолютистскимъ режимомъ—лишь бы во главѣ массъ въ этой борьбѣ шла соціалдемократія — поставленъ былъ знакъ равенства. Но если послѣднимъ словомъ соціалдемократическаго трэдъюніонизма была пропаганда политической опеки либеральной интеллигенціи надъ пролетаріатомъ, то послѣднимъ словомъ увлеченія „политикой“ въ указанномъ одностороннемъ смыслѣ была бы отдача рабочихъ массъ подъ команду революціонныхъ элементовъ буржуазіи, хотя бы по обстоятельствамъ мѣста и времени элементамъ этимъ и приходилось бы осуществлять свою миссію подъ флагомъ соціалдемократіи.

Эта „конечная“ тенденція увлеченія „политикой“ въ томъ упрощенномъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали „экономисты“, довольно отчетливо проявилась наружу въ 1901 г., когда подъ впечатлѣніемъ бурныхъ событій этого года, отовсюду въ нашемъ лагерѣ и въ лагерѣ нашихъ демократическихъ противниковъ началъ раздаваться кличъ: „долой всякія разногласія и междоусобія среди революціонеровъ изъ-за теорій, доктринъ, разныхъ догмъ, и да здравствуетъ объединеніе всѣхъ революціонныхъ силъ для

борьбы за свободу". Соціалдемократъ Нестяжатель наивно спрашивалъ на страницахъ „Вѣстника Русск. Рев.": „что же насъ разъединяетъ?„ „Насъ"—т. е. соціалдемократовъ разныхъ оттѣнковъ между собою, и ихъ всѣхъ въ совокупности, съ одной стороны, и соціалистовъ-революціонеровъ, съ другой. Явное сочувствіе террору, увлеченіе которымъ грозило ослабленіемъ агитаціонной и организаціонной дѣятельности въ рабочихъ массахъ, призывы къ коренному измѣненію „въ 24 часа" нашей обычной тактики, разсчитанной на медленный эволюціонный ростъ сознательности рабочей массы, на систематическое воспитаніе ея, и къ такому же скоропалительному созданію боевой организаціи, „способной повести массу на немедленную атаку противъ самодержавія", атаку, осуществимую—при тогдашнихъ условіяхъ—только путемъ быстраго подбора и сплоченія чисто боевыхъ, т. е. военныхъ силъ революціи,—все равно, къ какой бы партіи онѣ ни принадлежали, на почвѣ какихъ бы принциповъ онѣ ни стояли—въ особую, т. е. сверхпартійную организацію—наконецъ, въ логической или психологической связи со всѣмъ этимъ ослабленіе принципіальной противоположности между воззрѣніями соціалдемократіи и другихъ революціонныхъ элементовъ—таковы симптомы и проявленія того крупнаго поворота въ настроеніи товарищей, которое вызвано было стихійнымъ вовлеченіемъ нашей партіи на арену непосредственной борьбы съ абсолютизмомъ. Этотъ поворотъ грозилъ намъ ни болѣе, ни менѣе, какъ принципіальнымъ и политическимъ обезличиваніемъ соціалдемократическаго и всего рабочаго движенія въ Россіи.

Революціонная соціалдемократія рѣзко выступила противъ этихъ тенденцій, опираясь при этомъ на такіе реальные факты, какъ громадный ростъ массоваго рабочаго движенія и тѣсная связь—практическая и идеальная,—создавшаяся между ними и нашей партіей въ періодъ экономизма. Немало благопріятствовали ей и несостоятельность такъ называемыхъ „соціалистовъ-революціонеровъ" и пропасть, раздѣлявшая ихъ отъ тѣхъ принциповъ пролетарскаго соціализма, которые, худо ли, хорошо ли, вошли въ предыдущій періодъ въ плоть и кровь большинства практиковъ-соціалдемократовъ. Наконецъ,—и это очень существенное обстоятельство—провозвѣстникомъ крутого поворота къ „политикѣ", въ духѣ буржуазнаго революціонизма, явились представители того же самаго лагеря, который еще наканунѣ новаго революціоннаго подъема стоялъ на почвѣ крайней постепеновщины.

Событія, которыми ознаменовался новый революціонный періодъ, наглядно подтвердили основательность опасеній, высказывавшихся въ изданіяхъ революціонныхъ марксистовъ по поводу тяготѣнія нашихъ практиковъ къ трэдъ-юніонской тактикѣ уже въ то время, когда она еще не была возведена въ систему, извѣстную подъ названіемъ „экономизма“. Какъ разъ наканунѣ этого періода революціонная соціалдемократія выступила съ самостоятельнымъ органомъ, съ газетой „Искра“, въ которой она объявила войну на жизнь и на смерть экономизму, идейнымъ шатаніямъ и организаціонной анархіи, какъ элементамъ, несовмѣстимымъ съ историческими задачами нашего движенія. А стремительный поворотъ оппортюнистическихъ элементовъ въ сторону „политики“, съ готовностью пожертвовать настроенію минуты основными интересами пролетарскаго движенія, явился прямымъ оправданіемъ для этой войны, такъ какъ сами событія, вызвавшія его, наглядно иллюстрировали справедливость того, что уже прежде говорила „Искра“ о полномъ несоотвѣтствіи между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ партіи, съ одной стороны, и революціонностью рабочихъ массъ, съ другой. Борьба не могла не окончиться побѣдой революціонной соціалдемократіи надъ ея сознательными и полусознательными противниками въ партіи. Бернштейніанство, оппортюнизмъ, экономизмъ и организаціонная анархія хронологически и фактически такъ ассоціировались другъ съ другомъ, что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не могъ быть компрометтированъ, не компрометтируя остальныхъ, и банкротство одного изъ нихъ не могло не сопровождаться или не совпадать съ банкротствомъ другихъ. И въ то время, какъ слова „оппортюнизмъ“, „ревизіонизмъ“ и „экономизмъ“ стали синонимами всѣхъ недочетовъ нашего движенія и названіями для первоисточника всѣхъ его бѣдъ, съ именемъ революціонной соціалдемократіи все болѣе и болѣе неразрывно сливалось представленіе объ якорѣ спасенія, чуть не о мессіи, явившемся для того, чтобы избавить движеніе отъ всѣхъ его грѣховъ и вывести его на широкую арену открытой борьбы съ абсолютизмомъ. Полная побѣда революціонной соціалдемократіи надъ другими теченіями въ нашей партіи оффиціально, такъ сказать, закрѣплена и провозглашена на ея второмъ съѣздѣ; но если мы теперь спросимъ себя, какими же собственно положительными результатами принципіальнаго соціалистическаго характера побѣда эта сопровождалась, то должны будемъ отвѣтить, что они ограничиваются почти исключительно областью

стремленій, симпатій и идей, между тѣмъ какъ практика нашего движенія подвинулась впередъ только въ общереволюціонномъ, а а не спеціально соціалдемократическомъ смыслѣ. Подъ вліяніемъ литературной пропаганды „Зари“ и „Искры“ въ партіи восторжествовало убѣжденіе, что „только принципы революціоннаго марксизма опредѣляютъ насущныя задачи россійскаго пролетаріата въ его классовой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ и русскимъ самодержавіемъ въ частности“ [1]). „Внести эти принципы въ сознаніе россійскаго рабочаго класса“—вотъ стремленіе, воодушевляющее массу товарищей. Но, въ дѣйствительности, въ практикѣ нашего движенія оно находитъ себѣ очень слабое выраженіе. Классовую борьбу „со всѣмъ буржуазнымъ строемъ“ эта практика почти что игнорируетъ и фактически исчерпывается одной только „борьбой съ самодержавіемъ“, связанной съ „пролетарскимъ ученіемъ“ лишь соціалдемократической фразеологіей, въ „идеалѣ“, вообще—субъективными стремленіями платоническаго свойства. Объективную же тенденцію нашей практики съ классической наивностью формулировалъ въ своемъ уставѣ, какъ субъективную цѣль, одинъ комитетъ слѣдующими словами: „Признавая, что при настоящихъ условіяхъ насильственный переворотъ въ Россіи можно провести, лишь опираясь на готовую къ повиновенію [2]) и къ открытому возстанію рабочую массу крупныхъ промышленныхъ центровъ, мы главнымъ центромъ нашей работы ставимъ организацію рабочаго класса“.

III.

Между теоретическими или идейными завоеваніями революціоннаго соціалдемократизма въ нашемъ движеніи и фактическимъ содержаніемъ и объективной тенденціей нашей практики оказывается, такимъ образомъ, рѣзкій контрастъ, чтобы не сказать прямо принципіальное противорѣчіе. Но тотъ же періодъ, въ теченіе котораго оно создано было, подготовилъ элементы и для его устраненія, то есть для выступленія партіи на путь политическаго воспитанія и объединенія пролетаріата на почвѣ не одной только борьбы съ самодержавіемъ, но и принципіальнаго антаго-

---

1) «Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ»,—письмо ссыльныхъ соц.-дем. въ «Искру» (№ 50).

2) Курсивъ мой.

низма рабочаго класса со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. Прежде всего, нужно отмѣтить прогрессивное усиленіе революціонной активности все болѣе и болѣе широкихъ массъ, ростъ и распространеніе въ нихъ политической сознательности, а, слѣдовательно, и способности къ политической самодѣятельности на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата. Въ то же время образовался довольно многочисленный штабъ распростившихся со своей легальностью и со своими профессіональными занятіями революціонеровъ-соціалдемократовъ, столь необходимый, при современныхъ русскихъ условіяхъ, для образованія политической партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рядахъ нашихъ практиковъ имѣется и контингентъ людей съ революціоннымъ опытомъ, съ иниціативой и съ организаціоннымъ смысломъ. Наконецъ, что особенно важно—это предрасположеніе массы товарищей къ марксизму, или, если можно такъ выразиться, ихъ психологическая подготовленность къ признанію и примѣненію на практикѣ истинно пролетарской политики въ борьбѣ съ абсолютизмомъ.

Но le mort saisit le viv, мертвые хватаютъ живыхъ, прошлое стоитъ поперекъ дороги и мѣшаетъ намъ двигаться впередъ. Воспоминаніе объ экономизмѣ, оппортунизмѣ и ихъ неизмѣнныхъ спутникахъ—кустарничествѣ, организаціонной анархіи и т. п. еще такъ живо въ умахъ, война съ ними такъ недавно еще была въ полномъ разгарѣ, что неудивительно, если въ кругу соціалдемократовъ наканунѣ съѣзда и во время его гораздо больше были заняты мыслью о томъ, какъ бы на вѣки вѣчные оградить наше движеніе отъ такихъ зловредныхъ элементовъ, нежели вопросомъ о приведеніи нашей практики въ гармонію съ принципами, во имя и подъ знаменемъ которыхъ „Искра“ и „Заря“ вели борьбу съ антимарксистскими тенденціями. Это настроеніе и диктуемая имъ логика очень ясно отразились въ цитированномъ уже письмѣ товарищей изъ дальней Сибири. Для широкой, систематической борьбы съ абсолютизмомъ необходима централизованная организація, но такая соціалдемократическая организація можетъ быть вызвана къ жизни только „на почвѣ строгаго принципіальнаго единства“, подъ этимъ лишь условіемъ она будетъ жизнеспособна. А потому, пишутъ упомянутые товарищи, „однимъ изъ самыхъ важныхъ—вѣрнѣе главнѣйшимъ—способомъ (курсивъ мой) для подготовленія „фактическаго возстановленіи Партіи“ мы и считаемъ неустанную, все болѣе и болѣе энергичную, борьбу съ оппортунистическими, кустарническими и „демократическими“ тен-

денціями, продолжающими жить среди нѣкоторой части дѣйствующихъ въ Россіи „соціалдемократовъ“. Большинство „искровцевъ“, явившихся на съѣздъ, и проникнуто было убѣжденіемъ, что главной ихъ задачей является созданіе организаціи для выполненія этой спеціальной миссіи — „вести неустанную, все болѣе и болѣе энергичную борьбу“ съ только что на голову разбитыми внутренними врагами. Передъ этой миссіей совершенно стушевывалась предстоящая положительная задача организаціи— углубить и расширить содержаніе дѣятельности Партіи въ духѣ революціоннаго марксизма.

„Принципъ централизаціи,—читаемъ мы въ томъ же письмѣ— строго проведенный при постройкѣ партійной организаціи, обезпечитъ за нею и силу, и крѣпость, и принципіальную устойчивость (курсивъ мой) и, безъ сомнѣнія, наилучшимъ образомъ отзовется на той будущей, громадной и сложной работѣ, которую предстоитъ выполнить съорганизовавшейся Р. С.-Д. Р. П“. Но перспектива „громадной и сложной“, т. е. положительной работы отодвигается въ туманную даль неопредѣленнаго будущаго, а теперь не до нея, потому что передъ Партіей стоитъ гораздо болѣе неотложная, военная задача усмиренія внутреннихъ враговъ и огражденія ея механическими средствами противъ вторженія въ нее „ненадежныхъ“ элементовъ. Разъ дѣло такъ стоитъ, то самое лучшее, конечно, отдать ее во власть возможно болѣе самодержавнаго центра и подъ строжайшій надзоръ его бдительныхъ агентовъ.

Такова психологическая подкладка того централистическаго фетишизма, который проявился на съѣздѣ и, повидимому, довольно сильно владѣетъ умами въ нашей Партіи.

Но что будетъ, если въ самый центръ проникнетъ зараза оппортунизма, экономизма и т. п. скверны. Нужно, стало быть, уже при „постройкѣ“ партійной организаціи принять мѣры предосторожности противъ такого неожиданнаго сюрприза. Для этого, при данномъ пониманіи дѣла, нѣтъ другого средства, кромѣ учрежденія какой-нибудь надежной опеки—надъ самимъ центромъ, т. е. организаціи другого, еще выше стоящаго центра, составъ котораго давалъ бы безусловныя гарантіи твердости и недоступности вліянію „ненадежныхъ“, а, тѣмъ болѣе, прямо оппортунистическихъ элементовъ. Условія для созданія такого сверхъцентра подготовлены были всѣмъ ходомъ и исходомъ борьбы революціонной соціалдемократіи противъ антимарксистскихъ тенден-

ціи въ соціалдемократическомъ, какъ и вообще въ революціонномъ движеніи въ Россіи. Походъ этотъ предпринятъ былъ по собственной иниціативѣ, на свой страхъ и рискъ, редакціей „Искры“ и „Зари“. Она же довела его до конца и при помощи своихъ „агентовъ“ сыграла большую роль въ подготовкѣ и организаціи съѣзда. Въ теченіе всей этой военной кампаніи „Искры“ названія „революціонный соціалдемократъ“ и „искровецъ“ стали у насъ синонимами, понятіями совершенно тождественными, такъ что тотъ, кто въ чемъ-нибудь расходился съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, высказываемымъ отъ имени редакціи названнаго органа, и самъ не всегда смѣлъ считать себя настоящимъ революціоннымъ соціалдемократомъ. Истинная революціонная соціалдемократія въ Россіи, это—редакція „Искры“. Значитъ, вопросъ о закрѣпленіи побѣдъ революціоннаго соціалдемократизма и объ огражденіи нашей Партіи на вѣчныя времена противъ оппортунистическаго или „экономическаго“ атавизма рѣшается самъ собою. Верховная власть надъ Партіей должна быть предоставлена въ руки редакціи „Искры“, а Центральный Комитетъ долженъ быть только коллективнымъ агентомъ этой власти, находиться подъ ея строгой опекой и бдительнымъ контролемъ.

Періодъ борьбы съ наслѣдіемъ эпохи экономизма подготовилъ намъ, такимъ образомъ, организаціонную утопію теократическаго характера: свѣтское общество отдается во власть маленькаго духовнаго органа, который, къ тому же, и по географическимъ, и по инымъ условіямъ, не можетъ даже находиться на территоріи управляемыхъ имъ подданныхъ. За недостаткомъ мѣста, а также въ виду логическихъ рамокъ настоящей статьи, я не могу останавливаться здѣсь на конкретныхъ попыткахъ осуществить эту утопію на практикѣ и на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя она при этомъ претерпѣла. Отмѣчу только, что дебютировала она на своемъ жизненномъ поприщѣ внесеніемъ взаимнаго недовѣрія и раскола въ ряды „искровцевъ“. Для людей съ политическимъ смысломъ этого дебюта вполнѣ достаточно, чтобы безповоротно осудить эту своеобразную систему управленія нашей Партіей.

Итакъ, торжество бюрократическаго централизма въ партійной организаціи—таковъ итогъ партійной борьбы революціонной соціалдемократіи съ „кустарничествомъ“. Но этотъ централизмъ по своей внутренней тенденціи—родной братъ кустарничеству. Послѣднее резюмировало собою періодъ сближенія соціалдемократіи съ рабочими массами на почвѣ ихъ экономическаго недовольства

и стихійныхъ его проявленій. Практика періода кустарничества революціонизировала рабочія массы, но не воспитывала и не объединяла ихъ для самостоятельной политической роли. Общественную тенденцію или „конечную цѣль“ этой практики формулировали авторы „Credo“—она подготовляла политическую опеку буржуазной демократіи надъ рабочими массами. Механическій централизмъ резюмируетъ періодъ „вовлеченія“ этихъ массъ въ борьбу съ абсолютизмомъ, массъ, начавшихъ уже стихійно проявлять накопившееся въ нихъ раздраженіе противъ полицейскаго произвола. Періодъ этотъ завершился (еще, впрочемъ, не окончательно завершился) созданіемъ почти принципіальнаго противорѣчія въ нашей Партіи—противорѣчія между ея идейнымъ, теоретическимъ знаменемъ и ея практикой, которая, хотя непосредственно будитъ политическую мысль рабочихъ массъ, все же, въ общемъ, мало развиваетъ въ нихъ пролетарское классовое сознаніе и еще меньше развиваетъ въ нихъ классовую политическую самодѣятельность. Словомъ, идейная оболочка—революціонно-соціалдемократическая, а реальное содержаніе, по существу, въ принципіальномъ смыслѣ, едва ли выходитъ за рамки буржуазнаго революціонизма. Получается такой результатъ, какъ будто революціонный соціалдемократизмъ, подобно кустарническому и оппортунистическому, стихійнымъ образомъ выполняетъ только роль замѣстителя буржуазной идеологіи въ освободительномъ движеніи Россіи противъ абсолютизма. И этотъ-то результатъ, опять таки безсознательно, стихійно, отражается и фиксируется въ организаціонныхъ утопіяхъ, отмѣченныхъ печатью бюрократизма на заговорщицкой подкладкѣ. Верховныя власти обязаны поддерживать въ умахъ марксистское правовѣріе путемъ изданія и распространенія „принципіально-выдержанной литературы“ и строгаго контроля за листками и пропагандистской дѣятельностью комитетовъ. Но какъ и въ чемъ проявляется эта принципіальная выдержанность на почвѣ агитаціи, въ области политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ, какъ, однимъ словомъ, воплощаются принципы „революціоннаго марксизма“ въ методахъ и содержаніи партійной практики? Этотъ сопросъ рѣшается для фетишистовъ централизаціи самъ собою, разными усовершенствованіями чисто техническаго свойства въ организаціонномъ аппаратѣ: необычайнымъ усиленіемъ спеціализаціи членовъ на мелкихъ и мельчайшихъ функціяхъ, внесеніемъ строгаго порядка въ распредѣленіе и іерархію этихъ функцій, учрежденіемъ безчисленнаго множества всевозмож-

ныхъ вѣдомствъ, департаментовъ, отдѣленій, канцелярій, мастерскихъ, между которыми въ іерархическомъ порядкѣ распредѣляются профессіональные и полупрофессіональные революціонеры, въ массѣ своей превращающіеся въ столоначальниковъ, канцеляристовъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ, стражниковъ, мастеровыхъ—или даже частицы мастера. Вся эта многочисленная армія штатскихъ, военныхъ и ремесленниковъ разбита на цѣлые ряды разсѣянныхъ, изолированныхъ другъ отъ друга муравейниковъ, копошащихся, каждый въ своемъ углу, безъ связи съ другими. Политической работы въ соціалистически-пролетарскомъ смыслѣ не видать и не слыхать. Да и кому ее выполнять, когда члены партіи превращены въ винтики, колесики, которыми, по личному усмотрѣнію, распоряжается всевѣдущій центръ?

Борьба съ абсолютизмомъ, при всемъ томъ, будетъ вестись, по меньшей мѣрѣ, съ прежней энергіей, тѣмъ болѣе, что и по этой части предусмотрѣна особая категорія спеціалистовъ. Въ концѣ концовъ, съ одной стороны—формулы, лозунги, слова революціонно-соціалдемократическія, а съ другой—самая что ни на есть буржуазно-революціонная работа „вовлеченія" массъ въ движеніе, конечнымъ результатомъ котораго въ самомъ лучшемъ, самомъ идеально благопріятномъ случаѣ было бы кратковременное господство радикальной демократіи, опирающейся на пролетаріатъ. Странно какъ то, по поводу такихъ, отмѣченныхъ печатью, канцелярскихъ измышленій, организаціонныхъ утопій обращаться за историческими аналогіями къ эпохѣ Великой французской революціи. Но все же для характеристики историческая тенденціи этой утопіи приходится рискнуть на это. Въ концѣ пути, на который она увлекаетъ наше движеніе, свѣтится, какъ блестящая точка, якобинскій клубъ, т. е. организація революціонно-демократическихъ элементовъ буржуазіи, ведущая за собою, при посредствѣ societés populaires, то бишь, децентрализованныхъ периферійныхъ народныхъ обществъ, наиболѣе активные слои пролетаріата [1]). И если, какъ говоритъ Марксъ по поводу Великой французской революціи, „въ классически строгихъ преданіяхъ римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы

[1]) Это, конечно, утопическая перспектива, но за то она, по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе соблазнительна, чѣмъ трезвенно-либеральная перспектива, о которой мечтали авторы Credo, и больше гармонируетъ съ общимъ революціоннымъ подъемомъ и размахомъ нашего движенія въ настоящій моментъ.

и искусственныя формы иллюзій, необходимыя для того, чтобы скрыть отъ самихъ себя буржуазно ограниченное содержаніе своей борьбы", то отчего бы исторіи не сыграть съ нами злую шутку, облачивъ насъ въ идейный костюмъ классически-революціонной соціалдемократіи, чтобы скрыть отъ насъ „буржуазно-ограниченное содержаніе" нашего движенія?

Но мы постараемся перехитрить исторію. Да это и не такъ уже трудно. Періодъ политической агитаціи и восходящаго движенія революціонной соціалдемократіи не мало положительнаго создалъ и для дальнѣйшей работы въ смыслѣ принципіально-пролетарской политики. Выше уже указано было на элементы такого рода, подготовленные этимъ періодомъ. Само собою ясно, что устраненіе того противорѣчія въ нашемъ движеніи, которое развилось въ послѣднее время, не можетъ быть дѣломъ однихъ только индивидуальныхъ усилій нѣсколькихъ лицъ. Оно потребуетъ коллективныхъ усилій всей партіи, сознательной иниціативы массы практиковъ, которымъ придется отъ спеціализированныхъ кустарей-техниковъ подняться на уровень политическихъ дѣятелей. Это, разумѣется, несовмѣстимо съ бюрократическимъ режимомъ въ партіи, которому придется сдаться при первыхъ же шагахъ наиболѣе самостоятельныхъ элементовъ партіи на новомъ пути—или же превратиться въ оплотъ и орудіе для новыхъ оппортунистическихъ тенденцій, но уже не экономическаго, а политическаго характера [1]). Но чѣмъ систематичнѣе и энергичнѣе мы пойдемъ по пути реформированія нашей практики въ принципіально-пролетарскомъ смыслѣ, тѣмъ быстрѣе исчезнетъ почва изъ-подъ ногъ у сторонниковъ системы централизма, уродующей и компрометтирующей самый принципъ централизма. На Западѣ, гдѣ рабочія массы политически сознательны и принципіальная пролетарская политика на теоретическомъ базисѣ марксизма является не абстрактнымъ идеаломъ, а реальнымъ фактомъ,

[1]) Когда хранители завѣтовъ кустарничества боролись или защищались противъ революціонныхъ марксистовъ, они только задерживали успѣхи послѣднихъ и мѣшали дѣлу партійнаго объединенія, котораго еще не было, къ которому еще только стремились. Если же теперь наши партійныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы стать во главѣ передовыхъ элементовъ партіи, начнутъ тѣснить кхъ и третировать, какъ крамольниковъ, то они будутъ играть роль дезорганизаторовъ партіи—во имя формальнаго, безсодержательнаго централизма и—сознательно или безсознательно — въ интересахъ оппортунизма политическаго.

гдѣ рабочая партія сама, какъ коллективный организмъ, воплощаетъ въ себѣ принципіально-соціалистическое сознаніе, организаціонные проекты, основанные на идеѣ административнаго подчиненія цѣлой партіи одному или нѣсколькимъ хранителямъ или олицетвореніямъ доктрины, немыслимы не только какъ факты, но и какъ глубоко затаенная мечта какого-нибудь честолюбиваго фантазера, вдохновляемаго преданіями о диктатурѣ Швейцера. У насъ абсолютизмъ является, конечно, благодарной почвой для произрастанія такихъ плодовъ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ источникъ централистическихъ излишествъ окажется безсильнымъ обезпечить имъ жизнеспособность, когда практика соціалдемократическая поставитъ наше рабочее движеніе на такую почву, которая сдѣлаетъ невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, затруднитъ противопоставленіе горсти избранныхъ носителей соціалдемократической сознательности массѣ рабочихъ и массѣ практиковъ, какъ представителямъ „стихійности“, „безсознательности“.

II.

Общереволюціонныя и пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи.

(15 января, 1904 г., № 57).

„Всякое политическое дѣло состоитъ въ заявленіи того, что есть, и съ этого начинается. Мелочность, ничтожество въ политикѣ состоитъ въ умолчаніи объ истинномъ положеніи дѣлъ, скрываніи его.“

Лассаль.

Если скрываніе истиннаго положенія дѣлъ „въ политикѣ“ вообще равносильно „мелочности, ничтожеству“, то въ политикѣ соціалдемократовъ въ Россіи оно еще равносильно было бы измѣнѣ классовымъ интересамъ пролетаріата, т. е. основнымъ историческимъ задачамъ, провозглашеннымъ въ нашей партійной программѣ. Мы живемъ наканунѣ періода сведенія счетовъ новой, буржуазной, капиталистической Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ и остатками сословной общественной организаціи Россіи дворянской, крѣпостнической. Какъ велика будетъ

доля, которая достанется эксплуатируемымъ народномъ массамъ при ликвидаціи отжившаго соціально-политическаго строя,—это будетъ зависѣть прежде всего отъ той степени политической зрѣлости и силы, которой достигнетъ пролетаріатъ ко времени этой ликвидаціи, отъ того вліянія и значенія, которыя онъ пріобрѣтетъ къ этому времени, какъ самостоятельная революціонная сила. Но прежде, чѣмъ исторія подведетъ итогъ нашей работы на пользу пролетаріата, мы обязаны сами попытаться подвести итогъ результатамъ этой работы. Только такимъ путемъ мы можемъ еще въ большей или меньшей степени наверстать потерянное, пополнить недочеты и направить равнодѣйствующую общественныхъ силъ въ сторону представляемаго нами класса.

Этимъ именно я руководствовался, принимаясь за предлагаемую статью. Въ предыдущей главѣ я, какъ характерную черту новѣйшаго, искровскаго фазиса нашего движенія, отмѣтилъ и подчеркнулъ образованіе глубокаго, принципіальнаго противорѣчія между его теоріей и практикой, между идейно восторжествовавшимъ въ нашей партіи революціоннымъ марксизмомъ и далеко не принципіально пролетарскимъ содержаніемъ ея дѣятельности. Нѣкоторые товарищи усмотрѣли въ этомъ противопоставленіи теоріи практикѣ своего рода возвеличеніе „теоретиковъ“ или „литераторовъ“, какъ живого источника всяческой премудрости, на счетъ „практиковъ“, какъ представителей узости и какъ виновниковъ всѣхъ грѣховъ, паденій и отклоненій партіи въ сторону отъ требуемаго ея принципами пути. Но на самомъ дѣлѣ у меня рѣчь шла не о субъективныхъ добродѣтеляхъ однихъ и порокахъ другихъ. Я противопоставлялъ другъ другу не лицъ, а двѣ стороны нашего движенія: субъективную и объективную; идеи, принципы, симпатіи, настроеніе *), господствующія въ средѣ большинства его представителей, съ одной стороны, и дѣйствительность, фактическое содержаніе ихъ дѣятельности, съ другой. Въ первый періодъ массовой агитаціи такого противорѣчія не было, по той простой причинѣ, что въ теченіе этого періода подавляющее большинство товарищей не только безсознательно, въ своей практикѣ, но и въ своемъ субъективномъ сознаніи удалялось отъ перво-

*) Я употребляю здѣсь такія слова, какъ «симпатія», «настроеніе» и т. п. потому, что, не впадая въ самообманъ, нельзя не признать, что теоретически вполнѣ сознательныхъ марксистовъ или революціонныхъ соціалъ-демократовъ у насъ всетаки немного.

начальнаго, строго марксистскаго теоретическаго базиса нашей партіи, заложеннаго въ работахъ Плеханова по самымъ разнообразнымъ вопросамъ современной жизни, исторіи, литературы, философіи, и все больше и больше тяготѣло къ эклектическимъ и антимарксистскимъ тенденціямъ, Практика движенія, конечно, не совпадала съ требованіями принципіальной пролетарской борьбы, но и теорія, объясняющая и формулирующая ихъ, подвергалась критикѣ и не пользовалась, въ цѣломъ, безраздѣльной симпатіей массы товарищей—и при томъ не только практиковъ, но и литераторовъ. „Искра“ и „Заря“ побили ревизіонизмъ и экономизмъ и воскресили въ средѣ русскихъ соціалдемократовъ при новыхъ условіяхъ прежнія симпатіи къ „ортодоксальному“ марксизму. И именно поэтому теперь только такъ рѣзко выступаетъ контрастъ между идейной оболочкой движенія и его реальнымъ содержаніемъ. Меньше, чѣмъ когда и гдѣ либо, въ данномъ случаѣ умѣстенъ вопросъ: „виноваты ли практики или теоретики?“ Явленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, порождено стихійнымъ историческимъ процессомъ, вызвавшимъ къ жизни соціалдемократическое движеніе въ Россіи и опредѣлившимъ на довольно продолжительный періодъ его характеръ и общественное содержаніе. Выясненіе этого процесса одно только и имѣетъ для насъ насущный практическій интересъ.

Русскіе марксисты съ самаго начала ставили себѣ ту же самую принципіальную задачу, какую преслѣдуетъ интернаціональная соціалдемократія и которая является для нея верховнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ методовъ, средствъ и результатовъ своей дѣятельности. Развитіе классоваго самосознанія и политической самодѣятельности рабочихъ массъ, объединеніе ихъ въ самостоятельную революціонную силу, подъ знаменемъ соціалдемократіи—такова, какъ извѣстно, эта задача. Но въ то время, когда возникало наше движеніе, въ русской дѣйствительности не было еще самыхъ элементарныхъ условій для прямого и непосредственнаго выполненія именно его принципіальной задачи. Я не хочу этимъ сказать, что нами или кѣмъ-либо изъ насъ заранѣе преднамѣренно составленъ былъ такой планъ: „Сначала мы достигнемъ этого, а потомъ примемся за свое настоящее, уже чисто пролетарское дѣло“. Ничего подобнаго. Наоборотъ, для насъ это „чисто пролетарское“ дѣло обнимало и покрывало собою всѣ насущныя задачи современной русской жизни и намъ казалось, что въ дѣйствительности работа надъ подготовленіемъ и расширеніемъ почвы для широкой организаціи принципіальной пролетарской

борьбы и непосредственная работа надъ классовымъ воспитаніемъ рабочихъ сольются въ одно неразрывное цѣлое, въ одно соціальнореволюціонное дѣло. Но исторія распорядилась далеко не такъ, какъ намъ хотѣлось. Она, за нашей спиной, доставила преобладающую роль въ нашемъ движеніи не цѣли, а средству, не нашей основной, принципіальной задачѣ, а тѣмъ исторически болѣе элементарнымъ задачамъ, безъ, по крайней мѣрѣ, частичнаго осуществленія которыхъ не было объективной возможности послѣдовательно и всесторонне преслѣдовать первую. Этимъ самымъ въ развитіе русской соціалдемократіи внесено было противорѣчіе, которое проходитъ красною нитью черезъ всѣ его фазисы.

Ея основная задача, которая всюду опредѣляетъ собою содержаніе и направленіе соціалдемократической практики, заключалась и заключается въ развитіи классоваго самосознанія и политической самодѣятельности пролетаріата. Что такое высоко развитое пролетарское самосознаніе? Это—во-первыхъ, сознаніе пролетаріатомъ своего принципіальнаго антагонизма со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, и, во-вторыхъ, — сознаніе имъ всемірно-историческаго значенія своей освободительной борьбы. Неразрывно съ тѣмъ и другимъ связано и пониманіе историческихъ условій выполненія рабочимъ классомъ своей освободительной миссіи [1]). А что подразумѣвается подъ политической самостоятельностью этого класса? Планомѣрное, систематическое вмѣшательство рабочихъ массъ, организованныхъ въ классовую партію или руководимыхъ ею, во всѣ сферы общественно-политической жизни. На этой аренѣ борьбы онѣ сталкиваются лицомъ къ лицу, какъ съ враждебнымъ лагеремъ, не только съ своими непосредственными эксплуататорами, какъ съ частными лицами, преслѣдующими лишь свои собственные, корыстные интересы, но и съ тѣми элементами высшихъ классовъ,

---

[1]) «Ничто—говоритъ Лассаль нѣмецкимъ рабочимъ—до такой степени не придаетъ сословію достойнаго и глубоко нравственнаго отпечатка, какъ сознаніе, что оно... призвано возвысить свой принципъ въ принципъ своего вѣка, сдѣлать свою идею руководящей идеей всего общества». И онъ старался, чтобы германскій пролетаріатъ проникся сознаніемъ, что рабочій классъ—въ современномъ обществѣ—«камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго». На языкѣ Маркса и Энгельса слова эти означаютъ, что высоко развитое пролетарское самосознаніе неразрывно связано съ яснымъ представленіемъ рабочихъ объ исторической роли своего класса, какъ революціоннаго носителя и представителя интересовъ всего общества, часть котораго они составляютъ, и всего человѣчества.

которые выступаютъ въ роли представителей и выразителей такъ называемаго общественнаго мнѣнія и интересовъ „всего народа“, „всей страны“, а въ дѣйствительности являются не болѣе, какъ идеологами, вождями, руководителями и просто политическими дѣльцами эксплуататорскихъ классовъ. Активное вмѣшательство въ общественную и политическую жизнь является, поэтому, и лучшей, чтобы не сказать единственной, школой и для развитія классоваго самосознанія пролетаріата. Развивая политическую самостоятельность пролетаріата, западная соціалдемократія этимъ самымъ развиваетъ и его классовое самосознаніе. Систематически вовлекая рабочія массы въ непосредственныя столкновенія и прямую борьбу со всей совокупностью буржуазныхъ идеологовъ и политиковъ, соціалдемократія конкретно вскрываетъ передъ нимъ непримиримый антагонизмъ интересовъ пролетаріата съ господствомъ буржуазіи. Вынося на обсужденіе его активныхъ слоевъ всѣ вопросы общественной жизни, возбуждаемые представителями другихъ классовъ, организуя эти слои для предъявленія принятыхъ ими рѣшеній, какъ по этимъ вопросамъ, такъ и по тѣмъ, которые они самостоятельно вносятъ, соціалдемократы наглядно обнаруживаютъ передъ рабочимъ классомъ, съ одной стороны, неспособность даже передовыхъ элементовъ буржуазіи послѣдовательно отстаивать интересы прогресса, а съ другой— его собственную роль единственнаго серьезнаго борца за эти интересы. Однимъ словомъ, процессъ всесторонняго классоваго воспитанія и объединенія рабочихъ въ самостоятельную пролетарскую партію совершается и можетъ только совершаться, главнымъ образомъ, на почвѣ и посредствомъ ихъ активнаго участія въ тѣхъ сферахъ общественной жизни, въ которыхъ и на Западѣ еще въ недавнемъ прошломъ единственными хозяевами были представители высшихъ классовъ.

Все это вещи общеизвѣстныя, но онѣ почти или совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ при оцѣнкѣ „положенія дѣлъ“ нашей партіи. Въ противномъ случаѣ, мы не проявляли бы такого самоудовлетворенія по части достигнутыхъ ею результатовъ въ дѣлѣ классоваго воспитанія рабочихъ массъ.

Въ капиталистическихъ странахъ запада соціалдемократы [1]),

---

[1]) Чтобы не усложнять занимающаго меня вопроса, я здѣсь, какъ и вообще въ статьѣ, совершенно игнорирую фактъ кратковременнаго, такъ сказать, минутнаго существованія коммунистическаго союза въ проме-

какъ только появились на свѣтъ, такъ и начали свою пролетарскую воспитательную работу съ привлеченія рабочихъ массъ къ активному и самостоятельному участію въ политической борьбѣ. Это само собою подсказывалось уже тѣмъ обстоятельствомъ, что соціалдемократія выступила на сцену въ этихъ странахъ въ то время, какъ буржуазія тамъ уже политически господствовала или, по крайней мѣрѣ, участвовала въ государственной власти. Широкая политическая агитація облегчалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, наличностью хоть какой-нибудь легальной почвы въ „правовомъ государствѣ". Но что особенно важно помнить, такъ это то, что пролетаріатъ и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи уже былъ до извѣстной степени подготовленъ воздѣйствіемъ на него демократической и вообще свободолюбивой интеллигенціи въ эпоху революціонныхъ бурь буржуазіи и въ слѣдующій за ней періодъ. Въ большинствѣ случаевъ соціалдемократія съ самаго начала представляла собою передовой отрядъ уже соціально активныхъ слоевъ пролетаріата (плюссъ нѣсколько единицъ изъ „интеллигенціи") и выражала новый фазисъ въ развитіи уже начатой имъ классовой борьбы.

Ни одного изъ этихъ необходимѣйшихъ условій для развитія строго принципіальнаго пролетарскаго движенія у насъ не было налицо въ тотъ моментъ, когда въ Россіи возникло соціалдемократическое теченіе. Рѣшающее и предопредѣляющее значеніе для развитія новаго движенія имѣли два обстоятельства: во-первыхъ, то, что пролетаріатъ въ Россіи—если не считать немногихъ спропагандированныхъ рабочихъ, тонувшихъ въ общей массѣ своихъ собратьевъ, да рѣдкія, изолированныя стачки—погруженъ былъ тогда еще въ глубокій историческій сонъ и находился въ совершенно безкультурномъ состояніи. Въ немъ самомъ не было элемента, способнаго взять на себя дѣло пробужденія его отъ этого сна и выведенія его на арену исторической активности. Эту задачу долженъ былъ взять на себя посторонній ему соціальный элементъ—радикальная интеллигенція. Въ этомъ заключалось второе изъ двухъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ. Историческій или общественный смыслъ его таковъ: для того, чтобы вызвать къ жизни въ Россіи самостоятельное, сознательно-классовое движеніе среди рабочихъ массъ, предварительно необходимо было

жуткѣ между выступленіемъ его съ манифестомъ Маркса и Энгельса и революціей 1848 г.

подчинить ихъ идейному и политическому вліянію и руководству соціально чуждаго имъ слоя, принадлежащаго въ массѣ своей къ другимъ классамъ населенія. На Западѣ одной изъ первыхъ задачъ соціалдемократіи было освобожденіе пролетаріата отъ вліянія и опеки свободолюбивой, демократической интеллигенціи. У насъ марксисты должны были, наоборотъ, въ интересахъ соціально-политическаго развитія рабочихъ, взять на себя иниціативу сближенія радикальной интеллигенціи съ пролетаріатомъ и систематически помогать ей въ дѣлѣ подчиненія его ея революціонному руководству. Какъ бы то ни было, здѣсь скрывалось крупное противорѣчіе между субъективной цѣлью иниціаторовъ нашего движенія и объективнымъ характеромъ того средства, которое имъ предоставила исторія.

Чѣмъ, однако, оправдывалась, на чемъ основана была ихъ вѣра въ призваніе и готовность радикальной интеллигенціи взять на себя и выполнить предлагаемую ей историческую миссію? Вѣра эта опиралась на фактическое настроеніе революціонной интеллигенціи. На Западѣ вышеуказанный антагонизмъ соціалдемократіи съ лѣвымъ крыломъ свободомыслящей буржуазіи обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что ко времени появленія первой и наиболѣе радикальные элементы интеллигенціи уже распростились съ своимъ революціонно-демократическимъ идеализмомъ и настолько тѣсно политически ассоціировались съ демократическими, полудемократическими, а даже отчасти совсѣмъ не демократическими слоями не-пролетарскихъ классовъ, что фактически являлись выразителями и представителями интересовъ именно буржуазіи, играли роль ея идейнаго и политическаго авангарда. У насъ политическій индифферентизмъ эксплуататорскихъ классовъ и политическая пассивность „общества“ отдаляли отъ нихъ наиболѣе революціонные элементы интеллигенціи, обрекали эти послѣдніе на изолированность и общественное безсиліе и поддерживали въ нихъ стремленіе не только бороться „за народъ“, но и вовлечь его самого въ эту борьбу. Но на Западѣ народныя массы очутились въ началѣ на революціонной аренѣ, какъ стихійная, можно сказать, физическая сила, увлекаемая и толкаемая внѣшними импульсами, исходившими—въ особенности во Франціи и Англіи—преимущественно изъ внутреннихъ междуусобій на верхнихъ этажахъ соціальнаго зданія... Въ Россіи не доставало элементовъ и силъ для того, чтобы вовлекать народныя массы стихійнымъ путемъ въ борьбу съ абсолютизмомъ. Для того, чтобы пробудить

ихъ изъ историческаго сна и вывести на общественно-политическую арену, необходимо было начать систематически развивать въ нихъ революціонное настроеніе и революціонную активность, и прежде всего сознательное отношеніе къ своему тяжелому положенію и къ его причинамъ. Эту историческую задачу пыталось, по своему, рѣшать народничество семидесятыхъ годовъ. Но оно не способно было рѣшить ее, потому что не могло понять и оцѣнить историческое значеніе новаго еще тогда въ Россіи класса промышленныхъ рабочихъ. Только марксизмъ могъ дать ключъ и указать пути и средства къ рѣшенію основного, общедемократическаго вопроса революціоннаго движенія въ Россіи. Въ этомъ, замѣчу мимоходомъ, коренится главный источникъ силы нашей Партіи, причина ея рѣшительнаго торжества надъ другими революціонными фракціями, прочности этого торжества, не смотря на ея собственные крупные дефекты и ошибки, и трудности для ревизіонизма и другихъ фальсификацій марксизма освободить ее отъ вліянія „ортодоксіи“. Марксисты апеллировали и должны, обязаны были апеллировать къ революціонному идеализму и народолюбію той же интеллигенціи, къ которой обращались народники-революціонеры; они обязаны были выяснять ей историческую миссію рабочаго класса, указывать ей на необходимость—въ интересахъ воодушевлявшихъ ее идеаловъ—отдать всѣ свои силы дѣлу политическаго пробужденія, развитія и объединенія этого класса подъ знаменемъ ученій научнаго соціализма.

Для всякаго, кто твердо помнитъ и ясно понимаетъ, что общественное содержаніе соціально-политическихъ движеній опредѣляется не столько теоріями, подъ флагомъ которыхъ они развиваются, сколько историческими условіями, вызывающими ихъ къ жизни, и въ частности, соціальнымъ характеромъ ихъ представителей, должно быть ясно, какъ Божій день, что наше движеніе съ самаго начала скрывало въ себѣ двѣ противоположныя тенденціи, взаимный антагонизмъ которыхъ не могъ не развиваться и не отражаться на немъ параллельно съ его собственнымъ развитіемъ. Принципіально, пролетарская цѣль движенія—та же, что и у западной соціалдемократіи. Но окольный путь, предоставленный намъ исторіей, непосредственно не велъ къ этой цѣли, а скорѣе, въ противоположную сторону. На Западѣ соціалдемократія составляетъ и съ самаго начала составляла не что иное, какъ часть самаго пролетаріата, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его. Онъ въ одно и то же время—субъектъ и

объектъ своего собственнаго классоваго воспитанія и объединенія. Планомѣрное воздѣйствіе Западной соціалдемократіи на рабочія массы, это—воздѣйствіе ихъ наиболѣе передовыхъ, наиболѣе принципіально-сознательныхъ и организованныхъ слоевъ на еще сравнительно отсталые слои тѣхъ же рабочихъ массъ. Развитіе классоваго самосознанія и самодѣятельности пролетаріата является, поэтому, на Западѣ процессомъ саморазвитія, самовоспитанія рабочаго класса. У насъ же планомѣрное воздѣйствіе соціалдемократіи на эти массы означало воздѣйствіе на нихъ извнѣ, со стороны чуждаго имъ соціальнаго элемента; воспитаніе ихъ ею было равносильно подчиненію ихъ руководству радикальной интеллигенціи. Процессъ же соціалдемократическаго саморазвитія и самовоспитанія, объединеніе и развитіе революціонной самодѣятельности концентрировались, главнымъ образомъ (я говорю не объ индивидуумахъ, а о массѣ), въ этой самой интеллигенціи, миссія которой состояла въ подготовленіи россійскаго пролетаріата къ самостоятельной политической роли (въ соціалдемократическомъ смыслѣ). Успѣхи нашего движенія должны были, въ теченіе извѣстнаго періода, въ дѣйствительности, сводиться, если не цѣликомъ, то преимущественно, къ расширенію круга адептовъ научнаго соціализма среди интеллигенціи, къ углубленію соціалистическаго сознанія этихъ адептовъ, къ прогрессивному увеличенію притока изъ ихъ среды соціалдемократическихъ пропагандистовъ и агитаторовъ, къ усовершенствованію организацій этихъ послѣднихъ, къ накопленію ими революціоннаго опыта и увеличенію размаха ихъ дѣятельности и, наконецъ,—самое важное—къ вовлеченію все болѣе широкихъ слоевъ пролетаріата въ сферу вліянія этой организаціи. Вообразимъ теперь на минуту, что движеніе наше во всѣхъ этихъ отношеніяхъ достигло идеальныхъ результатовъ. Всѣ радикальные элементы интеллигенціи стали подъ знамя соціалдемократіи, группируются вокругъ ея центральной организаціи, поддерживаютъ послѣднюю всячески и доставляютъ ей непрерывно увеличивающійся контингентъ профессіональныхъ революціонеровъ, которые одни только и могутъ входить въ составъ этой организаціи. Это съ одной стороны. А съ другой—рабочія массы, въ еще большемъ масштабѣ, чѣмъ теперь, слѣдуютъ ея указаніямъ и готовы повиноваться ей, какъ того требуетъ цитированный въ предыдущей главѣ уставъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ комитетовъ. Что это означало бы? Какой соціально-политическій смыслъ скрывался бы подъ этимъ гипотети-

ческимъ случаемъ? Товарищи, не опасающіеся называть вещи настоящимъ ихъ именемъ, сами отвѣтятъ на этотъ вопросъ. Мы имѣли бы въ данномъ случаѣ революціонную политическую организацію демократической буржуазіи, ведущую за собою, въ качествѣ боевой арміи, рабочія массы Россіи. А для довершенія своей злой иронія, исторія, пожалуй, поставила бы намъ еще во главѣ этой буржуазно-революціонной организаціи не просто соціалдемократа, а самаго что ни на есть „ортодоксальнаго“ (по его происхожденію) марксиста [1]).

Предположенный нами случай только рѣзко и наглядно вскрываетъ и иллюстрируетъ ту тенденцію россійскаго соціалдемократическаго движенія, которая присуща ему благодаря относительной отсталости общественныхъ условій, при которыхъ оно возникло и развивалось. Въ то время, какъ субъективное стремленіе соціалдемократовъ вызвать дѣйствительно самостоятельное движеніе въ нашемъ пролетаріатѣ идейно питалось и поддерживалось теоріей и, богатой крупными событіями, пролетарской борьбой на Западѣ, другая объективная тенденція коренилась въ самой русской дѣйствительности и поддерживалась тѣмъ реальнымъ фактомъ, что эта дѣйствительность давала матеріалъ и средства лишь для такого подъема революціоннаго настроенія и революціонной активности рабочихъ массъ, который обезпечивалъ бы радикальной интеллигенціи возможность, опираясь на нихъ, вступить въ рѣшительный бой съ отживающимъ общественно-политическимъ строемъ. Поэтому, антагонизмъ между субъективной и объективной тенденціей движенія неизбѣжно долженъ былъ выразиться въ антагонизмѣ между теоріей и практикой. Но объ этомъ еще рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же ограничусь только еще парой замѣчаній. Забѣгая впередъ, я скажу, что, выдвинувъ марксизмъ въ роли необходимаго идейнаго вдохновителя и руководителя интеллигенціи въ области выполненія ею общедемократической задачи революціонизированія пролетаріата, исторія тѣмъ самымъ доставила и субъективнымъ стремленіямъ соціалдемократовъ точку опоры на русской почвѣ. Но только теперь, послѣ того, какъ интеллигенція соціалдемократическая довольно далеко подвинулась впередъ въ выполненіи указанной задачи, является объективная возможность

[1]) Вѣдь далъ же легальный или полу-марксизмъ литературнаго вождя нашимъ либераламъ. Почему бы проказницѣ-исторіи не доставить революціонной буржуазной демократіи вождя—изъ школы „ортодоксальнаго“, революціоннаго марксизма?

дать этимъ стремленіямъ полное принципіальное практическое выраженіе въ повседневной практикѣ партіи. И только когда она вступитъ въ этотъ новый фазисъ своего развитія, ея политическое руководство рабочими массами постепенно станетъ синонимомъ политической самостоятельности пролетаріата. А пока—оно означаетъ, главнымъ образомъ, только то, что, въ лицѣ соціалдемократической части интеллигенціи, рабочими руководитъ не-пролетарскій элементъ. Разумѣется, для Россіи и это представляетъ прогрессивное явленіе первостепенной важности.

П. Аксельродъ.

Къ вопросу объ источникѣ и значеніи нашихъ организаціонныхъ разногласій.

(Изъ переписки съ Каутскимъ).

(25 іюня 1904 г. № 68.)

Настоящимъ виновникомъ печатаемаго ниже, по желанію нѣкоторыхъ товарищей, письма къ Каутскому является никто иной, какъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей „большинства", которому пришла въ голову счастливая—для насъ—мысль познакомить Каутскаго со всѣми прегрѣшеніями „меньшинства" вообще и „новой" редакціи въ частности. Статьи, направленной противъ насъ, Каутскій не напечаталъ, но, какъ видно изъ его напечатаннаго въ № 66 „Искры" отвѣта автору ея, прочиталъ ее съ пользой. Заключенія, къ которымъ Каутскій пришелъ, на основаніи этой статьи, въ существенныхъ пунктахъ совпадаютъ со взглядами „меньшинства"... Редакція „Искры", получившая отъ него копію его отвѣта автору, рѣшила просить у него позволенія обнародовать этотъ отвѣтъ. Читатели, знакомые съ новѣйшимъ, своеобразнымъ литературнымъ произведеніемъ Ленина (*Шагъ впередъ, два назадъ*) и понимающіе то, что они читаютъ, хотя бы оно шло въ разрѣзъ съ планами и стремленіями послѣдняго, замѣтили, конечно, что письмо Каутскаго представляетъ собою весьма недвусмысленную критику тѣхъ обвиненій противъ насъ, формулировкѣ и обоснова-

нію („научному“) которыхъ посвящено упомянутое произведеніе. Очевидно, авторъ статьи просто-на-просто преподнесъ Каутскому квинтъ-эссенцію этого произведенія. Я увѣренъ, однако, что онъ не воспроизвелъ въ ней ленинской діаграммы, такъ тонко изображающей главные „типы голосованій“ на нашемъ съѣздѣ и такъ наглядно вскрывающей „политическое значеніе того дѣленія партіи на „большинство“ и „меньшинство“, которое сложилось на этомъ съѣздѣ. Нужно будетъ пополнить этотъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ Каутскаго относительно „анализа борьбы на партійномъ съѣздѣ“, представленнаго вожакомъ „большинства“.

Не одни только дурные примѣры дѣйствуютъ заразительно. На меня заразительно подѣйствовала достойная подражанія попытка одного изъ коллегъ Ленина познакомить Каутскаго съ нашими „организаціонными разногласіями“. Въ своемъ первомъ письмѣ къ нему я подчеркнулъ совпаденіе, по существу, его принципіальной позиціи въ организаціонныхъ вопросахъ съ взглядами „меньшинства“. Въ слѣдующемъ письмѣ, вызванномъ его отвѣтомъ на первое, я подтвердилъ его догадку, что наши „разногласія съ приверженцами Ленина въ Россіи“ „въ значительной мѣрѣ покоятся на недоразумѣніяхъ“, и попутно высказалъ нѣсколько замѣчаній объ объективной подкладкѣ и значеніи воцарившейся въ партіи организаціонной и идейной анархіи. Нѣкоторые изъ товарищей, прочитавшихъ копію моего письма, выразили желаніе, чтобы оно было напечатано въ „Искрѣ“—и я не вижу причины, по которой желаніе ихъ было бы неудобоисполнимо.

---

6 іюня, 1904 г.

Спѣшу отвѣтить на твое, сегодня полученное, письмо. Ты правъ и въ своемъ предположеніи, что разногласія между нами и сторонниками Ленина въ Россіи [1]) (но не за границей) покоятся въ значительной мѣрѣ на недоразумѣніяхъ. Большинство этихъ товарищей незнакомы съ протоколами съѣздовъ Партіи и Лиги и почти вовсе не читали „Искры“ за періодъ нашей внутренней борьбы. Главнымъ источникомъ для ихъ освѣдомленія является Ленинъ и его агенты; послѣдніе же прославляютъ его, какъ единственнаго истиннаго и непреклоннаго представителя революціонной соціалдемократіи, спасающаго ее отъ покровительствуемаго нами оппортунизма. Такъ какъ, однако, было бы слишкомъ

---

[1]) Если не говорить объ агентахъ, спеціально направляемыхъ имъ отсюда въ Россію.

рисковано прямо обвинить насъ въ оппортунизмѣ на почвѣ программныхъ и тактическихъ вопросовъ, то Ленинъ и К° выбрали организаціонный вопросъ—именно, первый пунктъ нашего партійнаго устава—исходнымъ и центральнымъ пунктомъ всѣхъ нападокъ и обвиненій противъ насъ. Но затѣмъ этотъ оппортунизмъ sui generis (со своимъ слабымъ разсудкомъ я не въ состояніи понять, что это за штука такая „оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ“—выдвигаемый на сцену, какъ нѣчто самостоятельное, внѣ органической связи съ программными и тактическими взглядами) превращается подъ рукой въ универсальный, господствующій надъ всѣмъ нашимъ мышленіемъ и дѣятельностью, оппортунизмъ; и такимъ путемъ мы вдругъ оказываемся отрядомъ международной арміи оппортунистовъ въ соціалдемократіи, частью ея „жиронды“, ея „буржуазно-демократическаго крыла“. Если же нѣсколько присмотрѣться къ тому содержанію, которое вкладываетъ Ленинъ и его приверженцы въ понятія „ортодоксальный марксизмъ“ и „революціонная соціалдемократія“, то мы получимъ тощія и безсодержательныя „идеи“: „централизмъ“, „строгая дисциплина“, contra „демократизмъ“, „отсутствіе дисциплины“ или „анархія“ и „автономизмъ“. Первыя двѣ изъ нихъ нѣсколько конкретизируются требованіемъ безпрекословнаго „повиновенія“ и „подчиненія“, требованіемъ, вырождающимся на практикѣ не въ „якобинизмъ“, бланкизмъ и т. п., а въ самую что ни на есть заурядную жалкую карикатуру на бюрократически-автократическую систему нашего министерства внутреннихъ дѣлъ. Если бы я привелъ нѣсколько примѣровъ, то ты призналъ бы, что я—mutatis mutandis—нисколько не преувеличиваю.

Какъ бы тамъ ни было, въ общемъ и цѣломъ ты правъ, если думаешь, что отношеніе ленинскихъ сторонниковъ къ намъ, по существу, основано на недоразумѣніи. Однако, это обстоятельство нисколько не рѣшаетъ вопроса: какъ могло случиться, что именно Ленинъ сдѣлался идоломъ такого значительнаго числа товарищей, что въ короткое время онъ произвелъ такой хаосъ въ ихъ головахъ и въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ, какой едва-ли когда либо существовалъ въ соціалдемократіи другихъ странъ? Ибо, поскольку я знаю исторію западной соціалдемократіи, въ большинствѣ изъ тѣхъ случаевъ, когда тамъ возникали конфликты и расколы, дѣло шло о разногласіяхъ программнаго и тактическаго характера, обѣими сторонами понятыми и формулированными, и лишь въ связи съ ними получали рѣшающее значеніе и орга-

низаціонные вопросы. У насъ же разногласія даже въ организаціонныхъ вопросахъ впервые ясно и конкретно проявились только въ тѣхъ методахъ и пріемахъ, какими Ленинъ и его пособники проводили на практикѣ всѣми нами признаваемый „централизмъ“, въ ихъ практическомъ отношеніи къ товарищамъ, которые обнаружили склонность противодѣйствовать имъ или просто не соглашаться съ ними въ ничтожныхъ вопросахъ. Въ томъ-то и заключается чудовищность нашего положенія, что на почвѣ мелочей въ партіи могъ возникнуть и получить господство бюрократически-бонапартистскій режимъ!

Дѣйствительная же причина этого явленія лежитъ въ томъ, что мы еще не составляемъ политической партіи въ настоящемъ смыслѣ слова, между тѣмъ какъ по своимъ субъективнымъ стремленіямъ и объективнымъ требованіямъ нашего положенія должны бы уже быть такой партіей [1]). Мы страдаемъ подъ гнетомъ колоссаль-

---

[1]) Примѣчаніе для русскихъ читателей, а въ особенности для проницательныхъ:

Я подразумѣваю „политическую партію“ современнаго типа, господствующаго въ государствахъ конституціонныхъ. Революціонныя группы и организаціи, существовавшія въ нихъ въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ, вообще лишены были основныхъ признаковъ, характеризующихъ политическія партіи въ современномъ смыслѣ. И у насъ несоціалдемократическія революціонныя группы и фракціи лишены этихъ признаковъ, изъ которыхъ однимъ изъ главныхъ, или, вѣрнѣе, главнымъ является практическая близость, непосредственная связь партійной организаціи съ широкими слоями населенія или классами, на почвѣ совмѣстной съ ними борьбы за ихъ интересы. Россійская соціалдемократія, сравнительно со всѣми прежде существовавшими и нынѣ существующими въ современной Россіи революціонными и оппозиціонными организаціями и группами, опирается непосредственно на широкія общественныя массы—на передовые слои пролетаріата—и съ самаго начала плономѣрно искала сближенія съ этими массами. Поэтому она и является у насъ единственной, относительно организованной, революціонной силой, представляющей собою нѣкоторое подобіе современной, т. е. дѣйствительной политической партіи. Но только: „нѣкоторое подобіе“. Въ этомъ смыслѣ я и говорю въ текстѣ, что мы еще не являемся „политической партіей въ настоящемъ смыслѣ слова.“

Мнѣ могутъ сказать: „при абсолютизмѣ образованіе такой партіи невозможно, а потому всякія разсужденія на эту тему совершенно безплодны“. Но объ этомъ придется спеціально поговорить въ другой разъ. Здѣсь же замѣчу только, что тѣ товарищи, которые такъ думаютъ, обнаруживаютъ большую непослѣдовательность, когда они ратуютъ за „строго централизованную организацію“ съ „авторитетными политическими вождями и руководящими центрами во главѣ“. Такая организація, точно

наго несоотвѣтствія между потребностью въ крѣпкой организаціи и единствомъ дѣйствія на принципіальномъ соціалдемократическомъ базисѣ, съ одной стороны и примитивнымъ характеромъ нашего движенія, съ другой. Это несоотвѣтствіе породило у насъ своего рода организаціонный фетишизмъ,—вѣру въ чудодѣйственную, внутреннюю творческую силу „совершенной“ формы организаціи. Но такъ какъ внутреннее развитіе нашей партіи, характеръ и размѣры ея реальной дѣятельности, ея пропаганды и агитаціи, степень политической опытности и зрѣлости нашихъ товарищей, внѣшнія трудности,—словомъ, такъ какъ цѣлый рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ задерживалъ органическое выростаніе такой формы организаціи, которая соотвѣтствовала бы историческимъ задачамъ и потребностямъ нашей партіи, то нашими товарищами овладѣло чувство безсилія и безпомощности.

До демонстрацій 1901 года дѣятельность нашей партіи, не вынуждавшейся къ большимъ, ослѣпительно-яркимъ актамъ, раз-

---

такъ же, какъ и „принципіальная выдержанная“ соціалдемократическая программа дѣйствія предполагаетъ, какъ реальную посылку, наличность классовой пролетарской партіи или, по меньшей мѣрѣ, неуклонное сознательное развитіе данной политической коллективности въ этомъ направленіи. При отсутствіи же этой посылки, та и другая, не соотвѣтствуя дѣйствительному возрасту партійной коллективности, могутъ принести ей скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Политическому зародышу онѣ такъ же мало подходятъ, какъ вицъ-мундиръ, парадная шляпа и внушительная палка ребенку. Это несоотвѣтствіе программнаго и организаціоннаго облаченія нашей партіи съ ея младенческимъ возрастомъ и проявилось такъ рѣзко въ томъ поразительномъ фактѣ, что именно формальное „объединеніе“ ея положило начало господству такого идейнаго и организаціоннаго хаоса въ ней, по сравненію съ которымъ даже анархія кустарническаго періода можетъ показаться образцомъ внутренняго единенія и порядка. Отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, что мы должны отказаться отъ формальнаго объединенія. Воцарившійся хаосъ указываетъ лишь на то, что если мы не воспользуемся нашимъ организаціоннымъ аппаратомъ, какъ рычагомъ для дальнѣйшаго развитія соціалдемократіи въ смыслѣ возможно болѣе полнаго приближенія ея къ типу пролетарской политической партіи, наше формальное „объединеніе“ явится для нея лишь внутреннимъ факторомъ дезорганизаціи и разложенія. А потому тѣ товарищи, которые, объявляя утопіей стремленіе къ систематическому самопреобразованію россійской соціалдемократіи—въ оковахъ абсолютизма—изъ партіи революціонной интелигенціи, о п и р а ю щ е й с я на пролетаріатъ, въ классовую партію самого пролетаріата,—в м ѣ с т ѣ с ъ т ѣ м ъ фанатически стоятъ за „строгую централизацію“ и т. п., безсознательно произносятъ смертный приговоръ надъ россійской соціалдемократіей, какъ исторически сложившейся партійной коллективностью.

вивалась, сравнительно медленнымъ темпомъ; однако, это не мѣшало ей быть единственной, задававшей тонъ, силой на нашей революціонной аренѣ. Но вотъ вдругъ наступилъ новый, рѣзко политическій, періодъ, поставившій передъ соціалдемократіей задачи, гораздо болѣе сложныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ она была подготовлена предыдущимъ періодомъ. Безъ соотвѣтственной подготовки мы должны были, въ новой общественной атмосферѣ, сохранить за собой преобладаніе на политической аренѣ и сплотиться для этого въ централизованную организацію, должны были при томъ оставаться на строго принципіальной почвѣ, выступая въ тѣсной связи съ рабочими массами, въ качествѣ ихъ политическаго авангарда, какъ послѣдовательная, принципіально-выдержанная классовая партія пролетаріата. Для надлежащаго выполненія всего этого намъ необходимо было бы пройти черезъ процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ; но время этого не допускало, и мы должны были ухватиться за наиболѣе простые и доступные намъ средства и методы борьбы,—за демонстраціи. Въ остальномъ же все оставалось по-прежнему или, вѣрнѣе, въ одномъ отношеніи мы пошли даже назадъ, ибо такъ называемая экономическая агитація была въ очень сильной степени заброшена. Словомъ: въ то время, когда броженіе въ народныхъ массахъ видимо росло, когда политическое недовольство самыхъ разнообразныхъ слоевъ „общества“ все увеличивалось, и все чаще выступали наружу явленія, указывавшія на формированіе и ростъ буржуазно-революціонной демократіи,—соціалдемократія продолжала дѣйствовать въ рамкахъ старыхъ мѣстныхъ организацій, не дѣлая никакихъ успѣховъ въ своемъ развитіи, т. е. въ расширеніи и углубленіи пролетарскаго содержанія своей практики. И наши товарищи все сильнѣе чувствовали противорѣчіе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно бы быть, между фактическимъ состояніемъ нашей партіи и запросами, предъявляемыми къ ней.

Гдѣ же выходъ изъ этого плачевнаго положенія, въ чемъ спасеніе отъ него?—„Строго-централизованная организація съ принципіально послѣдовательными руководителями во главѣ въ центрѣ“—таковъ былъ спасительный лозунгъ!

Нѣтъ надобности, конечно, подробно разъяснять тебѣ, что ни крѣпкая организація, ни штабъ практическихъ политическихъ вождей не могутъ—подобно Минервѣ изъ головы Юпитера—вдругъ появиться на свѣтъ, какъ готовый продуктъ, въ результатѣ чьего-либо властнаго приказанія или какого-либо волшебнаго

дѣйствія. Жизнеспособная организація и дѣйствительно руководящая группа политическихъ вождей могутъ развиться лишь постепенно, извнутри партіи, путемъ самовоспитанія и ея коллективнаго приспособленія къ условіямъ мѣста и времени. А между тѣмъ, какъ я уже выше указалъ, такой процессъ выработки ими образованія организаціи исключался или, во всякомъ случаѣ, крайне затруднялся общими условіями развитія россійской соціалдемократіи. Отсюда—то чувство безпомощности и безвыходности, которое явилось психологической почвой для развитія своеобразнаго организаціоннаго фетишизма. Какъ соціалисты прежнихъ временъ, когда современнаго рабочаго движенія еще не было, всѣ свои надежды возлагали на совершенный „планъ“ „совершеннаго“ общества, во всѣхъ своихъ деталяхъ разработанный какой-нибудь умной головой,—такъ наши товарищи начали чаять спасенія отъ совершеннаго плана организаціи. И этому, именно, психологическому состоянію Ленинъ обязанъ своимъ успѣхомъ въ кругу значительной части товарищей. Не то, чтобы онъ дѣйствительно изобрѣлъ какой-нибудь замѣчательный планъ или же самъ являлся выдающимся организаторомъ. Но онъ былъ единственный изъ насъ, который какъ разъ слабыя стороны нашего движенія, въ частности, внутреннее чувство безсилія нашихъ „практиковъ“, съумѣлъ использовать для себя, а можетъ быть, даже съ самаго начала систематически его эксплуатировалъ.

Я долженъ оборвать свое изложеніе, такъ какъ оно слишкомъ разростается. На этотъ разъ только еще нѣсколько строкъ.

По существу, наша программа и наша „строго-централистическая“ организація, пока, только—форма или оболочка, которую еще необходимо заполнить (въ практикѣ) соотвѣтственнымъ соціалдемократическимъ содержаніемъ. По своему соціальному характеру и историческимъ задачамъ, россійская соціалдемократія представляетъ собою нѣчто среднее, промежуточное,—ни рыба, ни мясо. Она является продуктомъ революціоннаго движенія интеллигенціи, искавшей, во имя соціализма, опору въ народныхъ массахъ, чтобы—объективно говоря—разрѣшить буржуазно-революціонную задачу. Но на этомъ пути она вызвала къ жизни рабочее движеніе и въ такой степени ассоціировалась съ марксизмомъ, что ей остается одна альтернатива: либо идти дальше до полнаго развитія въ дѣйствительно пролетарскую классовую партію, либо же, какъ организованное (политическое) цѣлое, такъ же исчезнуть съ исторической сцены, какъ въ свое время

исчезла „Народная Воля“ и другія народническія партіи. А между тѣмъ, именно въ послѣдніе годы она сдѣлала остановку въ развитіи пролетарскаго содержанія своей практики. А эта пріостановка—въ связи съ формальной побѣдой „Искры“ надъ „экономизмомъ“ и другими отсталыми теченіями въ нашей партіи—привела къ интеллектуальному регрессу; у большинства товарищей ихъ „ортодоксальный марксизмъ“ и „принципіальная выдержанность“ сводятся, какъ я уже выше говорилъ, къ такимъ общимъ, безсодержательнымъ представленіямъ, какъ „централизмъ“, „дисциплина“, „престижъ Ц. К.“ и т. п. банальностямъ. Русская поговорка гласитъ: „въ мутной водѣ легко рыбу ловить“. При такомъ состояніи нашей партіи легко вести бонапартистскую демагогическую политику и препятствовать концентраціи всѣхъ ея силъ надъ изысканіемъ путей и средствъ для поднятія ея на новую ступень развитія въ принципіально пролетарскомъ смыслѣ. Путемъ самокритики (прошедшаго и настоящаго партіи, ея односторонностей и пр.) мы обращаемъ вниманіе товарищей на жизненный вопросъ нашей партіи: „что и какъ должны мы сдѣлать для того, чтобы русская соціалдемократія (прежде чѣмъ наступилъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ) изъ промежуточнаго въ политическомъ отношеніи существа превратилась хоть отчасти въ дѣйствительную пролетарскую классовую партію“? Не рѣшивъ этой задачи, мы рискуемъ, что въ рѣшительный моментъ крупныя событія сметутъ ее съ исторической сцены. Постоянное указываніе на необходимость возможно болѣе скораго рѣшенія этой проблемы, разоблаченіе опасности, которою партіи угрожаетъ ея остановка на теперешней стадіи развитія, выясненіе тѣхъ средствъ и опорныхъ пунктовъ, которыми мы должны воспользоваться, чтобы проложить путь разрѣшенію этой проблемы—во всемъ этомъ заключается миссія, такъ называемаго, „меньшинства“ или оппозиціи. Ленинъ же и Комп. своими дезорганизаторскими методами и систематическимъ заподозриваніемъ нашихъ критическихъ и положительныхъ разъясненій толкаетъ партію не только къ расколу, но и къ полному разложенію.

Въ этомъ—истинный смыслъ и значеніе нашихъ „разногласій“. Послѣднія лишь отражаютъ элементарный историческій процессъ, о значеніи и смыслѣ котораго значительное большинство товарищей едва ли и имѣютъ какое-нибудь представленіе.

П. Аксельродъ.

Письмо къ товарищамъ-рабочимъ.

(Интеллигенты и рабочіе въ нашей партіи).

(15 декабря 1904 № 80).

Дорогіе товарищи!

На дняхъ мы выпускаемъ въ свѣтъ брошюру одного рабочаго, подъ заглавіемъ: «*Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ*». Рукопись этой брошюры получена была нами въ сопровожденіи письма отъ двухъ рабочихъ, конечно, соціалдемократовъ—въ которомъ они заявляютъ себя солидарными съ взглядами автора и заранѣе привѣтствуютъ появленіе ея въ печати. По всей вѣроятности, такой же пріемъ она встрѣтитъ у большинства изъ васъ, такъ какъ авторъ выступаетъ въ ней страстнымъ выразителемъ настроенія, несомнѣнно распространеннаго въ вашей средѣ, и горячимъ защитникомъ вашихъ правъ (собственно, обязанности) на непосредственное участіе во внутреннихъ дѣлахъ партіи. Авторъ требуетъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ называетъ „теоретиками меньшинства", указали „рабочимъ всей Россіи пути и средства" къ обезпеченію себѣ непосредственнаго вліянія на внутреннюю жизнь своей партіи: „Не ограничивайтесь, говоритъ онъ, воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ (т. е. интеллигентамъ. П. А.) о реформированіи практики, но... взывайте также къ пролетаріямъ"! Мы увидимъ, что авторъ впалъ въ крупное недоразумѣніе, предполагая, что мы обращаемся къ одной только интеллигенціи. Но нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ заявляетъ, что обращеніе партійныхъ литераторовъ, добивающихся дальнѣйшаго развитія нашей практики въ пролетарскомъ смыслѣ, спеціально и непосредственно къ товарищамъ-рабочимъ можетъ послужить имъ моральной поддержкой въ ихъ стремленіи къ повышенію своей самодѣятельности внутри нашихъ партійныхъ организацій.

Идя навстрѣчу желанію этихъ товарищей я намѣренъ въ рядѣ писемъ бесѣдовать съ вами о положеніи россійской соціалдемократіи, о насущныхъ вопросахъ и задачахъ, выдвинутыхъ передъ нею ходомъ общественной жизни и ея собственнаго развитія, о путяхъ и средствахъ для рѣшенія этихъ вопросовъ и

задачъ, наконецъ о событіяхъ, фактахъ и явленіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ интересамъ пролетаріата и къ его освободительному движенію.

Настоящее письмо я посвящаю спеціально тому вопросу, который является исходнымъ и центральнымъ пунктомъ брошюры, толкнувшей меня на мысль вступить въ спеціальную бесѣду съ вами на страницахъ „Искры".

Мы вступаемъ въ періодъ ликвидаціи самодержавнаго режима и сословнаго общественаго строя Россіи. Направленіе, ходъ и результаты этой ликвидаціи для пролетаріата зависятъ, главнымъ образомъ, отъ политической сознательности, энергіи и организованности, съ которыми онъ выступаетъ въ предстоящихъ событіяхъ, т. е. оттого, въ какой мѣрѣ соціалдемократіи удастся сплотить рабочія массы подъ своимъ знаменемъ въ самостоятельную политическую силу, способную энергично бороться съ абсолютизмомъ и отстаивать интересы своего класса противъ всѣхъ эксплуататорскихъ классовъ. Но именно вы, товарищи, больше всего можете сдѣлать для объединенія этихъ массъ въ такую партію. А это, разумѣется, недостижимо безъ вашего непосредственно участія и вліянія передовыхъ соціалдемократическихъ рабочихъ на всю нашу партійную жизнь. Къ такой активной роли въ партіи и призываетъ васъ авторъ брошюры.

На ряду съ другими знаменательными явленіями въ средѣ соціалдемократовъ-рабочихъ, брошюра эта указываетъ на ростъ вашего пролетарскаго самосознанія и на интенсивное стремленіе въ вашихъ рядахъ къ болѣе широкой и энергичной самодѣятельности внутри своей партіи. И само собою разумѣется, что всякій соціалдемократъ, сознательно и горячо преданный дѣлу политическаго возвышенія пролетаріата, не можетъ не привѣтствовать радостно этого стремленія, имѣющаго значеніе первостепенной важности именно въ настоящій моментъ, когда, какъ я уже выше сказалъ, отъ широкой иниціативы и активности нашихъ соціалдемократическихъ рабочихъ въ чрезвычайно высокой степени зависитъ ближайшая судьба нашей партіи и роль пролетарскихъ массъ въ предстоящихъ генеральныхъ битвахъ демократіи съ абсолютизмомъ.

Но тутъ самъ собою навязывается такой вопросъ: не странно-ли въ высшей степени, что сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ Россійской соціалдемократической партіи, должны еще только стремиться къ пріобрѣтенію непосредственнаго

вліянія на ходъ дѣлъ въ ней, что широкое и прямое участіе ихъ въ опредѣленіи формъ и содержанія дѣятельности партіи, членами которой они состоятъ, что это участіе является не реальнымъ фактомъ, а только еще вопросомъ, поставленнымъ лишь на очередь и ждущимъ еще своего разрѣшенія?

Соціалдемократія, стремящаяся къ соціалистической революціи и признающая, что эта революція „можетъ быть дѣломъ только самого рабочаго класса", овладѣвшаго государственной властью, соціалдемократія въ силу, однимъ словомъ, принциповъ и требованій своей собственной программы должна быть ничѣмъ инымъ, какъ политической организаціей соціалистическаго пролетаріата. И такой организаціей она въ самомъ дѣлѣ и является во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы и Америки. Международная соціалдемократія, однимъ изъ отрядовъ которой признаетъ себя и наша партія, объединяетъ въ себѣ наиболѣе сознательные и революціонные элементы пролетаріата, руководящіе имъ въ борьбѣ за его освобожденіе, и потому самому непосредственно вліяющіе на всю внутреннюю жизнь и дѣятельность организацій, къ которымъ они принадлежатъ. Или, точнѣе говоря, они-то сами, непосредственно, своей мыслью и своей волей, всецѣло и опредѣляютъ характеръ, направленіе, пути и практическія задачи своихъ партійныхъ организацій. Въ силу какихъ же причинъ наша партія оказывается лишенной этой существенной черты интернаціональной соціалдемократіи, той именно черты, обладаніе которой и дѣлаетъ изъ нея международную армію соціально-революціоннаго пролетаріата? Въ рѣшеніи этого вопроса лежитъ ключъ и къ рѣшенію вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ организаціяхъ, имѣющаго, какъ говоритъ авторъ брошюры, „чуть ли не самое важное значеніе въ нашей партійной жизни". Къ сожалѣнію, вниманіе автора всецѣло сосредоточено не на первомъ, а на послѣднемъ вопросѣ. Это вполнѣ понятно и простительно. Прежде чѣмъ вникнуть въ коренныя причины и происхожденіе угнетающаго ихъ зла, люди начинаютъ протестовать и бороться противъ самаго этого зла или, вѣрнѣе, противъ тѣхъ его непосредственно-осязательныхъ формъ и проявленій, которыя сами собою бросаются въ глаза и особенно больно даютъ имъ себя чувствовать.

Пролетаріи, сознательно работающіе въ рядахъ россійской соціалдемократіи, чувствуютъ себя какъ бы граждански и политически неравноправными въ ней. Это чувство особенно обо-

стрилось подъ вліяніемъ нашего внутри-партійнаго кризиса, парализовавшаго ея силы какъ разъ въ такой моментъ, когда она обязана была всецѣло направить ихъ на мобилизацію и организацію рабочихъ массъ для рѣшительнаго натиска на самодержавный „режимъ“. Непосредственно соприкасаясь съ этими массами, видя стихійный ростъ ихъ недовольства, испытывая на каждомъ шагу, изо дня въ день, совершенную невозможность использовать это недовольство—благодаря воцарившемуся въ партіи хаосу и бездѣятельности многихъ комитетовъ, вы, естественно, особенно сильно начали тяготиться своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ ней въ роли „периферіи“, получающей указанія „сверху“, но лишенной, такъ сказать, законныхъ средствъ съ своей стороны давать властныя указанія руководящимъ партійнымъ организаціямъ. Весною, въ одномъ и томъ же номерѣ „Искры“ появилось письмо въ редакцію отъ кіевскаго комитета и корреспонденція изъ Ростова (присланная однимъ изъ членовъ тамошняго комитета), въ которыхъ съ горечью указывалось на то, что наши общія нужды еще менѣе удовлетворяются, чѣмъ когда бы то ни было, что со времени съѣзда „наша партія сдѣлала колоссальный шагъ... назадъ“, „что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не получается“ ни одного фунта литературы, а „Искра“ получается лишь въ отдѣльныхъ экземплярахъ. „Но поразительнѣе всего было то, что въ эту же эпоху цѣлый рядъ комитетовъ, не смущаясь полнѣйшимъ застоемъ въ выполненіи ими своихъ самыхъ элементарныхъ, самыхъ простыхъ и неотложныхъ обязанностей (обезпеченіе себя необходимой литературой, регулярное распространеніе ея, устная пропаганда) занимались составленіемъ резолюцій для выраженія строгаго порицанія редакціи партійнаго органа, во имя „дисциплины“ и „принципіальной выдержанности“, (!) за то, что она старалась безпощадно вскрывать истинное значеніе, источники и опасности нашего партійнаго кризиса и поддерживала тѣхъ товарищей, которые пытались удовлетворить запросу на литературу своими усиліями, наперекоръ противодѣйствію партійныхъ учрежденій, на которыхъ эта обязанность лежала и лежитъ. А вамъ, товарищи, приходилось при этомъ играть роль безпомощной, безгласной массы, которой даже и не полагалось знать, что происходитъ за кулисами, какъ и откуда взялась эта безурядица, влекущая партію ко дну. Брошюра является полнымъ негодованія протестомъ противъ этого положенія рабочихъ въ партіи, водрузившей знамя классовыхъ интересовъ пролетаріата и

дѣйствующей отъ его имени. Товарищи-рабочіе чувствуютъ и сознаютъ себя неполноправными гражданами своей собственной партіи, а авторъ брошюры требуетъ уравненія ихъ въ правахъ съ „интеллигентами“. „Правильнымъ рѣшеніемъ“ вопроса объ устраненіи „антагонизма между рабочими и интеллигентами, заявляетъ онъ, мы сразу освободимъ нашу партію отъ тѣхъ язвъ, кризисовъ и шатаній, которыми такъ изобилуетъ ея краткая „жизнь“ и „тѣмъ самымъ будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы“.

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ—вотъ что можно сказать по поводу выясненія всѣхъ стоящихъ передъ партіей задачъ къ вопросу объ „антагонизмѣ между рабочими и интеллигентами“, стоящими въ ея рядахъ. Какъ, однако, ни важенъ этотъ вопросъ, онъ тѣмъ не менѣе, не только не охватываетъ главныхъ, или точнѣе, главной очередной нашей задачи, но, наоборотъ, самъ входитъ въ нее, какъ составная часть, и внѣ ея, самостоятельно, въ соціалдемократическомъ смыслѣ, радикально не можетъ быть и разрѣшенъ. Въ высшей степени прогрессивное и отрадное стремленіе нашихъ передовыхъ соціалдемократическихъ рабочихъ обезпечить себѣ полную возможность активнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ дѣлъ своей партіи принимаетъ въ брошюрѣ форму односторонняго протеста противъ какъ бы сознательнаго намѣренія „интеллигентовъ“ — соціалдемократовъ во что бы то ни стало закрѣпить за собою свое привилегированное положеніе въ партіи и всякими средствами удержать пролетаріевъ въ роли подчиненныхъ и послушныхъ имъ „помощниковъ“.

Сосредоточивая все свое вниманіе на конкретномъ, особенно больно бьющемъ въ глаза проявленіи зла, а не на корнѣ или источникѣ его, нашъ авторъ, да и не онъ одинъ, а, навѣрное, многіе товарищи, склоненъ перенести вопросъ объ его устраненіи цѣликомъ въ область формально-организаціонныхъ отношеній.

Стоитъ только измѣнить составъ нашихъ руководящихъ организацій такимъ образомъ, чтобы численно въ нихъ преобладали рабочіе—и все пойдетъ отлично въ партіи: „Этимъ мы сразу освободимъ“ ее отъ всѣхъ „язвъ, кризисовъ и шатаній“, и даже „будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы“,—таковъ практическій выводъ, диктуемый одностороннимъ отношеніемъ автора къ вопросу объ относительной роли рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ. Онъ какъ

будто не замѣчаетъ, что общую принципіальную задачу „реформированія нашей практики“ онъ подмѣнилъ частной задачей „уравненія въ правахъ“ соціалдемократовъ-рабочихъ съ ихъ товарищами изъ интеллигенціи, задачей, которая можетъ быть радикально рѣшена именно въ процессѣ дальнѣйшаго развитія этой практики въ соціалдемократическомъ направленіи, а отнюдь не самостоятельно, какъ нѣчто самодовлѣющее, независимое отъ этого процесса.

Къ чему должна была бы привести на практикѣ, въ чемъ должна была бы выразиться тенденція сводить всѣ наши очередныя задачи къ измѣненію состава нашихъ „партійныхъ организацій“ и самый вопросъ о поднятіи иниціативы и самодѣятельности рабочихъ внутри партіи формулировать и рѣшать, какъ вопросъ о доставленіи послѣднимъ численнаго преобладанія въ этихъ организаціяхъ надъ „интеллигентами?..“ Во первыхъ, воскресъ бы къ новой жизни блаженной памяти „демократизмъ“, несовмѣстимый съ условіями существованія революціонныхъ организацій при абсолютизмѣ [1]) и потому на практикѣ всегда вырождающійся въ противоположность, служа при этомъ ширмой для честолюбивыхъ интригановъ и открывая даже доступъ въ организацію ловкимъ провокаторамъ. Во-вторыхъ, разгорѣлась бы борьба сторонниковъ мнимаго „демократизма“ въ партійной организаціи съ его противниками. И въ еще гораздо большей степени, чѣмъ лозунгъ „чисто рабочее движеніе“ эпохи „экономизма“, кличъ: „да здравствуютъ истинные пролетаріи, долой интеллигентовъ!“ сталъ бы для всевозможныхъ демагоговъ средствомъ развращенія рабочихъ и дезорганизаціи партіи. Читатели, помнящіе еще подвиги полицейскихъ демагоговъ зубатовской школы, легко представятъ себѣ, въ какомъ смыслѣ могли бы использовать партійныя междуусобія на указанной почвѣ представители реакціи. Но еще болѣе опаснымъ для партіи орудіемъ междуусобія эти явились бы въ рукахъ разныхъ честолюбцевъ, преслѣдующихъ личныя цѣли, и тѣхъ ея демократическихъ противниковъ, которые, въ силу спутанности своихъ понятій объ историческихъ условіяхъ и процессѣ подготовленія соціальной революціи, возлагаютъ всѣ свои надежды на стихійныя возстанія самыхъ отсталыхъ, наиболѣе

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь о томъ предположеніи, что абсолютизмъ продолжаетъ существовать и соціалдемократическая партія продолжаетъ дѣйствовать, какъ нелегальная организація. При измѣненіи этихъ условій и самый вопросъ, выдвинутый авторомъ, потеряетъ свое значеніе.

безсознательныхъ и прямо одичалыхъ элементовъ народныхъ массъ. Словомъ, къ старымъ „язвамъ, кризисамъ и шатаніямъ“ нашей партіи присоединились бы новые, еще болѣе глубокіе, зловредные и прямо разрушительные для нея [1]).

На самомъ авторѣ брошюры одностороннее увлеченіе мыслью объ измѣненіи, такъ сказать, „правового“ положенія рабочихъ „въ нашихъ организаціяхъ“ вредно отразилось, между прочимъ, тѣмъ, что онъ проглядѣлъ въ „Искрѣ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ редакціей Ц. О., все то, что тамъ говорится о путяхъ и средствахъ для „самопреобразованія“ Россійской соціалдемократіи въ чисто-пролетарскую партію. И подъ вліяніемъ того же настроенія, которое породило это увлеченіе, онъ дѣлалъ по адресу редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ центральнаго органа упрекъ въ томъ, что они будто бы „обращаются исключительно (курсивъ мой, П. А.) къ интеллигенціи“. „Не ограничивайтесь—обращается онъ къ намъ—воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ [2]) о реформированіи нашей практики; но, на ряду съ ними, взывайте также и къ пролетаріямъ“. Но развѣ „Искра“—органъ спеціально для интеллигенціи, хотя бы и соціалдемократической? И развѣ брошюры, выходящія изъ партійной типографіи, предназначаются для однихъ только „интеллигентовъ?“ Вѣдь „Искра“ органъ всей партіи, т. е. всей той совокупности лицъ, которая признаетъ нашу программу и работаетъ на пользу пролетаріата подъ руководствомъ партійныхъ организацій. Въ вопросахъ нашей внутрипартійной жизни верховными судьями являются одни лишь члены партіи, и никто другой, а потому, трактуя объ ея внутреннихъ отношеніяхъ,—дѣлахъ, потребностяхъ и задачахъ („реформированіе практики“), „Искра“ прежде всего, и главнымъ образомъ, обращается къ товарищамъ, не дѣлая различія между „интеллигентами“ и рабочими. Лица,

---

[1]) Напомню, кстати, что англійскіе профессіональные рабочіе союзы—организаціи „чисто“ пролетарскія, по составу не только массы своихъ членовъ, но и стоящихъ во главѣ ихъ учрежденій. Но онѣ до сихъ поръ еще очень чужды ученіямъ соціалдемократіи и, наоборотъ, находятся подъ самымъ сильнымъ умственнымъ и политическимъ вліяніемъ „интеллигенціи“, но только не идейно соціалдемократической, а самой что ни на есть буржуазной. Формально организаціонная самостоятельность рабочихъ, на практикѣ, при извѣстныхъ условіяхъ прекрасно уживается съ подчиненіемъ ихъ политической и умственной опекѣ буржуазныхъ „интеллигентовъ“.

[2]) Т. е. къ „интеллигентамъ“.

стоящія внѣ лагеря соціалдемократіи, не признающія ея принциповъ и практическихъ задачъ, не могутъ претендовать на рѣшающій голосъ въ ея внутреннихъ дѣлахъ, хотя бы они были и рабочіе. И наоборотъ, товарищи, отдавшіе всѣ свои силы дѣлу классоваго воспитанія и политическаго объединенія пролетаріата, хотя бы они были „интеллигентами", являются такими же полноправными судьями въ этихъ дѣлахъ, какъ и товарищи-рабочіе. Поэтому, вскрывая и критикуя ошибки и недостатки Россійской соціалдемократіи, обсуждая и намѣчая пути и средства къ ихъ устраненію, указывая новыя задачи, выдвигающіяся передъ ней—ея собственнымъ развитіемъ и ходомъ общественной жизни,—„Искра", какъ центральный органъ партіи, никоимъ образомъ не можетъ „ограничиваться воззваніями" къ одной только интеллигенціи, или—къ однимъ лишь рабочимъ, а, наоборотъ, должна взывать ко всѣмъ нашимъ „практикамъ", къ какому бы классу они, по своей профессіи или общественному положенію, ни принадлежали. Въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ группа „Освобожденіе Труда", положившая начало соціалдемократическому движенію въ Россіи, неоднократно обращалась спеціально къ „рабочей интеллигенціи". Но въ то время у насъ еще не было соціалдемократической партіи. Мало того, радикальная интеллигенція, въ цѣломъ, враждебно отнеслась тогда къ самой мысли о дѣятельности въ пользу самостоятельнаго рабочаго движенія въ современной Россіи и революціонная партія была цѣликомъ партіей интеллигентской, совершенно оторванной отъ пролетаріата, даже въ принципѣ отрицавшей законность стремленія къ превращенію ея въ политическую организацію рабочаго класса. Наконецъ, большинство даже наиболѣе передовыхъ рабочихъ, по своему развитію, сильно отставало отъ соціалистической интеллигенціи, пожалуй, не многимъ меньше, чѣмъ въ настоящее время масса пролетаріевъ, читающихъ одни только нелегальные листки и популярныя брошюрки, отстаютъ отъ вполнѣ сознательныхъ соціалдемократовъ—рабочихъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ кореннымъ образомъ измѣнилось съ того времени, когда группа „Освобожденіе Труда" выступила съ пропагандой соціалдемократическихъ ученій. Сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ нашей партіи, не могутъ, поэтому, и не имѣютъ права выключать себя изъ того круга читателей, къ которымъ ея центральный органъ спеціально обращается, когда дѣло касается жизненныхъ интересовъ пролетаріата и соціалдемократіи. Не

имѣютъ права именно потому, что, какъ совершенно справедливо говоритъ нашъ авторъ, отъ сознательнаго и активнаго участія передовыхъ соціалдемократическихъ рабочихъ въ обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ зависитъ дальнѣйшая судьба Россійской соціалдемократіи. Кромѣ того, выключая себя изъ круга тѣхъ членовъ партіи, къ которымъ обращается ихъ Центральный органъ, они тѣмъ самымъ зачислили бы себя въ разрядъ „незрѣлыхъ“ элементовъ ея, даже и не претендующихъ на то, чтобы съ ними говорили, какъ съ политически-взрослыми, полноправными членами партіи.

Я уже замѣтилъ, что вопросъ, спеціально занимающій автора брошюры, радикально можетъ быть разрѣшенъ только въ процессѣ сознательной коллективной работы нашей партіи, систематически направленной на организацію и на вовлеченіе все болѣе и болѣе широкихъ массъ пролетаріата въ сознательную и организованную борьбу за свои классовые интересы, имѣющую своею конечной цѣлью революціонное ниспроверженіе буржуазнаго строя и замѣну его соціалистическимъ. Только на почвѣ и въ атмосферѣ этой борьбы происходитъ процессъ развитія классоваго самосознанія и объединенія пролетарскихъ массъ въ самостоятельную политическую партію. Или точнѣе—этотъ процессъ и эта борьба покрываютъ другъ друга; можно даже сказать, это—различныя названія для одного и того же историческаго явленія или факта. И именно въ процессѣ развитія классовой самодѣятельности рабочихъ массъ, выступая иниціаторами, руководителями и организаторами ихъ въ борьбѣ за экономическіе, политическіе и умственные интересы пролетаріата, наша „рабочая интеллигенція“ можетъ,—поглощая въ себѣ „интеллигентовъ“ и тѣмъ самымъ сливаясь съ ними—пріобрѣсть то положеніе въ Россійской соціалдемократіи, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы ея программѣ и ея принципіальному назначенію, какъ партіи пролетаріата. Неутомимо работая надъ вовлеченіемъ все болѣе широкихъ слоевъ его въ организованную борьбу съ ихъ экономическими эксплуататорами и политическими угнетателями, напрягая всѣ свои силы на поднятіе умственнаго уровня и политической самодѣятельности этихъ слоевъ, на увеличеніе боевыхъ средствъ и на объединеніе своего класса въ сознательно-революціонную силу, противостоящую всѣмъ другимъ классамъ и партіямъ, вы, товарищи, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе будете расширять и свой политическій кругозоръ, развивать въ себѣ иниціативу, энергію и органи-

заторскія способности, пріобрѣтете вѣру въ свои собственныя силы и, вмѣстѣ съ товарищами „интеллигентами“, станете на дѣлѣ, въ настоящемъ смыслѣ слова, интеллигенціей рабочаго класса.

Я уже упоминалъ о томъ, что группа „Освобожденіе Труда“ неоднократно обращалась спеціально къ передовымъ рабочимъ. Въ этихъ обращеніяхъ указывалось имъ и на тотъ путь революціонной самодѣятельности, который только что намѣченъ и который представляетъ собою исторически—нормальный путь образованія соціалдемократическихъ партій на Западѣ и одинъ только и можетъ привести и приведетъ къ радикальному устраненію того „антагонизма между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ“, который такъ больно даетъ себя чувствовать нашей партіи. Такъ, напр., уже черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ брошюры Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба“, открывающей собою начало эпохи соціалдемократическаго движенія въ Россіи, группа „Освобожденіе Труда“, въ объявленіи объ изданіи „Рабочей библіотеки“ [1]), обращалась спеціально къ „рабочей интеллигенціи“ съ призывомъ взять на себя дѣло объединенія нашего пролетаріата въ самостоятельную революціонную силу. Для того, чтобы рабочій классъ своевременно могъ пріобрѣсть значеніе крупной политической силы въ періодъ крушенія абсолютизма, сказано въ объявленіи, „революціонеромъ необходимо съ гораздо большей серьезностью и упорствомъ приняться за дѣло пропаганды соціализма въ его средѣ и объединенія его въ тайные союзы, съ ясно продуманными цѣлями и средствами борьбы“. Подъ „революціонерами“ подразумѣваются здѣсь соціалистическіе элементы, какъ въ „интеллигенціи“, такъ и среди интеллигентныхъ рабочихъ. Но, сказано дальше, „обязанность эта прежде всего и главнымъ образомъ падаетъ на рабочую интеллигенцію и особенно на ея наиболѣе развитыхъ и смѣлыхъ представителей... Она сама должна проникнуться той мыслью, что серьезное и неустанное подготовленіе рабочаго класса къ его великой исторической роли представляетъ собою одно изъ необходимѣйшихъ условій для обезпеченія трудящихся массъ Россіи отъ гибельныхъ ошибокъ, отъ обмановъ и насилій со стороны эксплуататорскихъ классовъ. И вотъ, во имя и ради задачи „подготовленія рабочихъ промышленныхъ центровъ“

[1]) „Объявленіе“ напечатано при моей брошюрѣ: „Рабочее движеніе и соціалдемократія“, первомъ выпускѣ названнаго изданія. Брошюра эта появилась въ свѣтъ въ концѣ 1884 г.

къ ихъ исторической миссіи руководителей народныхъ массъ въ борьбѣ „съ врагами народнаго благосостоянія“ мы предлагали передовымъ рабочимъ:

„Вмѣсто того, чтобы тащиться въ хвостѣ такъ называемыхъ интеллигентныхъ кружковъ“ они должны „направить всѣ свои усилія на образованіе одного самостоятельнаго рабочаго союза или рабочей партіи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражали увѣренность, что „искренніе друзья народной самодѣятельности изъ высшихъ и среднихъ классовъ не замедлятъ... поддержать усилія рабочей интеллигенціи на этомъ пути“.

Въ дѣйствительности, однако, объединяющимъ и организующимъ элементомъ въ процессѣ образованія нашей партіи явились именно интеллигенты, на долю же „разрозненныхъ единицъ и кружковъ соціалдемократовъ рабочихъ“ выпала роль только „помощниковъ“.

Что же мѣшало сознательно-революціоннымъ представителямъ пролетаріата, самимъ или вмѣстѣ съ лучшими представителями интеллигенціи, взять на себя роль иниціаторовъ и организаторовъ нашего соціалдемократическаго движенія? Очевидно, было бы слишкомъ уже просто и нелѣпо объяснить этотъ фактъ какими-нибудь прирожденными свойствами нашихъ сознательныхъ революціонныхъ пролетаріевъ и вообще ихъ личными недостатками. Но точно также вульгарно и нелѣпо было бы дѣлать въ данномъ случаѣ „интеллигентовъ“ лично отвѣтственными, взваливать всю вину на нихъ, какъ на представителей непролетарскихъ классовъ, и видѣть корень явленія въ ихъ злой волѣ, въ ихъ преднамѣренномъ стремленіи держать рабочихъ въ черномъ тѣлѣ и всячески устранять ихъ отъ руководящихъ функцій. Люди, душой и тѣломъ отдавшіеся дѣлу подготовленія рабочаго класса къ пролетарской революціи путемъ организаціи его въ самостоятельную политическую силу, такіе люди должны были стремиться къ развитію самостоятельности и самодѣятельности передовыхъ рабочихъ и уже никоимъ образомъ не могли себѣ ставить цѣлью систематическое подавленіе той и другой [1]).

---

[1]) Я говорю объ общемъ, такъ сказать, принципіальномъ отношеніи соціалдемократической интеллигенціи къ сознательно-революціоннымъ пролетаріямъ. Что на практикѣ тѣ или другіе представители ея, въ силу своихъ личныхъ свойствъ или создавшихся партійнымъ развитіемъ привычекъ и отношеній, могли фактически тормозить развитіе инициативы и самодѣятельности этихъ пролетаріевъ внутри партіи, это не подлежитъ

Но, если ни сознательные рабочіе, ни соціалдемократы-интеллигенты не могутъ считаться главными виновниками того факта, что первые играли подчиненную роль въ процессѣ образованія нашей партіи, то корень этого факта, очевидно, приходится искать въ историческихъ условіяхъ, опредѣлившихъ ходъ ея развитія. Въ этихъ же условіяхъ коренится и источникъ тѣхъ отношеній „между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ", которыми теперь такъ тяготятся соціалдемократическіе пролетаріи, а вмѣстѣ съ ними и наиболѣе передовые товарищи—„интеллигенты". Но въ такомъ случаѣ самъ собой рождается другой вопросъ: измѣнились-ли условія существованія и развитія нашего движенія настолько, что стремленіе, воодушевляющее наиболѣе сознательныхъ представителей его и проникающее собою брошюру, по поводу которой я пишу эти строки, имѣетъ реальную почву для своего осуществленія? Другими словами: назрѣли-ли уже условія для выполненія нашими товарищами-рабочими (разумѣется, совмѣстно съ остальными членами партіи) той миссіи по отношенію къ своему классу, которую группа „Освобожденіе Труда" предлагала ихъ предшественникамъ взять на себя? Наконецъ, если условія для осуществленія этой миссіи имѣются уже налицо, то спрашивается: какіе же пути и средства, какіе формы и методы революціонной борьбы наиболѣе цѣлесообразны для преслѣдованія ея?

Обо всѣхъ этихъ вопросахъ у меня будетъ идти рѣчь въ слѣдующихъ письмахъ.

П. Аксельродъ.

сомнѣнію. Но явленія такого рода были не причиной, а слѣдствіемъ того факта, что передовые рабочіе играли подчиненную, такъ сказать, служебную роль въ процессѣ образованія своей партіи.

Политическія письма.

(3-го марта 1905-го года, № 90)

I.

На далекомъ Востокѣ закончилось общее сраженіе,—первое послѣ паденія Портъ-Артура и, безспорно, послѣднее въ длинномъ ряду бюрократическаго военнаго позора.

Разгромъ арміи Куропаткина окончательно рѣшаетъ судьбу всей войны, съ которой самодержавное правительство такъ тѣсно сплело свою собственную судьбу.

Рѣшительная минута гибели абсолютизма все ближе и ближе. Онъ чувствуетъ это, но онъ хочетъ жить. За его спиной вѣка, и эти вѣка выработали въ немъ могучую привычку руководить, властвовать, рѣшать, терзать, давить,—словомъ, жить. Весь его грандіозный, многочленный, вѣтвистый организмъ сверху до низу пропитанъ однимъ инстинктомъ жизни. Этотъ жадный инстинктъ его покинетъ лишь вмѣстѣ съ самой жизнью, а жизни онъ дешево не отдастъ. Онъ показалъ это—и какъ показалъ!—въ Петербургѣ, въ Варшавѣ, Лодзи, Ригѣ, онъ показалъ это, пославъ,—безъ всякой надежды на успѣхъ,—новый военный флотъ къ печилійскимъ водамъ и затѣявъ,—послѣ паденія Портъ-Артура,—новое сраженіе, еще невиданныхъ, вѣроятно, въ исторіи размѣровъ, на кровавой манчжурской рѣкѣ Шахэ. Онъ доказываетъ это погромами въ Баку и Ѳеодосіи.

Абсолютизмъ дезорганизованъ. Отдѣльные члены его дѣйствуютъ несогласованно, противорѣчатъ другъ другу и борются другъ съ другомъ: обѣщаютъ законность и устраиваютъ погромы, заигрываютъ съ идеей Земскаго Собора и усугубляютъ практику осаднаго положенія, готовятся уничтожить цензуру и давятъ газеты, ласкаютъ либераловъ и разстрѣливаютъ рабочихъ, давятъ либераловъ, которые сочувствуютъ рабочимъ, и ласкаютъ рабочихъ, чтобы отвоевать ихъ у революціонеровъ и либераловъ. Тутъ тысяча противорѣчій, но все это лишь потому, что врагъ самъ выступаетъ въ тысячѣ противорѣчивыхъ видовъ—какъ земецъ, журналистъ, студентъ, террористъ, рабочій—и не даетъ накинуть на себя одну общую петлю. Инстинктъ самосохраненія объединяетъ разрозненные

акты правительственной политики и заставляетъ это правительство, чуть вопросъ ставится остро, неизмѣнно пускать въ дѣло послѣдніе рѣшающіе факторы: пулю и штыкъ. Калейдоскопическая смѣна правящихъ персонажей ничего уже не способна измѣнить въ этой суровой игрѣ, гдѣ ставкой является жизнь. Деспотизмъ потерялъ всякую возможность справиться съ общенароднымъ движеніемъ путемъ сдѣлки, и ему остается лишь борьба, безпощадная, до конца, доколѣ не сломается окровавленный штыкъ послѣдняго вѣрнаго солдата.

Несмотря на упорныя усилія полицейскаго государства удержать общественныя силы въ равновѣсіи покоя, капитализмъ дѣлалъ свое дѣло: онъ заставилъ порожденные имъ классы бороться путемъ революціи за свое политическое самоопредѣленіе. Нынѣ абсолютизмъ стоитъ предъ революціей, какъ уже готовымъ фактомъ. Соціальныя силы въ движеніи. Онѣ сталкиваются, и ихъ столкновенія высѣкаютъ пламя. Мѣры „мирной“ полицейской нормировки теряютъ, поэтому, всеопредѣляющее значеніе въ глазахъ самого абсолютизма. Его вниманіе переносится отъ полицейской и цензурной рутины къ мѣрамъ широкаго размаха, которыя отвѣчали бы запросамъ и затрудненіямъ, поставленнымъ революціонной эпохой. Наверху, вокругъ правящаго центра, различныя коммиссіи и совѣщанія готовятъ всевозможныя облегченія, послабленія и упорядоченія,—а внизу тотъ-же аппаратъ, гонимый инстинктомъ самосохраненія, совершаетъ ужасающіе эксперименты съ цѣлью заставить служить себѣ силы и явленія, созданныя самой революціей. Абсолютизмъ снова и снова пытается наиболѣе отсталыя массы, пробужденныя революціей къ жизни, двинуть противъ революціонно-сознательныхъ слоевъ. Столкнуть въ жестокомъ бою стихійные кадры революціи съ ея сознательнымъ авангардомъ, создать общую панику, вызвать въ обществѣ страхъ предъ идущей снизу анархіей, обезкровить революцію и на ея трупахъ и обломкахъ, цементированныхъ кровью, возстановить полицейское равновѣсіе,—такова грозная задача, которую теперь на практикѣ разрѣшаетъ режимъ все въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ Тамбовѣ, Москвѣ, Курскѣ, Псковѣ, Казани полиція открыто организуетъ готовые на все городскіе отбросы для избіенія земцевъ, студентовъ и даже гимназистовъ. Въ Ѳеодосіи и Баку, гдѣ пришлось имѣть дѣло не съ земцами и гимназистами, а съ мятежными рабочими массами, азартная игра абсолютизма привела къ неудержимымъ вулканическимъ взрывамъ народной ярости. Въ Ѳеодосіи полиція на почвѣ возбу-

жденія, вызваннаго всеобщей стачкой, организуетъ еврейскій погромъ. Въ Баку она при тѣхъ же условіяхъ завершаетъ неслыханнымъ избіеніемъ, давшимъ до 500 жертвъ, свою долгую работу натравливанія наиболѣе темныхъ элементовъ населенія, персовъ, татаръ и турокъ, противъ сплошь оппозиціоннаго и революціоннаго армянскаго населенія. И это, разумѣется, не послѣдніе опыты. Путь, на который абсолютизмъ сдвинутъ открывшейся революціей, не знаетъ ни остановки, ни возврата. Этотъ путь упирается въ столкновеніе всѣхъ силъ его со всѣми силами революціи. Не реформаторскія комиссіи Кобеко и Шидловскаго указуютъ политическую орбиту абсолютизма, а, леденящія кровь, событія въ Ѳеодосіи и Баку. Это должно стать ясно всякому, эту мысль нужно нести въ народныя массы. Ничто не можетъ быть въ настоящее время утопичнѣе и безпочвеннѣе, чѣмъ тактика, разсчитанная на соглашеніе и аппелирующая къ такъ называемому „государственному смыслу“ правительствующихъ сферъ. Живущія этой тактикой политическія группы будутъ безжалостно размолоты жерновами революціи...

Что можетъ отклонить развитіе отъ революціоннаго пути?

Созывъ земскаго собора на такихъ началахъ, какіе могъ бы принять абсолютизмъ, такъ же мало способенъ измѣнить отношенія между нимъ и націей, какъ и одно счастливое сраженіе. Дарованіе каррикатуры парламентаризма, можетъ быть, отбросило бы въ лагерь правительственнаго „порядка“ наиболѣе косную группу земской оппозиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтило бы болѣе рѣшительно дальнѣйшіе этапы революціи. Такой земскій соборъ не многимъ болѣе способенъ нынѣ стать формой примиренія и единенія, чѣмъ военная диктатура Трепова: народъ сосредоточитъ свою революціонную ненависть на соборѣ. Созывъ земскаго собора лишается, такимъ образомъ, для абсолютизма всякаго серьезнаго значенія. Правительству остается лишь борьба до конца. Такъ говоритъ историческая логика.

И въ то время, какъ по рѣкѣ Шахэ разрозненныя авангардныя стычки превращаются въ колоссальную общую бойню по всему стоверстному фронту,—внутри страны совершается могучая напряженная работа, которая подготовляетъ кульминаціонный моментъ революціи, открытое сраженіе съ силами реакціи по всему фронту.

Послѣ 9 января революція уже не знаетъ остановки. Она уже не ограничивается подземной, скрытой для глазъ, работой возбужденія все новыхъ народныхъ массъ,—она перешла къ открытой

и спѣшной перекличкѣ своихъ боевыхъ ротъ, полковъ, батальоновъ и корпусовъ. Главную силу ея арміи составляетъ пролетаріатъ, поэтому средствомъ своей переклички революція дѣлаетъ стачку.

Профессія за профессіей, фабрика за фабрикой, городъ за городомъ бросаютъ работу. Желѣзнодорожный персоналъ выступаетъ застрѣльщикомъ стачки, желѣзнодорожныя линіи являются путемъ стачечной эпидеміи. Предъявляются экономическія требованія, которыя почти сейчасъ же удовлетворяются вполнѣ или отчасти. Но ни начало стачки, ни конецъ ея не обусловливаются въ полной мѣрѣ характеромъ предъявленныхъ требованій и формой ихъ удовлетворенія. Каждая отдѣльная стачка возникаетъ не потому, что повседневная экономическая борьба уперлась въ опредѣленныя требованія,—наоборотъ: требованія подбираются и формулируются потому, что нужна стачка. Нужно предъявить самимъ себѣ, пролетаріату другихъ мѣстъ, наконецъ, всему народу, свои накопленныя силы, свою боевую отзывчивость и боевую готовность,—нужна всеобщая революціонная ревизія. И сами стачечники и тѣ, которые ихъ поддерживаютъ, и тѣ, которые имъ сочувствуютъ, и тѣ, которые ихъ боятся, и тѣ, которые ихъ ненавидятъ,—всѣ понимаютъ или смутно чувствуютъ, что эта бѣшеная стачка, которая мечется съ мѣста на мѣсто, останавливается, кружится, снова снимается и возвращается на покинутое мѣсто, потомъ срывается и вихремъ мчится впередъ,—всѣ понимаютъ или чувствуютъ, что она не отъ себя, что она творитъ лишь волю пославшей ее революціи. Надъ операціоннымъ полемъ стачки—а это вся страна—нависаетъ что-то грозное, зловѣщее, напоенное дерзостью. Это пороховая атмосфера надвигающагося сраженія.

Послѣ 9 января революція уже не знаетъ остановки. Не заботясь о военной тайнѣ, открыто и шумно, издѣваясь надъ рутиной жизни, разгоняя ея гипнозъ, она ведетъ насъ къ своему кульминаціонному пункту.

Н. Троцкій

II.

(№ 93 17-го марта 1905 года).

Итакъ, задачей нашей является не только „развязать“ революцію, но и подготовить условія ея побѣды. Такъ ставитъ, и вполнѣ правильно ставитъ, вопросъ статья № 87; можно даже, пожалуй, пойти дальше и сказать: „развязывать“ революцію не приходится, ибо она уже „развязана“, — вся задача сводится къ тому, чтобы подготовить ея побѣду. Какъ? Внесеніемъ въ „развязавшуюся“ революціонную стихію элементовъ политической и технической организованности. Говоря кратко, это значитъ организовать революцію. Такъ именно ставила вопросъ статья тов. Парвуса „Итоги и перспективы“, — и несогласіе съ ней редакціи оказалось чистымъ недоразумѣніемъ, устраненнымъ нынѣ цитированной выше статьей.

Нѣтъ спора, можно написать очень интересную марксистскую статью на тему о томъ, что революцію нельзя сдѣлать какъ чайникъ или кусокъ ситцу, но когда революція уже дѣлается, когда революціонерамъ нужно заботиться не о развязываніи, а о развязкѣ ея, тогда практически-плодотворны будутъ только писанія, посвященныя вопросу: какъ подготовить благопріятную развязку, т. е. какъ организовать революцію. Да, какъ организовать революцію?

Революція не одно и то же, что отдѣльное активное выступленіе. На эту тему тоже можно написать одну, а то и двѣ безукоризненныя статьи. Революція есть сложный, иногда очень длительный историческій процессъ, въ результатѣ котораго политическая власть переходитъ къ новой соціальной силѣ. Активное выступленіе только „техническій“ моментъ, который можетъ входить, но можетъ и не входить въ революцію. Это безспорно. Но столь же безспорно, что мы никуда не годились бы, еслибъ не отдали себѣ отчета въ томъ, что наша революція, та, которая теперь совершается, уперлась въ этотъ „техническій моментъ“, и безъ него не пойдетъ дальше. Итакъ, мы должны организовать революцію; очереднымъ этапомъ ея является активное выступленіе — мы и должны его организовать.

Разумѣется, такое выступленіе не одно и то же‘ что заговоръ

Разумѣется, только для революціоннаго романтика имѣть планъ заговора значитъ имѣть въ зашифрованномъ видѣ выступленіе. Разумѣется, французскіе революціонеры 40-хъ годовъ были фантасты и алхимики. Но значитъ ли это, что теперь, въ мартѣ 1905 года, у насъ, въ Россіи, подготовка выступленія — алхимія и фантастика? Ну, конечно же, нѣтъ. Порукой тому—статья „Военныя замѣтки“. Еще лучшей порукой служитъ россійскій пролетаріатъ, который проявилъ пропасть революціонной энергіи и революціоннаго упорства, двумя-тремя семимильными шагами пробѣжалъ прологъ Великой Русской Революціи—и теперь стоитъ передъ послѣднимъ ея актомъ.

Всенародный активный натискъ — вокругъ этого предпріятія должна теперь сосредоточиться наша политическая и наша техническая дѣятельность. Каждое частное, самопроизвольно возникающее выступленіе массы нужно пропитать мыслью о необходимости одновременнаго всероссійскаго выступленія. Все должно бить въ одну точку: прокламаціи, рѣчи, кружковыя занятія. Между городами должна быть живая, непрестанная связь, построенная на той мысли, что близокъ моментъ, когда всѣмъ придется одновременно подняться. Каждый комитетъ долженъ сейчасъ же выдвинуть новый органъ: „военный“. Этотъ органъ будетъ быстро расти, и въ дни выступленія совершенно подчинитъ себѣ всѣ остальные.

Конечно, несмотря на нашу „нетерпимость“, мы отнюдь не стремимся монополизировать въ своихъ рукахъ подготовку и проведеніе „натиска“. Для такихъ претензій нуженъ былъ бы громадный избытокъ силъ, котораго у насъ вовсе нѣтъ. Всякому революціонеру, всякому революціонному отряду, который захочетъ взять на себя любую часть военной работы, мы скажемъ: „честь и мѣсто!“ Передовая статья № 85 на этотъ счетъ безусловно права. Къ сожалѣнію, она забываетъ только добавить, что, кромѣ насъ, на революціонномъ полѣ никого нѣтъ. И именно этотъ печальный фактъ совершенно лишаетъ насъ возможности проявить въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ качество революціоннаго гостепріимства. Ждать, что революціонные радикалы посыпятся на насъ изъ какого нибудь рѣшета, совершенно не приходится. Революція надвинулась, выступленіе стоитъ на очереди, а мы одни. Гдѣ мы сильны, тамъ организаціонно сильна революція; гдѣ мы слабы, тамъ организаціонно слаба она; гдѣ насъ нѣтъ, тамъ революція лишена организаціи и руководящихъ элементовъ. У революціи много неожиданностей, но и эти

неожиданности подчинены общимъ законамъ,—у насъ нѣтъ соціальной почвы для самостоятельной якобинской демократіи, мы это понимали всегда, сами мы являемся продуктомъ этого факта, имъ объясняется наша побѣдоносная борьба съ народовольцами, народниками, „с.-р-ами“ и... наше почти полное революціонное одиночество. Г. Гапонъ явился одной изъ блестящихъ внезапностей революціи, но и на него, оказывается, есть управа. Если взять его самостоятельную идею, она оказалась въ буквальномъ смыслѣ поденкомъ; теперь ему остается лишь примкнуть къ „одной изъ соціалистическихъ партій“, которыя существовали до него и которыя въ извѣстномъ смыслѣ подготовили его появленіе. Выборъ Георгія Гапона не труденъ, ибо этихъ партій только одна.

Можетъ быть, съ какой-нибудь абстрактной (въ другомъ смыслѣ) точки зрѣнія можно утверждать, что было бы очень хорошо, еслибъ у насъ теперь была руководящая якобинская партія съ перспективой диктатуры въ будущемъ, съ обязательствомъ выполнять черную работу революціи въ настоящемъ, — а мы сохранили бы за собой только чисто-политическое руководство пролетаріатомъ. Но этого нѣтъ, черная работа должна быть выполнена, и намъ необходимо,—потому что мы честные революціонеры—взять ее на себя, а это значитъ „монополизировать“ ее. Выполненіе этой черной работы революціи, организація боевого выступленія, становится въ данный моментъ нашей высшей политической обязанностью.

Центральнымъ лозунгомъ нашей агитаціи является Всенародное Учредительное Собраніе. Это требованіе, противопоставленное требованію Земскаго Собора, уже сыграло громадную роль. Либеральнымъ умникамъ и скептикамъ требованіе Учредительнаго Собранія могло казаться годъ тому назадъ наивной революціонной утопіей,—теперь, ставъ лозунгомъ народныхъ массъ, оно даже въ глазахъ „освобожденцевъ“ облеклось плотью. Въ результатѣ: вчера еще оппозиціонное требованіе Земскаго Собора становится сегодня лозунгомъ реакціи. Пролетаріатъ немедленно возстанетъ не только противъ бюрократіи, но и противъ тѣхъ господствующихъ группъ, которыя вступятъ съ нею въ сдѣлку на почвѣ манифеста и рескрипта 18 февраля: совѣщаться съ правительствомъ о томъ, какъ давить революцію. Послѣ 9-го января мирная конституціонная сдѣлка стала реакціонной утопіей, революція—фактомъ. Исторія поставила на очереди, притомъ въ порядкѣ неотложности, не вопросъ о мирномъ компромиссѣ земцевъ съ правительствомъ, а

вопросъ народнаго выступленія, которое раздавитъ, сотретъ съ лица земли бюрократію. Въ то время, какъ бюрократія создаетъ коммиссіи для рѣшенія поставленной ей рескриптомъ 18 февраля задачи: когда и какъ созвать анонимный Земскій Соборъ? наша задача—разъяснить народу, которому манифестъ 18 февраля объявилъ безпощадную войну, — кто и какъ созоветъ Учредительное Собраніе?

Когда р.-с.-д. Раб. Партія со всей энергіей популяризировала идею Учредительнаго Собранія, мы — на вопросъ: къ кому адресуется это требованіе?—отвѣчали: фактически—къ народу, формально: къ правительству или, черезъ его голову, къ Временному Правительству. Сегодня такой отвѣтъ недостаточенъ. Сегодня уже революціонный „народъ“, принявшій наше требованіе, долженъ знать, къ кому онъ адресуетъ его или, точнѣе, гдѣ исполнительный органъ народной воли—для созыва Учредительнаго Собранія? Теперь, послѣ 9-го января, наканунѣ боевого натиска, къ которому мы сознательно идемъ, ужъ нельзя отвѣчать: или—или. Учредительное Собраніе будетъ завоевано путемъ рѣшительнаго выступленія, созвано—Временнымъ Правительствомъ. Таковъ нашъ отвѣтъ.

Намъ необходимо популяризовать въ народныхъ массахъ мысль о Временномъ Правительствѣ, ужъ хотя бы для того, чтобъ вооружить народныя массы опредѣленными требованіями къ Временному Правительству. Реорганизація бюрократическаго, полицейскаго и военнаго аппарата, изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ, замѣна ихъ друзьями народа, вооруженіе народа на государственный счетъ—вотъ мѣры, которыя прежде всего должны быть проведены Временнымъ Правительствомъ и которыя создадутъ возможность безпрепятственной работы для представителей народа. Кратко говоря, созыву Учредительнаго Собранія должно предшествовать разоруженіе реакціи и вооруженіе революціи. Въ Учредительномъ Собраніи будетъ представлена и реакція. Временное Правительство есть правительство революціоннаго народа, стоящаго лицомъ къ лицу съ воинствующей реакціей.

Еще разъ: если мы вѣримъ въ неизбѣжность революціоннаго обновленія Россіи, если мы вѣримъ въ надвигающееся окончаніе революціи и сознательно идемъ ему навстрѣчу, если мы хотимъ побѣды ея—то мы хотимъ созданія революціоннаго Временнаго Правительства. Наша прямая и неотложная обязанность: провести въ сознаніе массъ то, что несетъ намъ „безсознательный“ исто-

рическій процессъ. Наша прямая и неотложная обязанность: поднять лозунгъ—да здравствуетъ Временное Правительство!

Кто образуетъ Временное Правительство? Тотъ, кого „вознесетъ“ масса, т. е. тотъ, кто будетъ руководить ею въ рѣшительные дни революціи. Кто вѣритъ въ чудеса, кто думаетъ, что революція способна не сегодня-завтра вытряхнуть изъ рукава якобинскую демократію, тотъ имѣетъ право думать, что Временное Правительство будетъ достояніемъ этой послѣдней. Но и тотъ можетъ противиться лозунгу: Да здравствуетъ Временное Правительство! только изъ анти-революціонныхъ предразсудковъ. Мы говоримъ: да здравствуетъ демократическая республика, хотя знаемъ, что она будетъ буржуазной. Мы говоримъ: да здравствуетъ суверенитетъ народа! хотя знаемъ, что силою исторической логики суверенитетъ народа будетъ лишь полумистическимъ, полюридическимъ прикрытіемъ для политическаго господства буржуазіи. Но подобно тому, какъ демократическая республика и суверенитетъ народа являются крайне революціонными лозунгами при наличности абсолютизма, точно также идея временнаго революціоннаго правительства, хотя бы и буржуазнаго, въ противовѣсъ бюрократическому правительству означаетъ гигантскій размахъ революціи, безпощадный разрывъ съ реакціонной традиціей,—и потому должна быть выдвинута нами въ настоящій рѣшительный моментъ. Разумѣется, когда передъ нами будетъ уже не бюрократическое правительство, а буржуазное революціонное правительство мы будемъ безъ всякой пощады разоблачать передъ народомъ его ограниченность, а пролетаріатъ будетъ подъ конвоемъ вести его впередъ, будетъ защищать его отъ ударовъ реакціи и будетъ вынуждать его, въ случаѣ колебаній, къ выполненію его обязанностей.

Но оглянемся и спросимъ себя: гдѣ тѣ, внѣ пролетаріата стоящіе, сознательные революціонные элементы, которые могли бы оказаться на гребнѣ революціи? Ихъ нѣтъ и—не будемъ себя обманывать!—ихъ не будетъ. Правда, каждый новый шагъ пролетаріата отдается приливомъ вѣры и бодрости въ сердцахъ нашихъ либераловъ и такъ называемыхъ демократовъ. Какъ никакъ они подрастаютъ. Но они только подрастаютъ, а пролетаріатъ растетъ. Въ немъ развиваются самоувѣренность, настойчивость, упорство, недовѣріе къ претендентамъ въ вожди—прекрасныя политическія свойства! Земскія и банкетныя „сессіи“, во время которыхъ рабочій имѣлъ собесѣдованіе (не всегда дружеское) съ земцемъ и съ „освобожденцемъ“, дали рабочимъ незамѣнимые политическіе уроки

и привили имъ добрую долю недовѣрія къ вождямъ съ этой стороны. Конечно, политически самоопредѣлились десятки тысячъ пролетаріевъ, революціонно возбуждены—милліоны. Но путь къ этимъ милліонамъ лежитъ только черезъ эти десятки тысячъ, потому что они—цвѣтъ своего класса, и вліяніе ихъ въ революціонную эпоху растетъ по часамъ.

Вліяніе пролетаріата въ цѣломъ на событія растетъ не менѣе быстро. Еслибъ обновленіе Россіи шло по пути компромиссовъ, сдѣлокъ,—нашъ рабочій классъ не могъ бы и мечтать о той роли, которая достается ему нынѣ. Революція выдвигаетъ пролетаріатъ на первое мѣсто и передаетъ ему гегемонію. Смотрите, какое мѣсто занимаетъ въ нынѣшнихъ событіяхъ стачка! Оно приблизительно отвѣчаетъ тому мѣсту, какое пролетаріатъ занимаетъ въ революціи.

Побѣду выступленія, какъ и торжество всей революціи, можетъ обезпечить только пролетаріатъ. Другія группы городского населенія и крестьянство сыграютъ въ революціи свою роль, поскольку будутъ идти за пролетаріатомъ, поддерживать его, облегчать ему работу. Самостоятельной революціонной роли, сколько нибудь равносильной роли пролетаріата, не сыграютъ ни крестьянство, ни мѣщанство, ни интеллигенція!

Для насъ, соціалдемократовъ, это, надѣюсь, не фразы. Слѣдовательно, составъ Временнаго Правительства будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ пролетаріата. Точнѣе сказать, при рѣшительной побѣдѣ выступленія власть получатъ тѣ, которые руководили пролетаріатомъ.

Это значитъ не что иное, какъ то, что революціонное развитіе влечетъ пролетаріатъ, а съ нимъ—р. с. д. раб. партію, къ временному политическому господству.

Если она рѣшитъ отказаться отъ него, ей необходимо предварительно отказаться отъ тактики, разсчитанной на:

а) революціонное развитіе событій,

б) руководящую роль въ нихъ пролетаріата,

в) руководящую роль Рос. С. Д., Раб. Партіи въ пролетаріатѣ.

Разумѣется, она не откажется ни отъ того, ни отъ другого, ни третьяго. А такъ какъ это вообще самая послѣдовательная изъ политическихъ партій, то она не откажется и отъ вывода, который слѣдуетъ изъ посылокъ.

Возьму примѣръ. Столь печально для правительства закончив-

шіеся выборы въ коммиссію Шидловскаго дали около 400 человѣкъ, представляющихъ пролетаріатъ Петербурга. Среди этихъ 400 есть десятокъ-два самыхъ вліятельныхъ и популярныхъ рабочихъ Петербурга. Выборы привели къ стачкѣ, которая можетъ стать всеобщей. Стачка можетъ перейти въ выступленіе. Оно можетъ привести къ побѣдѣ. Побѣда—къ образованію Временнаго Правительства. Рабочіе-соціалдемократы, предназначавшіеся въ коммиссію Шидловскаго, могутъ попасть во Временное Правительство. Какія требованія предъявитъ къ нимъ Партія, какъ къ своимъ членамъ? Чтобъ они отказались отъ вступленія во Временное Правительство? Или, вступивъ, прикинулись бы буржуазными радикалами? Нѣтъ, она потребуетъ 1) чтобъ они себя обезпечили большинствомъ, 2) чтобъ они работали подъ ея контролемъ.

А для того, чтобъ Партія могла обезпечить за собой фактическій „контроль“, она во всякомъ случаѣ должна заранѣе вооружить массы опредѣленными требованіями къ Временному Правительству. А для того необходимо популяризовать въ массахъ самую идею Временнаго Правительства.

Н. Троцкій.

Отъ редакціи „Искры“. Какъ видитъ читатель изъ статьи „Революціонныя перспективы“ и изъ статьи „На очереди“, мы не раздѣляемъ взглядовъ, изложенныхъ въ этомъ письмѣ нашего постояннаго сотрудника товарища Т.

На очереди.

Рабочая партія и «захватъ власти», какъ наша ближайшая задача.

(17 марта 1905 г. № 93),

Еще 2 года назадъ сопоставленныя въ заголовкѣ настоящей статьи понятія показались бы каждому изъ нашихъ товарищей несоединимыми. Когда еще сравнительно недавно тов. Мартыновъ написалъ свою брошюру „Двѣ диктатуры“, никто въ рядахъ на-

шей партіи не подумалъ возразить противъ принципіальной постановки, данной въ ней вопросу о политической позиціи, занимаемой партіей рабочаго класса по отношенію къ слагающейся въ борьбѣ съ абсолютизмомъ новой Россіи. Эта позиція могла быть кратко опредѣлена формулой: партія классовой борьбы пролетаріата, россійская соціалдемократія остается партіей революціонной оппозиціи по отношенію ко всѣмъ политическимъ режимамъ, выражающимъ собою организацію классового господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ".

Но такъ было только „до 9-го января". Девятое января для многихъ измѣнило мѣру вещей. „Освобожденцы" послѣ 9 января узнали—„какой чудный народъ, эти рабочіе!" и сочли возможнымъ говорить о революціи въ первомъ лицѣ. Г. Струве счелъ отнынѣ неумѣстнымъ „говорить съ царемъ". Петербургскій комитетъ партіи соц.-рев. открылъ послѣ 9 января, что „рабочій народъ идетъ дальше подъ знаменемъ партіи с.-р." (курсивъ нашъ) [1]). А откуда появилась сія пріятная увѣренность—о томъ зри въ томъ же № почетнаго органа, гдѣ нѣкій „участникъ событія 9-го января", занимавшій, по словамъ редакціи, въ этотъ историческій день „междупарійное положеніе", но „по своему прошлому и связямъ" стоявшій „ближе къ соціалдемократамъ", открываетъ партіи с.-р., къ которой онъ нынѣ примкнулъ, слѣдующую истину: „ясно, что рабочая масса, по нутру своему (!), по кровнымъ нуждамъ своимъ пролетарская (?), имѣетъ въ своихъ рядахъ очень мало сознательныхъ соціалдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ и т. п... знаю рабочую масссу и считаю себя вправѣ утверждать это (!). Утвержденіе „Искры", „Впередъ", что соц.-дем. партія опирается на массы—миѳъ". Пришпореннымъ этимъ открытіемъ соціалистамъ-революціонерамъ—отчего не помечтать о томъ, что рабочій народъ пойдетъ „подъ знаменемъ партіи с.-р."? Если 9 января заговорившій революціоннымъ языкомъ священникъ стоялъ во главѣ сотенъ тысячъ пролетаріевъ, то почему бы послѣ 9 января не занять его освободившееся мѣсто „соціалистамъ", всегда говорившимъ елейнымъ языкомъ священника? „Девятое января" показало многимъ впервые, что русскій пролетаріатъ „созрѣлъ" для революціи и что, стало быть, сгоитъ попытаться „внезапно" оказаться „во главѣ его". Немудрено, что неожиданно объявившійся „комитетъ мести и обороны" сообщилъ

[1]) Цитируемъ по № 60 „Рев. Р."

черезъ довѣрившаго ему Г. Гапона россійскому пролетаріату властный приказъ: никого не слушаться, кромѣ этого „комитета“: онъ подготовитъ вооруженіе, онъ назначитъ возстаніе, онъ все устроитъ.

Девятое января измѣнило для революціонной и радикальной демократіи мѣру всѣхъ вещей. Это не удивительно, ибо 9-е января не только показало ей въ дѣйствіи революціонный пролетаріатъ, но и убѣдило ее въ томъ, что этотъ „сфинксъ“ готовъ отдать послѣднюю каплю крови на дѣло завоеванія политической и гражданской свободы. Другое дѣло—соціалдемократія; въ принципіальную постановку ея революціонной задачи что новаго внесло, что новаго должно было внести 9-ое января? [1]) Девятое января семимильными шагами приблизило насъ къ побѣдѣ. Но измѣнило ли оно историческій характеръ революціи? Очевидно, нѣтъ. А, между тѣмъ, этотъ историческій характеръ начавшейся революціи опредѣлялъ собой, какъ основной факторъ, принципы нашей тактики и сущность общихъ задачъ, которыя мы себѣ ставили для даннаго періода. Революція, которую начало собой 9-е января, остается тою же, какою мы ее считали до 9-го января: соціальной революціей буржуазіи. А наши тактическія задачи, по прежнему, всѣ опредѣляются поэтому задачей—использовать эту буржуазную революцію въ интересахъ будущей соціальной революціи пролетаріата, то есть, прежде всего, въ интересахъ классового сплоченія пролетаріата, въ интересахъ образованія и укрѣпленія его классовой партіи.

Это такъ безспорно, что противъ этого никто ничего не возразитъ. Это такъ безспорно, что даже „умныя марксистскія статьи“ на эту тему начинаютъ казаться малоинтересными и безплодными. И все же объ этомъ постоянно приходится говорить, рискуя вызвать столь знакомыя намъ издавна заявленія о тщетѣ всѣхъ умныхъ и марксистскихъ статей „въ наше время, когда“... Что подѣлаешь? Мы давно уже говорили: „Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ даже „Революціон. Рос.“ полюбитъ.“ А чернота наша въ томъ, какъ извѣстно, и заключается, что умныя марксистскія положенія не являются для насъ парадной фразой, а претен-

[1]) Разумѣется, 9-е января, именно потому, что сильно приблизило моментъ нашей побѣды, должно внести извѣстныя измѣненія въ постановку нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ нашей практической работы; но, какъ ни важны эти измѣненія сами по себѣ, они не ведутъ къ принципіальному пересмотру цѣлей нашей партійной работы.

дуютъ опредѣлять собой каждый нашъ политическій шагъ—и при томъ, не взирая на обозначенную въ календарѣ погоду...

Какъ бы то ни было, а послѣ 9 января въ нашихъ собственныхъ рядахъ заговорили о коренномъ пересмотрѣ нашихъ тактическихъ задачъ. Мы услышали—отъ газеты „Впередъ“—о необходимости стремиться въ ближайшемъ будущемъ къ „диктатурѣ пролетаріата и крестьянства“. Тов. Парвусъ провозгласилъ лозунгъ борьбы: „безъ царя, а правительство рабочее!“ и даже „соціалдемократическое временное правительство“, а теперь тов. Т. объявляетъ: „да здравствуетъ временное правительство!“

Какъ видите изъ собственныхъ словъ тов. Т., для него измѣнилось наше отношеніе къ ближайшему нашему требованію созыва всенароднаго учредительнаго собранія.

Тов. Т. находитъ, что послѣ 9-го января уже нельзя просто требовать учредительнаго собранія, а нужно готовиться къ боевому выступленію, замѣнѣ нынѣшняго правительства временнымъ революціоннымъ правительствомъ и созыву учредительнаго собранія этимъ послѣднимъ. Какъ будто бы мы, соціалдемократы, до 9 января намѣревались или склонны были хоть на минуту довѣрить роялистскому правительству созывъ того учредительнаго собранія, которому мы ставимъ задачу провозглашенія народовластія, какъ будто мы до 9 января допускали, какъ будто бы мы имѣли право хоть на минуту допустить, что рѣшительный моментъ въ революціонномъ преобразованіи современнаго режима не потребуетъ насильственнаго устраненія господствующей правительственной клики. Но, хорошо это зная, мы въ то же время сознавали, что моментъ для нанесенія этого рѣшающаго „физическаго“ удара не можетъ быть произвольно выбранъ той или другой политической партіей, что этотъ благопріятный моментъ будетъ данъ революціонной массѣ всѣми условіями наибольшей дезорганизаціи механизма реакціи и наибольшаго революціоннаго сплоченія ея самой. Идти „во главѣ“ революціонныхъ событій—это значитъ, подмѣтить наступленіе такого момента и подготовиться къ руководящей роли въ немъ. Только такая точка зрѣнія, діаметрально противоположная авантюристскому „дѣланію революціи“, допустима для соціалдемократа. И съ этой точки зрѣнія, 9-е января не внесло принципіальной перемѣны въ наше положеніе. Какъ и прежде, мы знаемъ, что, не побѣдивъ реакціи „на улицѣ“, мы не обезпечимъ успѣхъ революціи. Но, какъ и прежде, мы знаемъ, что заранѣе фиксировать моментъ этой побѣды между первой большой схваткой воен-

ныхъ силъ абсолютизма съ массами и созывомъ перваго представительнаго собранія представляется совершенно произвольнымъ. А, между тѣмъ, тов. Т. какъ бы пытается именно фиксировать заранѣе моментъ рѣшающаго боя. Онъ говоритъ, что послѣ 9-го января рабочее движеніе „уперлось въ выступленіе“. Это—какъ посмотрѣть. Если тов. Т. имѣетъ въ виду только то, что логическимъ развитіемъ 9-го января является боевое выступленіе, онъ, конечно, правъ, и это такъ ясно даже для человѣка, ни когда не писавшаго „умныхъ марксистскихъ статей“, что это поняли иные наши буржуазные радикалы. Но если онъ хочетъ сказать, что послѣ 9 января массовое самодѣятельное выступленіе пролетаріата мыслимо только, какъ прямое вооруженное нападеніе на бастиліи, то онъ неправъ и его неправота доказывается всѣми событіями послѣднихъ 2-хъ мѣсяцевъ. Послѣ 9 января россійскій пролетаріатъ, не отступая ни на шагъ отъ того пункта, который былъ завоеванъ движеніемъ въ этотъ день, смогъ развить громадное стачечное и столь же громадное политически-демонстраціонное движеніе, внесшее колоссальное разложеніе въ станъ его враговъ и сильно укрѣпившее всѣ его позиціи. Послѣ 9 января петербургскій пролетаріатъ, не теряя бодрости и не ослабляя своей революціонности, провелъ политическую кампанію противъ „комедіи Шидловскаго“. Нельзя, стало быть, такъ просто утверждать: движеніе уперлось въ выступленіе. Когда оно въ этомъ смыслѣ „упрется“ въ моментъ боевого выступленія, тогда, вѣроятно, тов. Т. придется уже не опредѣлять эту психологическую границу „перваго дня революціи“, а развѣ что заносить въ свой календарь ее, какъ дату уже начавшагося побѣдоноснаго выступленія.

И еще разъ—вѣрно одно: 9-е января и послѣдующія событія такъ приблизили насъ политически и психологически къ моменту активнаго выступленія, что партія должна усиленно готовиться встрѣтить этотъ моментъ во всеоружіи. Мы были бы очень рады теперь же подробно побесѣдовать съ тов. Т. о томъ, какъ именно готовиться, если бы, въ связи съ вышеуказаннымъ, не должны были предварительно устранить другія „недоразумѣнія“, собранныя въ разбираемой статьѣ.

Если проблематична высказанная въ столь общей формѣ истина, что рабочее движеніе послѣ 9 января уперлось въ выступленіе, такъ что и податься ему некуда, пока мы не „организуемъ условія побѣды“ и не призовемъ къ выступленію, то уже совершенно непонятно, почему это мы послѣ 9 января должны кричать: „да здрав-

ствуетъ временное правительство"? У тов. Т., въ пользу выдвигаемаго имъ революціоннаго лозунга, имѣются два соображенія: первое—то, что временное правительство необходимо для обезпеченія свободы созыва учредительнаго собранія, очистки правительственной администраціи, „реорганизаціи войска" и т. д. Второе—то, что во временномъ правительствѣ можемъ и должны оказаться мы, соціалдемократы. (Впрочемъ, тов. Т. согласился бы говорить „да здравствуетъ", если бы даже и думалъ, что „насъ" въ правительствѣ не будетъ).

Что касается перваго соображенія, то опять же неизвѣстно, почему до 9-го января мы не должны были заботиться объ обезпеченіи условія свободнаго созыва Учредительнаго Собранія, свободы агитаціи etc., равно какъ объ основателной очисткѣ авгіевыхъ конюшенъ бюрократіи, полиціи и войска? И я думаю, что каждый смотрящій впередъ соціалдемократъ „заботился" объ этихъ важныхъ вещахъ. Но почему же до 9 января мы могли разсчитывать, въ роли наиболѣе революціонной народной партіи, достигнуть этого, давя на всякое правительство, формально созывающее Учредительное Собраніе, давленіемъ революціонной „улицы", а послѣ 9 января мы должны „подымать выше" и стремиться изъ партіи оппозиціонной стать возможно скорѣе партіей правящей? Или только потому, что до 9 января наша тактическая мудрость гласила не „якобинецъ—соціалдемократъ", а „якобинецъ или соціалдемократъ", послѣ же 9-го января мы нашли, что на нашъ вѣкъ хватитъ уже обнаруженнаго нами анти-якобинскаго пуританизма?

Если то или другое правительство въ тотъ или другой моментъ революціи станетъ поперекъ пути ея развитія—мы должны стремиться свалить его. Это—азбука революціи. Какое бы правительство ни стояло во главѣ революціонно трансформирующагося государства, мы должны держать его подъ своимъ давленіемъ, въ качествѣ независимой классовой партіи—этого безусловно требуютъ интересы революціи и специфическіе классовые интересы пролетаріата. Но такъ какъ всякое правительство, стоящее во главѣ страны во время данной революціи, рядомъ съ задачей разрушенія самодержавно-сословнаго строя, должно будетъ выполнять задачу постепенной консолидаціи свободнаго буржуазнаго режима, такъ какъ всякое такое правительство должно будетъ заботиться о поддержаніи „общественнаго порядка", кредита, „внѣшней безопасности" и т. д., то, очевидно, что наша партія, принявъ непо-

средственное участіе во временномъ правительствѣ, связавъ себя съ нимъ хотя бы только принципіальнымъ лозунгомъ: „да здравствуетъ временное правительство“ — должна будетъ связать себя въ своей принципіальной оппозиціи этимъ сторонамъ дѣятельности даннаго правительстна, по необходимости носящихъ на себѣ печать классоваго характера слагающагося общественнаго строя. А это значитъ—для соціалдемократіи—на время отказаться отъ всесторонней борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ во всѣхъ его проявленіяхъ.

„Изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ“—очень хорошее и очень нужное дѣло. Но до 9 января мы всѣ полагали, что сіе дѣло можетъ производиться не только помощью якобинскихъ декретовъ сверху, но и при помощи народнаго давленія снизу. Разница, между прочимъ, та, что при пользованіи первымъ методомъ — вы обязуетесь не только вытѣснить „кровожадныхъ негодяевъ“, скажемъ, изъ полицейскихъ участковъ, но и наложить на ихъ замѣстителей печать своего благоволенія, выдать имъ „сертификатъ цивизма“, а, можетъ быть, и титулъ „друзей народа“. Вѣдь, говоритъ же тов. Парвусъ (въ вышеназванномъ листкѣ): „никакіе писанные законы не могутъ обезпечить свободу, покуда всѣ мѣста въ судахъ, въ канцеляріяхъ, въ полиціи, заняты врагами народа и войско находится подъ командой офицеровъ изъ враждебнаго рабочему народу класса“.

Что и говорить: пріятно чувствовать, что въ судахъ и даже въ полиціи сидятъ не враги, а друзья народа! Только... только не получается ли это пріятное ощущеніе цѣной маленькой перестановки понятій о томъ, кто другъ и кто врагъ рабочаго класса?

Недурно мечтать о томъ, чтобы войско (постоянное войско?) „реорганизованное“, конечно, находилось „подъ командой офицеровъ“—изъ „невраждебнаго“ рабочему народу класса! Только... не значитъ ли это подмѣнить борьбу за вооруженіе народа жоресовской борьбой за „демократизацію арміи“ и не значитъ ли между рабочимъ классомъ и „враждебными ему классами“ по-жоресовски же „создать“ „не враждебный“ ему классъ... мелкой буржуазіи?

Товарищъ Т. теперь, быть можетъ, согласится, что воздержаніе отъ возгласа „да здравствуетъ временное правительство“ находитъ себѣ объясненіе въ чемъ-то другомъ, кромѣ „анти-революціоннаго предразсудка“.

Извѣстный революціонеръ Распайль, пять разъ осуждавшійся на смерть и много лѣтъ пробывшій въ тюрьмахъ, былъ въ 70-хъ

годахъ избранъ въ французскую Палату. При открытіи сессіи онъ, въ качествѣ старѣйшаго по возрасту депутата, оказался временнымъ предсѣдателемъ, и, въ качествѣ такового, ему при входѣ въ залъ, жандармы отдавали полагающуюся по ритуалу честь. Старый заговорщикъ иронически воскликнулъ: „первый разъ въ жизни мнѣ приходится шествовать между двумя жандармами, причемъ они не держатъ меня за шиворотъ“. Но и тутъ, прученный житейскимъ опытомъ, бывшій „карбонарій“ не поспѣшилъ провозгласить: „да здравствуетъ республиканская жандармерія!“—и оказался правъ: довольно скоро жандармы опять отводили его въ долголѣтнее тюремное заключеніе, если не ошибаюсь, за оскорбленіе президента республики.

Представляется не невозможнымъ, что революціонная стихія вознесетъ русскую соціалдемократическую партію такъ „высоко“, что ея представителямъ случится временно состоять съ полиціей (республиканской!) въ такихъ же любезныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находился Распайль въ упомянутую выше единственную минуту его жизни. Но, слѣдуя примѣру испытаннаго въ заговорахъ старца, не поспѣшимъ на любезную улыбку „реорганизованной“ полиціи отвѣтствовать „да здравствуетъ!“, не поспѣшимъ отказаться отъ нашего традиціоннаго „предрасудка“. Тѣмъ болѣе не будемъ спѣшить теперь, когда при проходѣ между жандармами насъ съ товарищемъ Т. ждетъ всетаки скорѣе движеніе ихъ рукъ въ сторону нашего „шиворота“, чѣмъ въ сторону собственныхъ козырьковъ!

Или мы, классовая партія, стремимся къ политической власти только для непосредственнаго осуществленія революціонной диктатуры пролетаріата—и тогда мы остаемся принципіально непримиримой оппозиціей ко всякому правительству и не отказываемся отъ „предразсудка“, запрещающаго намъ сквернить уста сочетаніемъ словъ: „да здравствуетъ“ и „правительство.“ Или же мы, заинтересованные въ скорѣйшемъ, всестороннемъ и успѣшномъ развитіи наступающей буржуазной революціи, не видимъ другого средства содѣйствовать ей, какъ принявъ участіе въ правительствѣ, реорганизующемъ современную Россію, въ качествѣ одной изъ „правящихъ партій“—и тогда мы прекращаемъ свою классовую оппозицію всѣмъ силамъ современнаго общества, стоящимъ внѣ пролетаріата, беремъ на себя прямую отвѣтственность за всѣ плоды исторической ограниченности буржуазной революціи, боремся не только противъ присутствія въ администраціи обновленной Россіи

элементовъ реакціонныхъ, но и за замѣну ихъ опредѣленными элементами прогрессивными, освящаемъ цѣлый рядъ „реорганизованныхъ„ институтовъ политическаго господства буржуазіи—армію и офицерство, полицію и тюремщиковъ, бюрократію и магистратуру—и... оказываемся въ извѣстный моментъ въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ той массой пролетаріата, по отношенію къ которой, несмотря на наше участіе въ управленіи страной, остаются въ силѣ всѣ „имманентые“ законы буржуазнаго строя—имя же имъ нищета, безработица, неравенство, несвобода.. Или-или!

Конечно, если бы вѣрно было, что для торжества народовластія, для торжества революціи необходимо, чтобы соціалисты взяли въ свои руки направленіе „государственнаго корабля“, то революціонная партія пролетаріата должна была бы отказаться отъ своей политической независимости и воскликнуть вслѣдъ за Горой:

„Пропадай наша репутація, лишь бы спасти свободу!“

Но такой коллизіи въ дѣйствительности не можетъ быть мѣста: въ качествѣ революціонной оппозиціи, пролетарская партія, слѣдуя революціонной, т. е. „умной марксистской“ тактикѣ, можетъ и должна явиться рычагомъ развитія буржуазной революціи, тогда какъ, наоборотъ, ставши партіей правящей, она, неизбѣжно связывая себѣ руки въ организаціи классовой борьбы пролетаріата, тѣмъ самымъ уменьшитъ силу своего вліянія на ходъ революціи.

Товарищъ Т., также какъ и товарищъ Парвусъ, полагаетъ, что захватъ власти въ моментъ паденія самодержавія диктуется намъ тѣмъ, что—кромѣ насъ некому. На-лицо или идеалистическія группы, не опирающіяся на соціальныя силы, или же соціальныя силы, хотя и способныя къ политической организаціи, но не заинтересованныя въ полной побѣдѣ революціи. А потому, или мы должны взять въ свои руки временное правительство, или же должны отказаться отъ лозунга полнаго народовластія, чуть ли не даже отъ свободныхъ выборовъ въ учредительное собраніе и отъ очищенія полиціи отъ Мымрецовыхъ. Не изъ рукава же намъ „вытряхивать“ революціонную демократію!

Невозможно здѣсь разбирать детально этотъ несомнѣнно новый взглядъ на соціально-политическія отношенія въ современной Россіи. Вся политика нашей партіи до сихъ поръ опредѣлялась радикально-противоположной оцѣнкой дѣйствительности. Сложная—для многихъ головоломная—постановка нашихъ тактиче-

скихъ задачъ, опредѣлялась нашимъ представленіемъ о томъ, что пролетаріатъ своимъ собственнымъ движеніемъ вызываетъ къ политической жизни и къ революціонной роли рядъ слоевъ общества, доселѣ казавшихся политически-аморфными;—что по мѣрѣ того, какъ съ разложеніемъ „стараго режима“ эти соціальные слои политически самоопредѣляются, они реализуютъ въ свою пользу всѣ тѣ преимущества надъ пролетаріатомъ, которыя потенціально заключаются въ ихъ болѣе „привилегированномъ“ положеніи въ классовомъ обществѣ; что, поэтому, заключать отъ видимаго „небытія“ другихъ крупныхъ организованныхъ общественныхъ силъ, кромѣ пролетаріата, къ тому, что въ моментъ ликвидаціи абсолютизма „мы не можемъ“ является плодомъ чистѣйшаго раціонализма и утопизма.

Это такъ просто сказать: гдѣ она, эта демократія? Интеллигенція—безпочвенна и безсильна—разъ; промышленный капиталъ—не связанъ съ народомъ и антидемократиченъ—два; крестьяне—неорганизованны, политически некультурны и къ самостоятельной роли не пріучены—три; ремесленники—не имѣютъ политическихъ традицій—четыре; а посему откуда возьмется революціонная демократія?

Какъ все это напоминаетъ старыя торжествующія перечисленія народниковъ, которые „искали и не находили“ основныхъ элементовъ для капиталистическаго развитія въ Россіи! И, однако, жизнь насмѣялась и нашла.

„Подрастаютъ“, соглашается товарищъ Т. относительно разныхъ элементовъ буржуазной демократіи, но, успокоительно прибавляетъ онъ, пока они подрастаютъ, пролетаріатъ растетъ. А такъ какъ идеологическій оптимизмъ нашихъ революціонеровъ растетъ подчасъ еще быстрѣе, чѣмъ грузное тѣло пролетарской борьбы, то, не успѣемъ мы еще замѣтить сколько-нибудь выросшаго изъ пеленокъ дѣтища буржуазной демократіи, а передъ нами уже несомнѣнно будетъ куча проектовъ „совпаденія политической и соціалистической революціи“ по тому случаю, что „мы“ уже перерасли (въ собственномъ воображеніи!) всѣ рамки революціи буржуазной и изящнымъ движеніемъ ноги отбросили всѣ тактическія трудности, вытекающія изъ своеобразнаго положенія русскаго пролетаріата въ развертывающейся буржуазной революціи.

Вернемся все же къ нашей россійской демократіи. Изъ рукава, конечно, намъ ее никто не вытряхнетъ—что иговорить!

Но и въ рукавѣ ее, какъ ни медленно она подрастаетъ, тоже не спрячешь. И, прежде всего, ее нельзя отрицать на томъ простомъ основаніи, что въ данный моментъ ея роль въ качествѣ революціоннаго двигателя еще очень незначительна по сравненію съ ролью пролетаріата.

Для марксиста роль, которую въ опредѣленный историческій періодъ долженъ сыграть данный соціальный слой, опредѣляется, въ конечномъ счетѣ, не столько его политическимъ прошлымъ, не столько его идеологіей и традиціями, сколько объективнымъ значеніемъ историческаго момента въ развитіи общества. И если не фраза наши слова, что мы идемъ къ буржуазной революціи, то намъ не придется долго смотрѣть въ увеличительное стекло, чтобы найти субъективные факты этой буржуазной революціи. Сто милліоновъ крестьянъ, добрый десятокъ милліоновъ мелкихъ производителей въ промышленности— достаточно широкая народная база для русскаго „якобинства“ и достаточно горючій матеріалъ для революціи. Каждый шагъ въ разложеніи абсолютизма приближаетъ моментъ ихъ тѣснаго сближенія съ столь слабыми еще идеологическими представленіями демократіи.

Крупная роль, которую играетъ и будетъ играть въ россійской революціи пролетаріатъ, дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ такое положеніе, когда борьба пролетаріата за дальнѣйшее упроченіе и развитіе революціи отождествится съ борьбой за непосредственное обладаніе политической властью. Наступленіе такого момента будетъ, разумѣется, ускорено, если всѣ сильныя буржуазно-революціонныя партіи отцвѣтутъ, не успѣвши расцвѣсть. И въ этомъ случаѣ пролетаріатъ не сможетъ отвернуться отъ политической власти. Но разумѣется также, что, получивъ ее въ ходѣ соціальной борьбы, онъ не сможетъ ограничить себя въ ея пользованіи рамками буржуазной революціи. Если онъ получитъ власть, какъ классъ (а мы съ товарищемъ Т. только о такомъ овладѣніи властью и говоримъ), онъ не сможетъ не повести революціи дальше, не сможетъ не стремиться къ прямой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. Конкретно это значитъ—либо новое повтореніе парижской коммуны, либо начало соціалистической революціи „на Западѣ“ и ея переходъ въ Россію. И мы обязаны будемъ стремиться ко второму.

Къ такой перспективѣ мы, во всякомъ случаѣ, должны готовиться. Но готовиться къ ней можно только однимъ путемъ—

только организуя пролетаріатъ въ партію, оппозиціонную буржуазно-демократическому государству. И лучшій путь для такой организаціи—путь развитія буржуазной революціи снизу давленіемъ пролетаріата на стоящую у власти демократію.

Классъ, подготовленный къ роли оппозиціоннаго двигателя революціи, будетъ готовъ и къ роли ея политическаго хозяина, если историческое развитіе приведетъ его, вопреки его стремленіямъ, вплотную къ государственной власти. Но не обратно.

Ибо въ мало-расчлененной политической средѣ объективный смыслъ „игры на захватъ власти“ можетъ оказаться совсѣмъ инымъ, чѣмъ думаютъ сами игроки.

Въ то время, какъ товарищъ Троцкій говоритъ: „кромѣ насъ некому“, а товарищъ Парвусъ провозглашаетъ „временное соціалдемократическое правительство“ — газета „Впередъ“ объявляетъ: „диктатура пролетаріата и крестьянства“.

„Впередъ“ не требуетъ, подобно товарищу Т, обойти тѣ препятствія по пути прямолинейной тактики, которыя ставятся существованіемъ разныхъ „промежуточныхъ“ классовъ. Онъ не пробуетъ, подобно товарищу Т., изолировать мысленно пролетаріатъ, какъ дѣйствительнаго носителя революціоннаго развитія съ первыхъ же дней революціи. Но онъ тоже хочетъ, чтобы давленіе пролетаріата на революцію шло не „снизу“ только, не только съ улицы, но и сверху, изъ чертоговъ временнаго правительства. И онъ даетъ формулу: диктатура пролетаріата и крестьянства. Иначе говоря: то, что товарищу Парвусу представляется какъ „временное соціалдемократическое правительство“, подъ перомъ редакціи „Впередъ“ превращается въ подлинный правительственный „блокъ“ пролетаріата и мелкой буржуазіи.

Для блага революціи чего не сдѣлаешь! Почему бы и не составить правительственный блокъ изъ соціалистовъ и демократовъ для очищенія бюрократіи отъ „кровожадныхъ негодяевъ“, для реорганизаціи арміи, для укрѣпленія демократіи? Только, вѣдь, и Жоресъ для этихъ самыхъ цѣлей организовалъ свой союзъ демократіи и пролетаріата!

Или-или! Задача „завоеванной власти“ мыслима только въ двухъ формахъ: или пролетаріатъ овладѣваетъ государствомъ, какъ классъ („рабочее правительство“), но тогда онъ это дѣлаетъ въ результатѣ борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ въ цѣломъ и проводитъ свою суверенную волю противъ этого общества въ непосредственныхъ цѣляхъ своей эмансипаціи. Но

тогда онъ уже фактически подошелъ къ предѣламъ „буржуазной революціи“. Въ этомъ случаѣ весь нашъ—русскихъ соціалдемократовъ—анализъ историческаго положенія русскаго пролетаріата и его задачъ былъ невѣренъ и намъ надо, не откладывая дѣла, радикально пересмотрѣть нашу программу.

Или же рѣчь идетъ объ участіи—для блага революціи, конечно,—соціалдемократіи въ революціонно-демократическомъ правительствѣ, и тогда намъ не мѣшаетъ теперь же вступить въ политическій „блокъ“ съ представителями той соціальной силы, съ которой вмѣстѣ мы будемъ осуществлять „диктатуру“. Въ этомъ случаѣ намъ надо сейчасъ же пересмотрѣть принципы нашей тактики. Въ ожиданіи, утѣшимся мыслью, что, подобно извѣстному щедринскому прокурору, у нѣкоторыхъ „непримиримыхъ революціонеровъ“ соціалдемократіи, чье недреманное око ревностно изыскиваетъ разные виды оппортунистическаго злодѣйства, подлинный оппортунизмъ свиваетъ себѣ гнѣздо какъ разъ подъ другимъ глазомъ...

Или-или! Или самый вульгарный жоресизмъ, или же отрицаніе характера данной революціи.

Но какъ ни исключаютъ логически другъ друга обѣ перспективы, психологически онѣ, пожалуй, могутъ быть между собой сближены. Забудемъ только на минуту, что для насъ овладѣніе государственной машиной, со стороны нашей партіи, мыслимо лишь im Auftrage (по порученію) рабочаго класса, какъ политическое выраженіе его классовой побѣды надъ буржуазнымъ обществомъ. Представимъ себѣ, что партія овладѣваетъ политической властью не потому, что пролетаріатъ реально и идеально „отмежевался“ уже отъ всего буржуазнаго общества и объявилъ ему войну, а потому только, что эта партія оказалась бойчѣе, ловчѣе, конспиративно-подготовленнѣе въ данный моментъ, популярнѣе и т. д. всѣхъ другихъ партій. Тогда передъ нами будетъ политическій фактъ, который допускаетъ, съ одинаковымъ правомъ, различное наименованіе: я могу назвать его „рабочимъ правительствомъ“ и даже „соціалдемократическимъ правительствомъ“—и я буду правъ, ибо правительство это будетъ вознесено рабочими массами и будетъ состоять изъ людей, сознающихъ себя соціалдемократами. Но я смогу назвать его также и „диктатурой пролетаріата и крестьянства“, ибо несомнѣнно, что реальная сила, которую будетъ выражать данное правительство при этихъ условіяхъ, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ союзомъ мелкой буржуа-

зіи и пролетаріата, въ силу достаточныхъ историческихъ основаній осуществившимся подъ флагомъ соціалдемократіи, а не подъ ярлыкомъ какой-нибудь „якобинской“ партіи.

Но ничто не можетъ помѣшать мнѣ посмотрѣть на то же явленіе съ третьей точки зрѣнія и, принявъ во вниманіе дальнѣйшія судьбы классоваго движенія пролетаріата, сказать, что я имѣю передъ собой: раствореніе классовой борьбы пролетаріата въ безформенномъ движеніи „демократіи“.

Остается поставить только одинъ вопросъ: исторія „бѣдной русской мысли“, столько уже шутокъ продѣлавшая надъ нами, не собирается ли „вытряхнуть изъ своего рукава“ подлинную революціонно-демократическую партію въ видѣ той самой „соціалдемократіи“, которая возьметъ въ свои руки власть въ моментъ паденія самодержавія?

На этомъ можно и покончить съ вопросомъ о цѣли выступленія. Другой затронутый въ письмѣ товарищемъ Т. вопросъ о томъ, какъ „организовать“ и какъ „развязать“ революцію, потребуетъ особой статьи. Въ ней мы покажемъ, какъ неправильное освѣщеніе вопроса о непосредственной цѣли борьбы ведетъ къ неправильной постановкѣ вопроса о революціонной тактикѣ.

Л. Мартовъ.

Къ вопросу о захватѣ власти.

(Небольшая историческая справка).

(5 апрѣля 1905 г., № 96).

Товарищъ **С.** обратился ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ спрашиваетъ: что я думаю о захватѣ власти пролетаріатомъ? Я собирался было отвѣтить ему тоже письмомъ, но послѣ нѣкотораго колебанія рѣшилъ, что изъ моего отвѣта можно сдѣлать статью, не лишенную общаго интереса, такъ какъ вопросъ, затронутый товарищемъ С., все еще не исчерпанъ въ нашей партійной литературѣ.

Политическая власть представляетъ собою ничѣмъ незамѣнимое

орудіе коренного переустройства производственныхъ отношеній. Поэтому всякій данный классъ, стремящійся къ соціальной революціи, естественно старается овладѣть политической властью. Пролеріатъ не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Чтобы устранить капиталистическія отношенія производства, осуждающія его на тяжелую зависимость по отношенію къ классу предпринимателей, ему безусловно необходимо добиться политической власти. Другими словами: диктатура пролетаріата должна быть первымъ актомъ соціалистической революціи. Это оспариваютъ,—и, конечно, не могутъ не оспаривать,—гг. Бернштейны. Но это совершенно неоспоримо съ точки зрѣнія соціалдемократа, вѣрнаго революціонному духу своей программы.

Слѣдовательно, объ этомъ распространяться излишне.

Но совсѣмъ въ другомъ, и въ гораздо менѣе ясномъ, свѣтѣ представляется дѣло, когда рѣчь заходитъ не о торжествѣ соціализма надъ капитализмомъ, а о той буржуазной революціи, которую, кажется, намъ предстоитъ пережить въ самомъ ближайшемъ будущемъ, и которая впервые создастъ въ Россіи совокупность условій, необходимыхъ для соціалистической революціи. Въ этой буржуазной революціи пролетаріату тоже суждено съиграть рѣшающую роль, и вслѣдствіе этого могутъ показаться странными взгляды тѣхъ людей, которые, всѣми силами поддерживая революціонныя стремленія пролетаріата, вмѣстѣ съ тѣмъ не одобряютъ тактики, направляемой къ захвату имъ политической власти. Противники такихъ людей могутъ, повидимому, не безъ основанія обвинять ихъ въ непослѣдовательности, въ оппортунизмѣ и прочихъ грѣхахъ, не менѣе тяжкихъ. И не только могутъ обвинять, но уже обвиняютъ: достаточно напомнить статьи, печатающіяся во „Впередъ“ и направленныя противъ „Искры“.

Кто же правъ? Давайте разбираться.

Наша партія стоитъ на точкѣ зрѣнія марксизма. Посмотримъ же, не приходилось ли самому Марксу высказаться о той тактикѣ, которой долженъ держаться революціонный пролетаріатъ въ историческіе моменты, подобные переживаемому нами.

Въ началѣ 1850 года, несмотря на повсемѣстное и почти полное торжество „партіи порядка“ въ Западной Европѣ, Марксъ и его послѣдователи не только не считали дѣло революціи окончательно проиграннымъ, но, напротивъ, ждали новаго революціи

ціоннаго взрыва въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы. Въ ожиданіи этого взрыва Центральный Совѣтъ знаменитаго Союза Коммунистовъ разослалъ своимъ германскимъ членамъ „Обращеніе“ (Ansprache), въ которомъ онъ излагалъ имъ свой взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ и на опредѣляемыя этимъ положеніемъ политическія задачи пролетаріата. „Обращеніе“ было написано Марксомъ, состоявшимъ тогда въ Центральномъ Совѣтѣ Союза, и даетъ очень цѣнный матеріалъ для задуманной нами исторической справки. Полезно будетъ, поэтому, изложить здѣсь его содержаніе.

И прежде всего надо отмѣтить слѣдующее любопытное обстоятельство.

Авторъ передовой статьи № 14 „Впередъ“ рѣшительно заявляетъ: „Нужно по—истинѣ школьническое понятіе объ исторіи, чтобы представлять себѣ дѣло безъ „скачковъ“, въ видѣ какой то медленно и равномѣрно восходящей прямой линіи: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазіей—уступочки самодержавія,—потомъ за революціонной мелкой буржуазіей—демократическая республика, наконецъ, за пролетаріатомъ—соціалистическій переворотъ. Эта картина вѣрна въ общемъ и цѣломъ, вѣрна на „долгомъ“, какъ говорятъ французы, на какомъ-нибудь протяженіи столѣтія (напр. для Франціи съ 1789 по 1905 годъ), но составлять себѣ по этой картинѣ планъ собственной дѣятельности въ революціонную эпоху,—для этого надо быть виртуозомъ филистерства“.

Маркесъ былъ именно такимъ „виртуозомъ филистерства“ и имѣлъ именно такое „школьническое понятіе объ исторіи“. Написанное имъ „Обращеніе“ [1]) указываетъ на то, что движеніе 1848 — 49 гг. поставило у власти либеральную крупную буржуазію, которая, воспользовавшись революціонной энергіей рабочихъ для низверженія стараго порядка вещей, обратилась противъ пролетаріата тотчасъ же послѣ того, какъ получила нѣкоторыя уступки („уступочки“, по терминологіи публициста газеты „Впередъ“), и теперь готова соединиться съ феодальной партіей для борьбы съ новыми революціонными попытками. Но дальнѣйшее развитіе будетъ лишено того мирнаго характера, который хотѣла бы сообщить ему крупная буржуазія: теперь

[1]) Напоминаемъ, что оно было написано именно въ „революціонную эпоху“.

быстро приближается новая революція, во время которой демократическая мелкая буржуазія выступитъ въ той же роли по отношенію къ народу, какую играли либералы въ 1848 г.

Эта мелкая буржуазія называетъ теперь себя республиканской или крайней и представляетъ собой значительную общественно политическую силу. Къ ней принадлежитъ не только большинство буржуазныхъ обитателей большихъ городовъ,—т. е. не только большинство мелкихъ предпринимателей, купцовъ и ремесленниковъ,—но также крестьяне и сельскіе пролетаріи, поскольку эти послѣдніе еще не примкнули къ выступающему самостоятельно городскому пролетаріату. Далекіе отъ всякихъ стремленій къ коренному переустройству общества въ интересахъ революціоннаго пролетаріата, мелкіе буржуа хотѣли бы лишь такъ перестроить существующее общество, чтобы имъ жилось въ немъ сносно и удобно. Прежде всего они требуютъ сокращенія государственныхъ расходовъ путемъ уменьшенія бюрократіи и переложенія главной тяжести налоговъ на крупныхъ землевладѣльцевъ и буржуа. Они требуютъ, далѣе, устраненія того гнета, который испытываетъ мелкій капиталъ со стороны крупнаго, и хотятъ достичь этого посредствомъ законовъ, направленныхъ противъ ростовщичества, и посредствомъ общественныхъ кредитныхъ учрежденій, которыя дали бы возможность мелкимъ буржуа и крестьянамъ получать отъ государства ссуды на необременительныхъ условіяхъ. Кромѣ того, имъ хочется утвердить въ деревнѣ господство буржуазныхъ имущественныхъ отношеній и совершенно устранить оттуда всѣ остатки феодализма. Для того, чтобы ослабить господство капитала и задержать его накопленіе, они предлагаютъ ограничить право наслѣдства, а для улучшенія быта рабочихъ,—которые должны, какъ и теперь, работать по найму,—они рекомендуютъ передачу возможно большей части работъ въ вѣдѣніе государства и лучшую организацію общественной благотворительности. Для проведенія всѣхъ этихъ мѣропріятій имъ нужно демократическое государственное устройство,—съ ограниченной монархіей или республикой,—и демократическая организація общиннаго самоуправленія.

Марксъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что мелкобуржуазная демократія въ дальнѣйшемъ развитіи германской революціи пріобрѣтетъ на время преобладающее вліяніе, смѣнивъ собою уже добившуюся господства крупную буржуазію. И это нисколько не удивляетъ насъ послѣ того, какъ мы узнали, что онъ былъ вирту-

озомъ филистерства и имѣлъ школьническое понятіе объ исторіи. Но какъ же должна была, по мнѣнію этого виртуоза филистерства, относиться партія революціоннаго пролетаріата къ мелкобуржуазной демократической партіи?

Въ „Обращеніи“ этотъ вопросъ подраздѣляется на три слѣдующихъ вопроса:

1) Какъ надо относиться къ ней при существующемъ порядкѣ вещей, который угнетаетъ также и мелкую буржуазію?

2) Какъ надо относиться къ ней во время предстоящей революціи, которая доставитъ ей преобладаніе?

3) Какъ надо относиться къ ней послѣ этой революціи?

На первый изъ этихъ вопросовъ Марксъ отвѣчаетъ, что въ настоящее время, когда мелко-буржуазная демократія повсюду чувствуетъ себя угнетенной, она проповѣдуетъ пролетаріату примиреніе и объединеніе, приглашая его создать вмѣстѣ съ ней одну большую оппозиціонную партію, въ которой сольются всѣ отдѣльные оттѣнки. По замѣчанію нашего „филистера“, это означаетъ, что мелкіе буржуа стремятся завлечь пролетаріатъ въ политическую организацію, въ которой его отдѣльныя классовыя требованія будутъ, въ интересахъ мира, преданы забвенію. Такое объединеніе,—говоритъ онъ,—принесло бы пользу однимъ демократамъ и очень сильно повредило бы пролетаріату. Пролетаріатъ утратилъ бы свое самостоятельное положеніе, пріобрѣтенное имъ съ такимъ трудомъ, и снова превратился бы въ простой придатокъ къ оффиціальной буржуазной демократіи. Вотъ почему коммунисты должны рѣшительно воспротивиться такому объединенію. Временное сочетаніе усилій для непосредственной борьбы съ общимъ врагомъ, конечно, необходимо, но ради него нѣтъ надобности объединяться съ демократами.

Словомъ, тутъ у Маркса выходитъ, что хотя надо бить вмѣстѣ, но тѣмъ не менѣе необходимо идти врозь.

Отвѣтъ на второй вопросъ состоитъ въ томъ, что правительства, въ предстоящихъ кровавыхъ столкновеніяхъ, будутъ побѣждены, какъ и прежде, главнымъ образомъ, благодаря мужеству, рѣшительности и самоотверженности рабочихъ, и, по прежнему, демократы, въ своемъ большинствѣ, будутъ долго оставаться нерѣшительными и не-дѣятельными, чтобы затѣмъ, когда побѣда будетъ уже вырвана изъ рукъ непріятеля, обратить ее въ свою пользу. Помѣшать этому рабочіе еще не въ состояніи; но они могутъ продиктовать мелкой буржуазіи такія условія, благодаря

которымъ значительно облегчится будущая замѣна господства буржуазной демократіи господствомъ пролетаріата. Рабочіе,—т. е. сознательные пролетаріи,—должны позаботиться о томъ, чтобы революціонное возстаніе массъ не улеглось тотчасъ же послѣ побѣды; рядомъ съ требованіями буржуазной демократіи рабочіе должны также при каждомъ удобномъ случаѣ выставлять свои собственныя классовыя требованія и добиваться,—если это будетъ нужно, даже силой,—чтобы новое правительство гарантировало имъ исполненіе этихъ требованій. Короче, они должны,—какъ выразилась бы „новая“ „Искра“—возможно больше развязать революцію. Но эта задача развязанія революціи нисколько не исключаетъ, въ глазахъ нашего автора, задачи организаціи силъ ея главнаго фактора—пролетаріата. Пролетаріатъ долженъ быть организованъ и вооруженъ, иначе онъ не въ состояніи будетъ противиться буржуазной демократіи, которая измѣнитъ ему немедленно послѣ низверженія существующаго порядка.

Переходя къ отвѣту, даваемому Марксомъ на третій и послѣдній изъ поставленныхъ имъ вопросовъ, т. е. на вопросъ объ отношеніи пролетаріата къ мелко-буржуазной демократіи послѣ побѣды, мы прежде всего укажемъ на тотъ фактъ, что основатель научнаго соціализма, какъ видно, не допускалъ даже и мысли о томъ, что политическіе представители революціоннаго пролетаріата могутъ вмѣстѣ съ представителями мелкой буржуазіи трудиться надъ созданіемъ новаго общественнаго строя. Совершенно наоборотъ: послѣ побѣды надъ крупной буржуазіей и захвата власти мелко-буржуазными демократами, рабочіе должны были, по плану Маркса, сложиться въ сильную оппозиціонную партію, которая своей критикой и своей агитаціей толкала бы впередъ мелко-буржуазное правительство, а главное—все болѣе и болѣе развивала бы революціонное самосознаніе представляемаго ею класса. Конечно, говоритъ Марксъ, рабочіе сначала не въ состояніи будутъ выставлять чисто коммунистическія требованія. Но уже съ самаго начала они будутъ имѣть возможность:

1) Принудить демократовъ къ революціонному вмѣшательству въ существующія общественныя отношенія;

2) Толкать впередъ демократовъ, склоняющихся только къ соціальной реформѣ, а не къ соціальной революціи, и вкладывать болѣе крайнее содержаніе въ предлагаемыя ими мѣропріятія. Такъ, напримѣръ, если демократы предлагаютъ выкупить желѣзныя дороги и фабрики, то пролетаріатъ долженъ требовать,

чтобы эти фабрики и дороги были конфискованы въ качествѣ имущества реакціонеровъ; если демократы потребуютъ введенія подоходнаго налога, то пролетаріатъ долженъ требовать введенія прогрессивнаго подоходнаго налога, и т. п.

Нѣмецкіе рабочіе, говорилъ Марксъ въ заключеніе, не могутъ непосредственно достигнуть господства: но они могутъ и должны стараться приблизить свою окончательную побѣду, выясняя себѣ свои классовые интересы, не позволяя сбить себя съ толку фразеологіей мелкобуржуазной демократіи и выступая въ качествѣ отдѣльной, независимой партіи. Ихъ лозунгомъ должна быть непрерывная революція.

Такъ говорилъ Марксъ въ ожиданіи мелко-буржуазнаго переворота. Его „Обращеніе“ еще недавно удостоилось самаго рѣзкаго отзыва со стороны г. Бернштейна (см. пресловутую книжонку этого послѣдняго). И, дѣйствительно, оно до такой степени пропитано непримиримымъ революціоннымъ духомъ, что одно чтеніе его должно бросать въ лихорадку всякаго благомыслящаго мелкаго буржуа. Но намъ нѣтъ дѣла до мелко-буржуазныхъ политиковъ. Намъ важно здѣсь то, что это архиреволюціонное „Обращеніе“ предлагаетъ какъ разъ ту тактику, которую рекомендуетъ теперь русскимъ товарищамъ „Искра“ и которую „Впередъ“ осуждаетъ, какъ жалкое измышленіе жалкихъ филистеровъ. Согласитесь, читатель, что мы съ вами сдѣлали очень интересное открытіе, и что ради одного этого открытія стоило и давно слѣдовало сдѣлать предпринятую нами историческую справку.

И замѣтьте при этомъ, что вы очень ошибетесь, если хоть на минуту предположите, будто мы считаемъ, что наша справка окончательно исчерпываетъ вопросъ. Отнюдь нѣтъ! Мы никогда не думали, что мы во всемъ должны слѣпо слѣдовать примѣру Маркса. Марксъ могъ ошибаться, и тотъ изъ насъ, кто замѣтитъ его ошибку, обязанъ обнаружить ее передъ товарищами. Только недобросовѣстные или глупые люди рѣшались утверждать, что „ортодоксальные“ марксисты не допускаютъ никакой критики своего учителя. Нѣтъ, „ортодоксы“ возмущаются только такою будто бы критикой Маркса, которая,—подобно критикѣ, практикуемой г. Бернштейномъ и неокантіанцами и сторонниками Маха и Авенаріуса,—представляетъ собою лишь совершенно некритическое повтореніе буржуазныхъ нападокъ на основу современнаго научнаго соціализма. Такая „критика“ въ самомъ дѣлѣ глубоко возмущаетъ насъ. А кто сдѣлаетъ серьезное возраженіе

противъ Маркса, тотъ можетъ быть увѣренъ, что мы выслушаемъ его съ самымъ серьезнымъ и самымъ спокойнымъ вниманіемъ. Но кто критикуетъ Маркса, тотъ такъ и говоритъ долженъ: „съ Марксомъ я тамъ-то и тамъ-то не согласенъ“. Кто критикуетъ Маркса, тотъ и выступать долженъ во имя критики, не во имя „ортодоксіи“.

Если наши противники находятъ, что тактика, отстаиваемая „Искрой“, неправильна, то имъ такъ и говорить надо: „хотя эта тактика вполнѣ согласна съ той, которую защищалъ въ свое время Марксъ, но она всетаки ошибочна“. Далѣе, разумѣется, должны слѣдовать доказательства. Но наши противники поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они самихъ себя выдаютъ за вѣрныхъ послѣдователей Маркса, а „Искру“ объявляютъ органомъ оппортунистовъ и филистеровъ, неспособныхъ усвоить истинный смыслъ Марксова ученія. При этомъ доказательства ихъ ограничиваются (см. многочисленныя статьи во „Впередъ“) нѣсколькими безпрестанно повторяемыми словечками, которыя, по мнѣнію лицъ, пускающихъ ихъ въ ходъ, очень хлестки, но въ дѣйствительности производятъ впечатлѣніе сердитаго безсилія именно потому, что безпрестанно повторяются вмѣсто серьезныхъ доводовъ.

Прибавлю кстати, что критика взглядовъ, заключающихся въ изложенномъ здѣсь „Обращеніи“, была сдѣлана двумя очень компетентными въ марксизмѣ лицами, именно—самимъ Марксомъ и Энгельсомъ.

„Обращеніе“ написано было,—какъ сказано выше,—въ ожиданіи новаго революціоннаго взрыва въ передовыхъ странахъ Европы. Но очень скоро—въ томъ же 1850 году—Марксъ увидѣлъ, что такое ожиданіе было неосновательно, и тогда онъ немедленно заявилъ объ этомъ въ своемъ журналѣ, выходившемъ въ Гамбургѣ въ 1850 г. и называвшемся также, какъ и знаменитая газета 1848—49 гг. „Neue Rheiniche Zeitung“.

Но въ 1850 году Марксъ призналъ ошибочнымъ только свое ожиданіе новаго взрыва, а тѣ задачи, которыя онъ ставилъ передъ рабочимъ классомъ Германіи, онъ не пересталъ тогда считать вполнѣ правильно формулированными, и если бы у него въ скоромъ времени опять возникла увѣренность въ томъ, что въ Европѣ близка мелко-буржуазная революція, то онъ поставилъ бы эти задачи въ прежней ихъ формулировкѣ. Лишь долго спустя, онъ убѣдился, что въ ту эпоху, къ которой относится его „Обращеніе“, капитализмъ представлялся ему значительно болѣе отжившимъ и

одряхлѣвшимъ способомъ производства, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Эта перемѣна взгляда отмѣчена въ знаменитомъ предисловіи Энгельса къ Марксовой книгѣ: „Die Klassekämpfe in Frankreich". И въ виду этой перемѣны могутъ предположить, пожалуй, что впослѣдствіи сами Марксъ и Энгельсъ не одобрили бы той тактики, которую они предлагали германскимъ коммунистамъ. И намъ скажутъ, можетъ быть: зачѣмъ же вы хотите поступать, какъ Марксъ и Энгельсъ, въ такое время, когда Марксъ и Энгельсъ поступали бы иначе?

На это мы отвѣтимъ, что Марксъ и Энгельсъ не одобрили бы своей тактики 1850 года только съ той ея стороны, которая обусловливалась ихъ тогдашнимъ убѣжденіемъ въ дряхлости капитализма, а слѣдовательно и въ совершенной близости соціалистической революціи, для которой мелко-буржуазный переворотъ долженъ былъ послужить только прологомъ. Именно это убѣжденіе и продиктовалъ имъ выставленный ими лозунгъ непрерывная революція. Впослѣдствіи, когда соціалистическая революція перестала казаться имъ совсѣмъ близкой, они, даже въ ожиданіи мелко-буржуазной революціи, уже не сказали бы: „нашъ лозунгъ—Revolution in Permanenz, такъ какъ они видѣли бы, что отсутствуютъ объективныя (а слѣдовательно, и субъективныя, т. е. психологическія) условія „непрерывной революціи". Политическія задачи пролетаріата были бы опредѣлены ими уже въ томъ предположеніи, что демократическій строй останется господствующимъ въ теченіе довольно продолжительнаго періода. Но именно потому они еще рѣшительнѣе осудили бы участіе соціалистовъ въ мелко-буржуазномъ правительствѣ. Иначе сказать, они тѣмъ яснѣе показали бы себя ненавистными газетѣ „Впередъ" виртуозами филистерства.

— Толкуйте!—воскликнетъ иной читатель,—это одни ваши предположенія, и вы ничѣмъ не докажете, что они правильны.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, возразимъ мы: у насъ есть неотразимое доказательство, заключающееся въ письмѣ Энгельса къ Турати, написанномъ не далѣе какъ въ 1894 году.

Въ этомъ году на всемъ итальянскомъ полуостровѣ было чрезвычайно сильно неудовольствіе противъ реакціонной политики правительства, и революція становилась довольно вѣроятной. Въ виду этого революціоннаго положенія дѣлъ и написано было только что упомянутое нами письмо.

Въ немъ старый теоретикъ международнаго соціализма обращаетъ вниманіе Турати на то обстоятельство, что на нынѣшней ступени экономическаго развитія Италіи ожидаемая революція „не можетъ быть соціалистической и будетъ мелкобуржуазной“ [1]). До побѣды пролетаріатъ долженъ выступать противъ существующаго порядка рядомъ съ мелкой буржуазіей, но непремѣнно въ видѣ отдѣльной партіи („врозь идти, вмѣстѣ бить“, говоримъ мы теперь). А послѣ побѣды было бы чрезвычайно опасно („questo é il pericolo piu grand“, говоритъ Энгельсъ), если бы соціалисты вошли въ новое правительство. Этимъ они повторили бы ошибку, сдѣланную въ 1848 году Луи Бланомъ и другими французскими соціалистами. Участвуя въ новомъ,—демократическомъ,—правительствѣ, итальянскіе соціалисты приняли бы на себя отвѣтственность за всѣ ошибки и за всѣ измѣны этого правительства по отношенію къ рабочему классу, а въ то же самое время революціонная энергія этого класса парализовалась бы тѣмъ же самымъ фактомъ участія соціалистовъ въ правительствѣ.

Этотъ совѣтъ итальянскимъ товарищамъ подкрѣпляется въ письмѣ общими тактическими соображеніями, правильность которыхъ доказана была, по словамъ Энгельса, опытомъ всей его жизни. „Они еще ни разу (non una volta) не ввели меня въ ошибку“,—говоритъ авторъ письма.

Итакъ, участвовать въ революціонномъ правительствѣ вмѣстѣ съ представителями мелкой буржуазіи значитъ измѣнять пролетаріату. Вотъ что говоритъ намъ наша справка. А изъ этого слѣдуетъ, что, съ точки зрѣнія марксизма, не „Искра“ а „Впередъ“ проповѣдуетъ оппортунизмъ—и при томъ самый худшій, самый вредный оппортунизмъ.

Нѣтъ, господа, вы можете рисовать какія вамъ угодно карикатуры и сколько вамъ угодно повторять ваши будто бы хлесткія, а на самомъ дѣлѣ избитыя словечки. Но правда остается правдой: Марксъ и Энгельсъ осудили бы тактику „Впередъ“ и одобрили бы тактику „Искры“. И если вамъ хочется доказать несостоятельность этой послѣдней, то вамъ не миновать критики Маркса. Приступайте же, гг. „впередовцы“, къ вашимъ критическимъ упражненіямъ. Мы выслушаемъ васъ со всѣмъ

---

[1]) Энгельсъ, какъ видно, до глубокой старости остался „виртуозомъ филистерства“ и сохранилъ свой „школьническій“ взглядъ на исторію.

тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ интересующій насъ важный спорный вопросъ. Начинайте, „благословясь“, и да помогутъ вамъ всевозможные Махи и Авенаріусы! Не забывайте, что труденъ только первый шагъ; а вашъ первый шагъ, по своей огромности, былъ достоенъ Вольтеровскаго Макромегаса: вы доказали, что основатели матеріалистическаго объясненія исторіи были школьниками и виртуозами филистерства въ своихъ историческихъ взглядахъ. Идите дальше: смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Заканчивая эту справку, я опять позволю себѣ обратиться къ товарищу С. и выразить ему ту надежду, что теперь ему уже ясно, какъ смотрю я на вопросъ о захватѣ власти: я рѣшительно не ощущаю потребности критиковать въ этомъ отношеніи Маркса.

Г. Плехановъ.

Революціонныя перспективы.

(3-го марта 1905 года, № 90).

I.

„Движеніе всемірнаго духа принимаетъ въ разныя времена разныя формы... Иногда онъ покидаетъ поверхность исторической почвы и устремляется въ глубину, скрывающую отъ нашихъ глазъ его работу... Иногда онъ идетъ семимильными шагами, совершая множество самыхъ блестящихъ завоеваній, и, ничѣмъ не довольный, онъ уже нынѣ отрицаетъ тѣ результаты, къ которымъ пришелъ вчера. Таковы эпохи великихъ историческихъ событій, умственныхъ и общественныхъ переворотовъ“ [1]). Такова эпоха, наступившая у насъ въ Россіи—эпоха революціи.

Русская соціалдемократія съ самаго начала предвидѣла неизбѣжность ея наступленія; она съ самаго начала предсказала ея соціальный характеръ—это будетъ революція буржуазная; она

---

[1]) См. Г. Плехановъ, О задач. соціал. въ борьбѣ съ голод. въ Россіи. 1892 г.

предсказала, кто будетъ ея главнымъ дѣйствующимъ лицомъ—ее совершатъ рабочіе, или она вовсе не совершится; она намѣтила, наконецъ, роль, которую въ ней сыграетъ пролетаріатъ—вмѣсто слѣпого орудія, которымъ онъ служилъ въ прежнихъ революціяхъ, онъ въ русской революціи явится ея сознательнымъ двигателемъ; видя въ политической свободѣ не самодовлѣющую цѣль, а средство для своего соціальнаго освобожденія, онъ не допуститъ подмѣны демократіи демократической фразой, онъ самое побѣду буржуазнаго общества надъ абсолютизмомъ превратитъ въ прологъ къ своей побѣдѣ надъ буржуазнымъ обществомъ.

Такова была настоящая революція въ обычномъ представленіи русской соціалдемократіи. Но именно тогда, когда она изъ абстракціи превратилась въ осязательный фактъ, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей какъ будто перестали ее понимать и очутились въ положеніи евангельскихъ дѣвъ въ моментъ пришествія жениха. И это насъ особенно не удивляетъ. Нашъ прошлый политическій опытъ слишкомъ скуденъ по сравненію съ нашей соц.-демократической доктриной и, какъ бы ни были широки горизонты, которые она намъ открывала, привычки и навыки мысли, пріобрѣтенные въ атмосферѣ революціоннаго подполья, должны были сказаться въ минуту историческаго испытанія. Можно было ожидать, что *однихъ* яркія событія революціонной эпохи ослѣпятъ, *другихъ* не вразумятъ, потому что они слишкомъ уже пропитались духомъ заговорщичества и кружковщины: ограниченные доктринеры, имѣющіе въ запасѣ на всѣ случаи жизни двѣ—три маленькія организаціонныя идейки, они твердили и твердятъ съ докучливой монотонностью маятника—надо прежде всего создать „штабъ спѣвшихся и подготовленныхъ руководителей“. Прежде это было единоспасающее средство для политической агитаціи, теперь это единоспасающее средство для подготовки возстанія. И прежде, и теперь, для достиженія этой цѣли, слѣдовало бы начать съ расщепленія партіи на пожирающіе другъ друга кружки.

Насъ не удивляютъ подобныя рѣчи, но онѣ насъ убѣждаютъ, что намъ необходимо еще и еще разъ оцѣнивать и переоцѣнивать текущія событія съ точки зрѣнія нашихъ общихъ взглядовъ. Иначе мы рискуемъ, что нѣкоторые элементы соціалдемократіи, вмѣсто того, чтобы овладѣть революціонной стихіей, потонутъ и растворятся въ ней безслѣдно.

* * *

9 января было началомъ русской революціи, говорили мы.—Въ

этотъ день, какъ говорило партійное воззваніе, гигантскія руки пролетаріата схватили за горло чудовище стараго режима.

Въ январьскіе дни никому не приходило въ голову спорить противъ этого. Но когда январьское движеніе было физически раздавлено, организаціонные утописты опомнились и обрушились на „Искру“ за цитированныя слова. За ними, говорили они, „скрывается какая-то искусственно подогрѣтая фальшь... Вовсе пролетаріатъ не схватилъ за горло самодержавія... Теперь надо готовиться къ первому настоящему натиску пролетаріата, который еще предстоитъ“... Планъ „перваго настоящаго натиска“ они давно изготовили въ своемъ подпольѣ; теперь они излагаютъ его „по пунктамъ“. Спорить противъ этого „плана“ по существу невозможно, потому что онъ совершенно невинный, настолько невинный, что его можно было бы съ одинаковымъ удобствомъ придумать и для Россіи и для Испаніи, и для 20-го и для 18-го вѣковъ. Но именно потому, что эти люди съ серьезнымъ видомъ занимаются изготовленіемъ бумажныхъ стратегическихъ плановъ, по примѣру блаженной памяти австрійскаго эрцгерцога Карла, ихъ „агенты“, во время начала фактическаго возстанія, въ январьскіе дни—блистали своимъ отсутствіемъ, а сами они не только не представляютъ себѣ реально, какъ дѣлается возстаніе, но непредставляютъ себѣ даже реально, что такое революція. Поэтому-то имъ кажется филистерскимъ утвержденіе, что 9-ое января знаменовало переломъ въ нашей исторіи, не смотря на то, что петербургское движеніе еще не было достаточно сознательнымъ, еще не было вооруженнымъ и еще не побѣдило войскъ абсолютизма.

По ихъ мнѣнію, ломка нашей политической надстройки и всенародное вооруженное выступленіе у насъ очень и очень могутъ совершиться „отъ одного удара“; по ихъ мнѣнію, они могутъ быть заранѣе „назначены“, какъ назначается заранѣе стачка. Когда имъ напоминаютъ, какъ Энгельсъ издѣвался надъ подобными разсужденіями, какъ онъ издѣвался надъ тѣмъ, „что революцію можно сдѣлать на заказъ, какъ кусокъ узорчатаго ситца или чайникъ“, они начинаютъ эквилибрировать понятіемъ „революція“. „Народная революція“, т. е. переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ“, говорятъ они, дѣйствительно не можетъ быть назначена заранѣе, но не объ этомъ, дескать, рѣчь; „народная революція“ началась у насъ съ паденія крѣпостного права. Пустословіе. Когда Энгельсъ издѣвался надъ бакунистски-ткачевскимъ планомъ „изготовленія“ революціи, онъ совершенно

опредѣленно говорилъ о революціи въ смыслѣ „ломки политической надстройки“, а не въ смыслѣ того органическаго процесса *измѣненія* экономическихъ условій производства, который у насъ тянулся 40 лѣтъ.

Когда происходитъ дѣйствительно коренная ломка въ политической надстройкѣ, а не перетасовка въ правящей кликѣ, она проявляется всегда въ видѣ болѣе или менѣе продолжительной *гражданской войны*. Всѣ народныя революціи, которыя знаетъ исторія, характеризовались, какъ эпохи дезорганизаціи общественнаго порядка, какъ эпохи „анархіи“, сопровождавшейся и обусловливавшейся рядомъ насильственныхъ столкновеній между властью и повстанцами, столкновеній, которыя въ свою очередь вызывали и вызывались пертурбаціями въ политическихъ учрежденіяхъ, ихъ ломкой и перестройкой, переходомъ политической власти изъ рукъ въ руки, отъ однихъ общественныхъ классовъ и группъ къ другимъ и т. д. Это трюизмъ, и именно потому что это трюизмъ, это можно было бы узнать хотя бы изъ гимназическихъ учебниковъ исторіи. Въ любомъ изъ нихъ имѣются полезныя свѣдѣнія, что, напр., нидерландская революція означаетъ періодъ гражданской войны, который тянулся 7 лѣтъ отъ первой побѣды „морскихъ гезовъ“ до утрехтской уніи, положившей основаніе Нидерландской республики; что англійская революція означаетъ періодъ гражданской войны, который тоже тянулся 7 лѣтъ отъ „великаго мятежа“ до казни Карла I и провозглашенія республики; что Великая Французская Революція означаетъ періодъ гражданской войны, который тянулся 5 лѣтъ, отъ созыва „генеральныхъ штатовъ“ до 9. Термидора и т. д.

Для спасенія ткачевской теоріи революціи, намъ указываютъ еще на то, что „одному удару“, который спасетъ нашу политическую надстройку, уже предшествовали сотни ударовъ. Это мы хорошо знали, но мы узнаемъ также, что „количество переходитъ въ качество“. Пониманіе этой истины подсказало Марксу необходимость рѣзкаго поворота въ тактикѣ, въ февралѣ 48 года, когда наступила эпоха революціи; оно же, наоборотъ, предостерегло его отъ революціонныхъ авантюръ въ 50 годахъ, когда для него ясно стало, что „критическая эпоха“ исторіи смѣняется навремя „органической“. Количество переходитъ въ качество, и тотъ, кто знаетъ исторію, понимаетъ, что десятилѣтія борьбы въ „органическія эпохи“ исторіи неспособны такъ политически просвѣтить народъ, какъ его просвѣщаютъ мѣсяцы борьбы въ „кри-

тическія эпохи“ гражданской войны, потому что въ послѣднемъ случаѣ въ политическую борьбу физически и духовно вовлекаются дотолѣ инертныя стотысячныя народныя массы. Народъ, который, не взирая на поверхностныя политическія движенія и на глубокіе молекулярные процессы, въ огромной своей массѣ жилъ и приспособлялся къ рабскому режиму, не можетъ въ одинъ день стать свободнымъ; чтобы стать свободнымъ, онъ долженъ вариться и перевариваться въ революціонномъ котлѣ. Поэтому, революція никогда не начиналась сразу съ возстанія всего народа, никогда не начиналась съ учрежденія законченныхъ и устойчивыхъ политическихъ формъ и никогда не кончалась послѣ „перваго удара“.

Изъ этого исходила „Искра“, утверждая, что 9-е января есть начало русской революціи. Это начало народной, гражданской войны. Съ одной стороны, 9-е января было началомъ русской революціи, хотя петербургское движеніе еще не было побѣдоноснымъ; съ другой стороны, даже созывъ учредительнаго собранія не будетъ концомъ русской революціи, хотя этотъ созывъ совершится, можетъ быть, уже послѣ одного или нѣсколькихъ побѣдоносныхъ движеній въ Петербургѣ или въ провинціи. Онъ не будетъ концомъ русской революціи, какъ не былъ концомъ Великой Французской Революціи созывъ конвента, какъ не было концомъ февральской революціи учрежденіе временнаго правительства.

Нѣкоторые проницательные читатели въ нашей критикѣ „назначенія всенароднаго вооруженнаго выступленія“ усматривали пренебреженіе къ вопросу о рѣшительномъ столкновеніи революціи и реакціи вообще. Къ ихъ свѣдѣнію, мы должны сказать, что мы исходимъ изъ діаметрально-противоположныхъ мотивовъ: мы критикуемъ подобныя теоріи именно потому, что ихъ измышленіемъ отвлекается вниманіе отъ условій дѣйствительной подготовки такого столкновенія, а объ этомъ въ настоящее время долженъ думать всякій серьезный революціонеръ.

Если вѣрно, что въ эпоху революціи параллельно и въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ ломкой старыхъ политическихъ и юридическихъ формъ и созиданіемъ новыхъ, быстро растетъ политическая сознательность общественныхъ классовъ и разливается въ ширь народное движеніе, то очевидно, что подготовка къ рѣшительному моменту не можетъ совершиться по самодовлѣющему стратегическому плану, очевидно, что она должна

дѣлаться въ самой тѣсной связи со сложной и всесторонней политической работой въ массахъ, не говоря уже о томъ, что при отсутствіи этого условія, размахъ народнаго движенія нисколько не гарантировалъ бы соотвѣтственнаго размаха политическаго переворота. Эпоха революціи не только выдвигаетъ передъ нами новый вопросъ, новый, какъ практическій—о подготовкѣ рѣшительнаго столкновенія; она выдвигаетъ также вопросъ о новыхъ методахъ политическаго воздѣйствія на широкія народныя массы, и первый вопросъ неразрѣшимъ внѣ связи со вторымъ. Кардинальное отличіе гражданскихъ войнъ отъ обычныхъ заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ почти все комплектованіе арміи и ея вооруженіе предшествуетъ войнѣ, въ первомъ же случаѣ они совершаются преимущественно въ самый періодъ войны. Поэтому, въ обычныхъ войнахъ главная забота должна быть направлена на военную тактику, на стратегію; въ гражданскихъ же войнахъ на политическую тактику, вербующую революціонной партіи ея армію—народныя массы. Не можетъ сколько-нибудь успѣшно подготовлять рѣшительное столкновеніе та партія, которая не сумѣетъ тѣсно связать со своими планомѣрными политическими шагами полустихійныя движенія народныхъ массъ, не сможетъ подготовлять его та партія, мышленіе которой полно кружковыхъ предразсудковъ, методы дѣйствія которой скованы тѣсными заговорщическими рамками.

* * *

Съ 9-го января мы вступили въ эпоху гражданской войны, въ эпоху революціи. Каково соціальное содержаніе этой революціи? Эта революція будетъ буржуазная, говорили мы всегда, и до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, никто изъ соціалдемократовъ прямо и категорически этого положенія не оспариваетъ. Никто еще прямо не оспариваетъ, но нѣкоторые уже теперь высказываютъ такіе взгляды, которые, будучи развиты до логическаго конца, никоимъ образомъ не могутъ быть примирены съ нашими обычными представленіями о русской революціи, какъ о революціи буржуазной. Взгляды эти, правда, пока высказываются единицами, но мы ихъ не можемъ и не должны игнорировать, потому что они теперь больше, чѣмъ когда-либо, могутъ найти себѣ резонансъ, потому что сама дѣйствительность какъ будто за нихъ говоритъ.

Въ самомъ дѣлѣ, выплывшія на историческую поверхность грандіозныя событія послѣдняго времени какъ будто плохо со-

гласуются съ тѣмъ, что мы переживаемъ теперь буржуазную революцію. Развѣ огромный взрывъ пролетарскаго движенія не заглушилъ слабые голоса нашей фрондирующей либеральной демократіи? Развѣ въ виду могучаго движенія возставшаго россійскаго пролетаріата не кажутся жалкими робкія и нерѣшительныя движенія нашей буржуазіи? Развѣ передъ яркими и бурными январьскими событіями не блѣднѣютъ либерально-демократическіе банкеты недавно минувшей политической „весны“? Все это несомнѣнно вѣрно, и, всетаки, это нисколько не противорѣчитъ тому, что настоящая русская революція есть революція буржуазная, и, всетаки, это нисколько не оправдываетъ тѣхъ скачковъ мысли, которые съ такой легкостью продѣлываютъ нѣкоторые наши товарищи.

Русскій пролетаріатъ обнаружилъ огромную боевую революціонную силу и несомнѣнно, что она служитъ главнымъ залогомъ торжества революціи: критика оружія не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики, и, въ концѣ концовъ, всякій глубокій политическій конфликтъ рѣшается физической силой. Но въ какихъ же буржуазныхъ революціяхъ пролетаріатъ не зарекомендовалъ себя, какъ главная боевая сила? Однако, это еще не опредѣляло соціальнаго характера революціи, не опредѣляло даже с а м о п о с е бѣ политической роли пролетаріата въ революціи.

Когда редакція „Искры“ въ своемъ „Письмѣ къ организаціямъ“ указывала, что въ періодъ „весны“ „политическая сцена была заполнена тяжбой между организованной буржуазіей и бюрократіей“, когда она указывала, что въ такой моментъ всякое революціонное движеніе „въ низахъ“ [1]), т. е. всякое малосознательное революціонное движеніе объективно свелось бы къ поддержкѣ той изъ двухъ силъ, которая заинтересована въ ломкѣ даннаго режима, эти слова „Искры“ привели нѣкоторыхъ изъ нашихъ „критиковъ“ въ веселое настроеніе: „Искра“ говоритъ о нашей организованной буржуазіи, какъ о силѣ! Развѣ январьскія событія не посрамили „Искру“, развѣ эти событія не показали, что главная наша боевая сила—пролетаріатъ? Послѣднее, дѣйствительно, доказали событія, но они доказали кромѣ того, что наши „критики“, сознательно или безсознательно, путаютъ понятія, что они, подобно соц.-революціоне-

[1]) Очевидно, что къ послѣдовавшему за либеральной „весной“ петербургскому движенію такое опредѣленіе „въ низахъ“ ни въ какомъ смыслѣ непримѣнимо, потому что эти событія совершились не на задворкахъ исторіи, а на ея политической авансценѣ.

рамъ, сознательно или безсознательно, отождествляютъ понятіе „боевая сила“ съ понятіемъ „политическая сила“, отождествляютъ политику съ „механикой“. Такое отождествленіе понятій можетъ иногда льстить самолюбію массъ, но ничто не можетъ принести столько вреда пролетаріату, особенно въ моментъ революціи, какъ соблазнительные напѣвы „революціонныхъ сиренъ“; поэтому, мы постараемся прежде всего распутать узелъ, заплетенный нашими критиками.

Исторія знаетъ огромныя крестьянскія движенія, какъ, напр., „жакеріи“ во Франціи, крестьянскія войны въ Германіи въ эпоху реформаціи, крестьянское движеніе во время Великой революціи и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне обнаружили огромную боевую разрушительную силу; но эта боевая сила была въ то же время самостоятельной политической силой только въ тѣхъ случаяхъ, когда требованія возставшихъ крестьянъ шли по пути историческаго развитія общества, какъ напр., во время Великой революціи. Въ другихъ же случаяхъ крестьянское движеніе либо проходило безслѣдно, какъ „жакеріи“, либо же дезорганизація, внесенная ими въ общественную жизнь, учитывалась другими общественными классами въ своихъ интересахъ. Массовыя движенія пролетаріата, въ отличіе отъ крестьянскихъ движеній, всегда бывали революціонны, по крайней мѣрѣ, потенціально. Но и въ нихъ самостоятельная политическая сила пролетаріата обнаруживалась ровно постольку, поскольку революціонная энергія пролетаріата сочеталась съ политической сознательностью. Возстаніе 18 марта въ Берлинѣ, возстаніе вѣнскаго пролетаріата, дрезденское и т. д., конечно, не только двинули впередъ, но прямо создали революцію 48 года; но, поскольку германскій пролетаріатъ того времени былъ мало сознателенъ, его боевая сила оказалась политической силой *другого* класса—умѣренно либеральной буржуазіи, которая учла въ своихъ политическихъ интересахъ самоотверженную борьбу германскихъ пролетаріевъ. Точно такъ же соціально-политическій характеръ февральской революціи далеко не соотвѣтствовалъ ни той боевой роли, которую въ ней игралъ пролетаріатъ, ни его соціальнымъ мечтамъ. И обратно: средніе и высшіе буржуазные классы никогда не представляли изъ себя сколько-нибудь замѣтной боевой силы, и, тѣмъ не менѣе, они играли крупную политическую, а, иногда и революціонно политическую роль, поскольку они умѣли утилизировать боевую силу пролетаріата въ своихъ революціонныхъ цѣляхъ. Все это— азбука, тѣмъ не менѣе, ее не слѣдуетъ забывать.

Если-бъ наши „критики“ были послѣдовательны, то, при ихъ смѣшеніи политики съ „механикой“, они бы изъ современныхъ событій сдѣлали выводъ, что наша настоящая революція не буржуазная, а пролетарская, „соціалистическая“; однако, они этого вывода не рѣшаются сдѣлать; очевидно, что прямолинейность не достаточная гарантія послѣдовательности.

* * *

Черезъ призму „механика“ наша революція неизбѣжно должна представляться въ извращенномъ видѣ. Какова же будетъ ея перспектива, если посмотрѣть на нее черезъ марксистскую призму?

Рабочіе Петербурга, какъ и другихъ городовъ, въ своихъ требованіяхъ исходили и исходятъ, прежде всего, отъ своихъ соціально-экономическихъ интересовъ: экономическія требованія были выставлены рабочими повсемѣстно. Это — черта общая для всѣхъ массовыхъ пролетарскихъ движеній, извѣстныхъ въ исторіи. Нынѣшнее рабочее движеніе въ Россіи отличается отъ соотвѣтственныхъ движеній въ эпохи западно-европейскихъ буржуазныхъ революцій только болѣе ясно выраженнымъ специфическимъ характеромъ классовой борьбы промышленнаго пролетаріата: это сказывается и въ формѣ движенія—всеобщія стачки, и въ опредѣленности и однородности экономическихъ требованій. Но, несмотря на свой рѣзкій пролетарскій характеръ, настоящая волна рабочаго движенія есть несомнѣнно феноменъ буржуазной революціи, ликвидирующей самодержавно-крѣпостной строй. Во 1-хъ, толчкомъ для этого грандіознаго движенія послужило ставшее для всѣхъ явнымъ и осязательнымъ банкротство системы бюрократической опеки. Отстаивая свои спеціальныя пролетарскія нужды, рабочіе сознаютъ и говорятъ, что онѣ въ значительной степени являются частнымъ случаемъ общихъ нуждъ русскаго гражданина: „государь“, говорятъ петербургскіе рабочіе, „насъ здѣсь многія тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами, равно какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ, не признаютъ ни одного человѣческаго права“... Во 2-хъ, самый фактъ быстраго распространенія стачечнаго движенія на слои, смежные съ пролетаріатомъ (приказчики, конторщики, служащіе, фармацевты) и даже на либеральныя профессіи, свидѣтельствуетъ, насколько въ этомъ движеніи силенъ общегражданскій мотивъ эмансипаціи личности. Въ 3-хъ, тенденціи движенія превратиться въ систематическую дезорганизацію общественнаго порядка показываютъ, что мы теперь имѣемъ дѣло не съ обыч-

нымъ профессіональнымъ пролетарскимъ движеніемъ. Наконецъ, политическій языкъ, на который пролетаріатъ перевелъ свои соціальныя нужды, и откликъ, который этотъ языкъ нашелъ въ общественномъ мнѣніи буржуазныхъ классовъ, явно показываютъ, что движеніе пролетаріата знаменуетъ собой буржуазную революцію.

О политическомъ языкѣ, которымъ заговорилъ пролетаріатъ, свидѣтельствуетъ петиція петербургскихъ рабочихъ: она является до извѣстной степени лозунгомъ всего настоящаго рабочаго движенія. Я говорю: до извѣстной степени, потому что въ нѣкоторыхъ городахъ рабочіе при всеобщей стачкѣ выставили только экономическія требованія; политическій характеръ движенія въ этихъ случаяхъ проявился только въ томъ, что стачки возникали по солидарности съ петербургскимъ возстаніемъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ рабочіе даже протестовали противъ политическихъ требованій. Но, поскольку петербургскія событія наложили свой отпечатокъ на движеніе въ цѣломъ, мы можемъ сказать, что въ Петербургѣ рабочіе дали политическій лозунгъ всему настоящему движенію. Въ чемъ же заключается этотъ лозунгъ?

„Повели немедленно, сейчасъ же,—говорятъ петербургскіе рабочіе,—призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій, представителей и отъ рабочихъ, пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель... чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба, въ ней и на ней зиждется все“...

Лозунгъ этотъ показываетъ, что значительные и вліятельные слои нашего пролетаріата въ настоящій моментъ въ своихъ политическихъ притязаніяхъ идутъ дальше большинства оппозиціонныхъ элементовъ буржуазнаго общества, но они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами развитія буржуазнаго общества; напротивъ того, они намѣчали бы только историческую задачу буржуазной революціи, если бъ они еще отвергли монархическій принципъ, и несомнѣнно, что послѣ разстрѣла рабочихъ огромныя массы ихъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, сдѣлали въ своемъ сознаніи и этотъ шагъ.

Конечно, нашъ пролетаріатъ, выставляя свои политическія требованія, тѣмъ самымъ стремится, болѣе или менѣе сознательно, къ завоеванію простора для борьбы съ буржуазіей. Но завоева-

ніе этого простора составляетъ одну изъ задачъ именно буржуазной революціи, которая по существу своему антагонистична: обезпечивая политическое господство буржуазіи, она, въ то же время, въ большей или меньшей степени, „легализируетъ“ классовую борьбу пролетаріата съ буржуазіей. Безъ большей или меньшей легализаціи этой борьбы буржуазное общество не можетъ развиваться; безъ нея буржуазное общество представляло бы арену сплошной острой гражданской войны. Вотъ почему болѣе дальновидная буржуазія не только мирится со многими политическими и экономическими требованіями пролетаріата, но даже вводитъ ихъ въ свою собственную программу, конечно, изъ соображеній, противоположныхъ соображеніямъ сознательнаго пролетаріата. Англійская „великая либеральная партія“ буржуазіи именно тѣмъ и покорила надолго своему вліянію англійскій пролетаріатъ, что она стала „душеприказчицей“ пролетарскаго чартистскаго движенія. Послѣ того, какъ оно было раздавлено, сама буржуазія стала покровительствовать стачкамъ и трэдъ-юніонамъ, сама буржуазія стала проводить въ жизнь демократическія политическія требованія хартіи чартистовъ (парламентскія реформы 67 и 84 годовъ).

Въ буржуазныхъ революціяхъ общіе политическіе и даже экономическіе лозунги сплошь и рядомъ диктуются противоположными классовыми интересами. Поэтому специфическіе классовые мотивы политическаго движенія нашего пролетаріата ничего не говорятъ *противъ* того, что наша революція буржуазная. Съ другой стороны, позиція, которую даже наша промышленная буржуазія заняла теперь по отношенію къ борьбѣ пролетаріата, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ *за* то, что эта борьба есть объективно—борьба за буржуазную революцію.

Такъ какъ наша оппозиціонная буржуазія видитъ теперь, что удовлетвореніе демократическихъ требованій пролетаріата, можетъ быть, будетъ неизбѣжной цѣной ея собственнаго освобожденія отъ гнета самодержавія, такъ какъ она видитъ, что требованія пролетаріата, не смотря на ихъ экономическую подкладку, непосредственно меньше угрожаютъ классовому господству буржуазіи, чѣмъ тѣ разрушительныя формы, въ которыхъ самодержавіе втискиваетъ пролетарскую борьбу (петербургскіе промышленники это весьма прозрачно высказали въ своемъ обращеніи къ министру финансовъ), то она въ настоящій моментъ сравнительно рѣдко проявляетъ враждебное отношеніе къ движенію пролетаріата. Если, кромѣ единичныхъ случаевъ, еще не замѣтно, чтобы

вліятельные буржуазно-демократическіе слои открыто стали на сторону возстанія, если не замѣтно даже еще, опять-таки кромѣ единичныхъ случаевъ, открытаго присоединенія лѣваго крыла буржуазной оппозиціи къ политическимъ требованіямъ пролетаріата въ цѣломъ, то, съ другой стороны, вся буржуазная оппозиція обнаружила съ самаго начала дружественный нейтралитетъ къ борющемуся пролетаріату (горные инженеры), обнаружила съ самаго начала возмущеніе противъ бѣлаго террора правительства, а въ очень многихъ случаяхъ она, подъ вліяніемъ рабочаго возстанія, заняла гораздо болѣе рѣшительную позицію противъ самодержавія, чѣмъ при Святополкѣ-Мирскомъ, вплоть до отказа при настоящихъ условіяхъ участвовать въ общественныхъ учрежденіяхъ, вплоть до отказа даже аппелировать къ правительству, вплоть до аппеляціи къ крестьянству (московское сельско-хозяйственное общество).

Сопоставляя все это, мы могли бы сказать: русскій пролетаріатъ съ самаго начала революціи выступилъ не только, какъ первая боевая сила, но, благодаря работѣ соціалдемократовъ, такъ же, какъ наиболѣе передовая политическая сила, по крайней мѣрѣ, въ Петерб. и окраинахъ (Польша, Кавказъ). Онъ уже теперь является не только орудіемъ, но и сознательнымъ двигателемъ политическаго самоосвобожденія буржуазнаго общества въ цѣломъ. Именно поэтому мы въ правѣ разсчитывать, что наиболѣе демократическая часть общества должна будетъ выйти, наконецъ, изъ состоянія благожелательнаго нейтралитета и явиться на помощь возставшему пролетаріату; именно поэтому, мы вправѣ разсчитывать на революціонизированіе буржуазной демократіи. До сихъ поръ она связывала свою судьбу съ либерализмомъ; до сихъ поръ только отдѣльные ея элементы, тѣ самые, которые примыкаютъ къ партіи с.-р., временно покидали свои культурническіе муравейники и метались между революціей и реформой. Но прошлое будущему не указъ и, какъ я уже говорилъ, въ смыслѣ революціонизированія общества эпоха гражданской войны радикально отличается отъ историческихъ будней. Въ началѣ Великой Французской Революціи изъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей развѣ только одинъ Камиль Демуленъ былъ республиканцемъ; послѣ 10 августа 1792 года вся Франція была республиканская. Первоначальнымъ лозунгомъ февральской революціи было расширеніе избирательнаго права (уничтоженіе pays légal) и борьба съ финансовымъ развратомъ; рабочіе, одержавши побѣду на барри-

кадахъ, выдвинули новый лозунгъ—республика, и буржуазія присоединились къ новому лозунгу: республиканское временное правительство состояло въ большинствѣ (Ламартинъ, Марра, Гарнье-Пажесъ) изъ бывшихъ монархистовъ-конституціоналистовъ, и даже послѣ іюньскаго пораженія пролетаріата конституанта была еще республиканская. У насъ прокатилась только первая волна пролетарскаго возстанія и притомъ физически она была раздавлена, за нею послѣдуютъ другія волны, болѣе грозныя; въ гражданскую войну вовлекутся и уже вовлекаются крестьянскія массы. Мыслимо ли ожидать, чтобы демократическая интеллигенція при такихъ условіяхъ продолжала съ надеждой и упованіемъ обращать свои взоры на либераловъ? Мыслимо ли ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ на политическую сцену не выдвинулись новые, опирающіеся на мѣщанство, крестьянство и на малосознательные, но революціонно-настроенные слои пролетаріата, элементы революціонной буржуазной демократіи. Если уже теперь появился Гапонъ, то въ будущемъ появятся гапоны.

Революціонная демократія придетъ, и на это указываютъ уже теперь многіе симптомы. Правительство, мобилизируя всѣ темныя силы народа противъ революціи, организуя націоналистическіе погромы, организуя войну „черныхъ сотенъ“ противъ всѣхъ культурныхъ элементовъ націи, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ мобилизаціи революціонныхъ силъ. Раньше только партія пролетаріата призывала народъ къ самовооруженію. Теперь открыто пропагандируютъ самовооруженіе и бакинскіе капиталисты, и московская и петербургская буржуазная интеллигенція.

Если съ самаго начала пролетаріатъ велъ борьбу въ національной атмосферѣ отчасти сочувственной, отчасти нейтральной, то вскорѣ вокругъ него сплотятся активные революціонные союзники.

Но этотъ „союзъ“ сознательнаго пролетаріата съ революціонной буржуазной демократіей не только не ослабитъ классового антагонизма между ними, но, можетъ быть, даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ будетъ содѣйствовать его развитію, и это уже теперь отчасти наблюдается: чѣмъ болѣе активно будетъ участіе буржуазной демократіи въ общей революціонной борьбѣ, тѣмъ больше она будетъ стремиться, въ награду за свое революціонное сотрудничество, эмансипировать пролетаріатъ отъ вліянія соціалдемократіи, т. е. отъ вліянія его собственной классовой идеологіи.

Этими двумя моментами—неизбѣжнымъ революціоннымъ сотрудничествомъ пролетаріата съ буржуазной демократіей, и неизбѣжной

борьбой съ ней за свою политическую самостоятельность—должна опредѣляться постановка нашихъ ближайшихъ тактическихъ задачъ.

II.

(17 марта 1905 г., № 93).

Буржуазныя революціи прошлаго вѣка, совершавшіяся подъ гегемоніей буржуазной демократіи, были революціями красивыхъ порывовъ, широковѣщательныхъ фразъ и эффектныхъ декорацій. Русская революція, совершающаяся подъ гегемоніей пролетаріата,—первая буржуазная революція, которая выдаетъ себя за то, что она есть. Но именно поэтому въ ней, по существу, болѣе глубокое революціонное содержаніе, чѣмъ въ революціяхъ прошлаго вѣка. Партія пролетаріата предъявляетъ старому режиму очень детальный и очень точный счетъ и требуетъ расплаты; но въ этой дѣловитости меньше всего трезвеннаго самоограниченія: партія пролетаріата ни на минуту не забываетъ, что и свободное буржуазное общество, которому она помогаетъ народиться, съ самаго начала несетъ въ себѣ зародыши своей будущей смерти,—и этимъ опредѣляется ея тактика.

„Коммунисты, — говоритъ Коммунистическій манифестъ, — на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ цѣломъ“. Это значитъ, во-первыхъ, что, при диктатурѣ пролетаріата, коммунисты приступятъ къ осуществленію своей главной, конечной цѣли; это значитъ, во-вторыхъ, что при первичныхъ стадіяхъ борьбы пролетаріата съ буржуазіей, они, [1]) выдвигая и отстаивая минимальныя программы, ни на минуту не перестаютъ критиковать буржуазное общество съ точки зрѣнія своей конечной цѣли.

Мы—враги революціонной фразы, и потому мы говоримъ, что настоящая русская революція есть революція буржуазная, несмотря на огромную роль, которую въ ней играетъ пролетаріатъ, несмотря на специфическій отпечатокъ, который пролетаріатъ уже успѣлъ наложить на ея программу; но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, враги „трезвеннаго“ реализма, и потому мы не перестанемъ разоблачать

[1]). См. выше.

ограниченность нашей революціи, каковъ бы ни былъ ея размахъ.

Противъ этихъ принциповъ не станетъ спорить ни одинъ соціалдемократъ. Но недостаточно теоретически соглашаться съ принципами, надо еще согласоваться съ ними свою практическую политику; а чтобы умѣть ихъ согласовать, нужно всегда помнить правило, что положеніе обязываетъ, что наши дѣла сплошь и рядомъ опредѣляются не тѣмъ, чѣмъ мы желаемъ быть, а тѣмъ, къ чему насъ вынуждаетъ логика занятаго нами положенія.

Положеніе обязываетъ. „То, что долженъ дѣлать“ вождь крайней партіи, очутившійся у власти,—говоритъ Энгельсъ,—„то, чего требуетъ отъ него собственная партія, зависитъ не отъ него, но въ то же время и не отъ степени развитія классовой борьбы и не отъ ея условій; онъ остается связанъ своими прежними доктринами и требованіями, которыя также вытекаютъ не изъ взаимнаго положенія общественныхъ классовъ въ данный моментъ, не отъ временныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, отношеній производства и обмѣна, но обуславливается способностью этого вождя къ пониманію общихъ результатовъ соціальнаго и политическаго движенія“. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что партія пролетаріата, очутившись у власти, вынуждена приступить къ коренному соціалистическому преобразованію общества, хотя бы условія для этого не назрѣли; она вынуждена это дѣлать, если не желаетъ съ первыхъ же шаговъ стать въ противорѣчіе съ представляемымъ ею классомъ. Якобинцы 93-го года сопротивлялись соціальнымъ притязаніямъ санкюлотовъ, но логика санкюлотской диктатуры вынудила ихъ осуществить въ самое короткое время всю соціальную программу санкюлотовъ — максимумъ, націонализацію торговли, кредита и проч. Въ 48 году уже одна иллюзія соціальной республики, уже одна иллюзія завоеванной пролетаріатомъ власти навязала буржуазному временному правительству соціальную программу, отъ которой оно всѣми средствами пыталось отвертѣться. „Довольно фразъ“, сказалъ рабочій делегатъ Маршъ Ламартину, „парижскій пролетаріатъ приноситъ республикѣ въ жертву три мѣсяца голода; онъ даетъ вамъ три мѣсяца сроку“. Въ теченіе этого срока парижскій пролетаріатъ ждетъ отъ временнаго правительства практическаго рѣшенія вопроса объ „организаціи труда“, объ обезпеченіи „права на трудъ“. Диктатура парижскаго пролетаріата въ эпоху коммуны 71 года сравнительно мало успѣла развить свою скрытую соціально-революціонную энергію. Но эло

объясняется совершенно исключительной обстановкой, въ которой находилась революціонная коммуна, это объясняется тѣмъ, что почти все вниманіе пролетаріата было въ то время поглощено обороной Парижа, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ содержаніе бланкистскихъ прокламацій, содержаніе и даже названіе бланкистской газеты—„La patrie dangez“ (Отечество въ опасности“), издававшихся еще въ сентябрѣ. Парижскій пролетаріатъ въ 71 году обнаружилъ до извѣстной степени классовое „воздержаніе“. Но если мы вспомнимъ измѣнническое поведеніе буржуазіи по отношенію къ Парижу, находившемуся во власти пролетаріата, если мы вспомнимъ неслыханную кровавую месть буржуазіи за два мѣсяца пролетарской диктатуры, то мы поймемъ, какъ самый фактъ диктатуры форсировалъ бы развитіе классоваго антагонизма, какъ сильно онъ развилъ бы естественную соціальную притязательность пролетаріата, если бы пролетаріатъ не былъ скованъ желѣзнымъ кольцомъ прусской арміи, если бы его диктатура продолжалась, если бы она распространилась на всю страну. Диктатура пролетаріата не можетъ не поставить на очередь дня коренныя соціальныя проблемы буржуазнаго общества, вопросъ объ уничтоженіи безработицы, объ уничтоженіи эксплуатаціи труда и т. п., и партія пролетаріата, очутившись у власти, не можетъ отдѣлываться отъ этихъ вопросовъ добрыми пожеланіями и умными разсужденіями.

Положеніе обязываетъ. Изъ этого вытекаетъ, что, при диктатурѣ пролетаріата, мы должны приступить къ осуществленію главныхъ пунктовъ нашей программы-максимумъ. Изъ этого же вытекаетъ, что выдвигая, вслѣдствіе недостаточнаго развитія классовыхъ противорѣчій, вслѣдствіе преобладанія въ націи элементовъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія мелкой буржуазіи, только минимальную программу, мы должны обезпечить за собою свободу критики той самой буржуазной демократіи, которой революція очистила путь къ власти и на которую падаетъ отвѣтственность за ограниченность выставленныхъ нами требованій. Но, чтобы имѣть свободу критики, мы должны поставить себя въ такое положеніе, которое сняло бы съ насъ всякую отвѣтственность за чужую, за мелкобуржуазную ограниченность, которое бы дало намъ возможность не только теоретически, но и практически разоблачать эту ограниченность. Другими словами, пока мы выдвигаемъ программу минимумъ, мы должны стремиться сохранять положеніе партіи крайней оппозиціи.

Роль партіи крайней оппозиціи наиболѣе революціонная, и эта роль досталась соціалдемократіи въ наслѣдство отъ предшествовавшихъ крайнихъ буржуазно-демократическихъ партій, которыя были истинно революціонны, пока онѣ не были связаны съ властью. Исторія Конвента не можетъ повториться въ буржуазной революціи, но и революціонность Конвента измѣрялась, главнымъ образомъ, давленіемъ на него извнѣ дѣйствовавшей полулегальной коммуны и ужъ ничѣмъ несвязанныхъ съ законной властью санкюлотскихъ обществъ, облегавшихъ коммуну. Робеспьеръ слишкомъ хорошо сознавалъ выгодность, въ интересахъ революціи, сохраненія положенія оппозиціи, и потому онъ до послѣдней возможности уклонялся отъ участія въ министерствѣ; болѣе того, онъ возставалъ противъ такого упрощеннаго метода революціи, какъ насильственное удаленіе жирондистовъ изъ Конвента. Намъ выгоднѣе,—говорилъ онъ,—всегда держать ихъ подъ революціоннымъ контролемъ „добрыхъ гражданъ“.

Въ 48 году наиболѣе послѣдовательнымъ революціонеромъ во Франціи былъ Бланки. „Этотъ человѣкъ стоитъ цѣлаго армейскаго непріятельскаго корпуса“, — говорилъ про него Тьеръ. Бланки принадлежала идея революціонной диктатуры пролетаріата, и буржуазія видѣла въ немъ воплощеніе краснаго призрака. Но именно потому, что онъ стремился къ настоящей диктатурѣ пролетаріата, онъ не хотѣлъ компрометтировать дѣло легкомысленными авантюрами. Когда онъ, въ началѣ февральской революціи, по выходѣ изъ тюрьмы, явился въ Парижъ, его товарищи, озлобленные тѣмъ, что люди изъ National предали революцію, готовились къ походу на ратушу, чтобы насильственно завладѣть временнымъ правительствомъ. Они ждали съ нетерпѣніемъ Бланки въ залѣ Прадо, въ полномъ убѣжденіи, что Бланки одобритъ ихъ планъ и станетъ во главѣ движенія. Но они ошиблись. Явившись на бурное собраніе, Бланки доказывалъ имъ, что ихъ затѣя только сыграетъ на руку контръ-революціи. Вмѣсто захвата временнаго правительства, онъ рекомендовалъ имъ организацію народа въ революціонные клубы. Походъ на правительство всетаки состоялся 15-го мая, вопреки предостереженіямъ Бланки, подъ вліяніемъ революціоннаго соперника Бланки — Барбесса, а еще болѣе, подъ вліяніемъ Губера, оказавшагося послѣ наполеоновскимъ провокаторомъ. И Бланки участвовалъ въ манифестаціи; но онъ это сдѣлалъ, по собственному признанію, только потому, что революціонный вождь долженъ повиноваться толпѣ, которую онъ ведетъ. Но исторія

оправдала не толпу, а ея вождя. Такую же тактику революціонной оппозиціи, которую въ 48 г. рекомендовалъ Бланки парижскому пролетаріату, Марксъ рекомендовалъ въ 50 г. германскому пролетаріату, предполагая повтореніе революціи. Такую же тактику Энгельсъ рекомендовалъ итальянскому пролетаріату въ 94 г. Обычное обвиненіе, которое заговорщики выставляли противъ этой тактики, заключается въ томъ, что она связываетъ энергію народа, охлаждаетъ его революціонный энтузіазмъ. Истинное ея значеніе однако противоположное. Мы не говоримъ пролетаріату: удерживай свои революціонные порывы, чтобы какъ-нибудь не очутиться преждевременно у власти. Мы говоримъ ему: толкай впередъ всѣ революціонные и революціонизирующіеся элементы націи, чтобы, и при максимальномъ развитіи революціи, сохранить за собою свободу революціонной критики.

* * *

Тактика революціонной оппозиціи завѣщана намъ исторіей 48 года. Несомнѣнно, что условія, въ которыхъ находится теперь партія пролетаріата, значительно отличаются отъ условій, въ которыхъ находился пролетаріатъ въ 48 году. Въ то время главная активная политическая роль выпадала на долю буржуазной демократіи, она вчиняла и вела тяжбу со старымъ режимомъ. Пролетаріатъ вмѣшивался въ борьбу только въ рѣшительные моменты, „чтобы не позволить ни одному классу, поднявшемуся на его плечахъ, упрочить свое классовое правительство, не давая рабочимъ простора для борьбы“. У насъ пролетаріатъ и буржуазная демократія обмѣнялись ролями. У насъ тяжба со старымъ режимомъ ведется подъ знаменемъ пролетаріата; у насъ либеральная демократія всегда пассивно выжидала благопріятнаго момента, чтобы использовать замѣшательство правительства въ своихъ интересахъ. И это особенно ярко проявляется въ рѣшительные, критическіе моменты борьбы, какъ, напримѣръ, въ январьскіе дни, но это нисколько не колеблетъ нашего традиціоннаго взгляда на принципы пролетарской тактики въ буржуазной революціи. Теперь, какъ и въ срединѣ прошлаго вѣка, объективный смыслъ революціи есть радикальное раскрѣпощеніе и демократизація общества; теперь, какъ и въ срединѣ прошлаго вѣка, революція расчищаетъ путь къ непосредственному политическому господству буржуазной демократіи. Теперь, какъ и прежде, старый режимъ является колоссальнымъ препятствіемъ для развитія буржуазнаго строя.

Поэтому, мы въ правѣ ожидать, что трезвый политическій разсчетъ въ настоящее время подскажетъ нашей буржуазной демократіи то, что западно-европейской буржуазной демократіи въ прошломъ вѣкѣ подсказывала революціонная романтика. Мы въ правѣ этого ожидать именно потому, что это зависитъ отъ насъ, отъ степени развитія сознательности пролетаріата: революціонная романтика буржуазной демократіи разсѣивалась, какъ дымъ, какъ только пролетаріатъ, участвовавшій съ нею въ борьбѣ, заявлялъ свои притязанія на долю въ добычѣ. Напротивъ того, шансы на участіе буржуазной демократіи изъ разсчета въ нашей борьбѣ должны неизбѣжно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ будетъ обнаруживать ясное пониманіе своихъ интересовъ, по мѣрѣ того, какъ для буржуазной демократіи будетъ становиться очевидной диллема—либо впередъ съ пролетаріатомъ, котораго нельзя обмануть, либо въ пропасть, въ которую толкаетъ весь народъ самодержавное правительство, которой безъ пролетаріата нельзя обойти. Если русскому пролетаріату не приходится ждать пассивно иниціативы отъ буржуазной демократіи, если ему не приходится поддерживать ее въ политической кампаніи, которая ведется по ея плану и подъ ея руководствомъ, то всетаки у него есть возможность воздѣйствовать на буржуазную демократію, привлекая ее, до извѣстной степени, къ своей политической борьбѣ, подчиняя ея борьбу, до извѣстной степени, своимъ политическимъ планамъ. Но этимъ самымъ для партіи пролетаріата создается возможность сохранить на всемъ протяженіи революціи положеніе партіи крайней оппозиціи; толкая буржуазную демократію на борьбу съ общимъ врагомъ, партія пролетаріата подготовляетъ моментъ, когда самые крайніе элементы буржуазнаго общества, сдѣлавши все, на что они способны, исчерпаютъ себя, наглядно показавши на своемъ примѣрѣ всю ограниченность революціонныхъ средствъ буржуазнаго общества.

Мы не можемъ предрѣшить, въ какихъ политическихъ учрежденіяхъ и въ какихъ политическихъ дѣйствіяхъ русская буржуазная демократія исчерпаетъ свои революціонныя средства. Возможно, что развитіе революціи ослабитъ твердый курсъ самодержавія и поведетъ насъ черезъ эфемерный Земскій Соборъ къ Учредительному Собранію и полному народовластію. Возможно, что самодержавіе будетъ сопротивляться до послѣдней крайности, и тогда мы пойдемъ къ той же цѣли черезъ революціонное врем. правительство и Учредительное Собраніе. Но и въ томъ, и дру-

гомъ случаѣ наши основныя задачи тѣ же: мы подготовляемъ и расширяемъ выступленіе, отвоевывая силой свои требованія послѣдовательно у всѣхъ политическихъ элементовъ, которые революція выноситъ наверхъ къ кормилу правленія. Мы послѣдовательно превращаемъ различные общественные элементы изъ политической безформенной массы въ революціонной молотъ, изъ революціоннаго молота—въ наковальню для революціи.

III.

(31 марта 1905 № 95).

Сколько верстъ до Гогулина?

„Коли три версты обходомъ,
прямиками будетъ шесть".
Некрасовъ.

Русская буржуазная революція въ извѣстныхъ отношеніяхъ отличается отъ всѣхъ прошлыхъ революцій. Но что для насъ не ново. Еще въ 1885 г. Плехановъ писалъ: „Для насъ не должно быть потерянымъ то въ высшей степени важное обстоятельство, что соціалистическое движеніе началось у насъ въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зародышѣ. Эта особенность русскаго историческаго развитія... составляетъ безспорный... фактъ, который принесетъ огромную пользу дѣлу нашего рабочаго класса, если только русскіе соціалисты не растратятъ свою умственную и нравственную энергію на постройку воздушныхъ замковъ"... Несмотря на то, что Плехановъ еще 20 лѣтъ тому назадъ указывалъ на исключительную роль, которую сыграетъ въ русской революціи соціалистическая партія, партія пролетаріата, онъ тогда же въ „Нашихъ разногласіяхъ" и позже въ „Задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ" предсказывалъ, что классовые интересы раньше или позже толкнутъ разные элементы буржуазнаго общества въ оппозицію абсолютизму, и что наше буржуазное общество „осмѣлится" на борьбу съ нимъ, когда оно убѣдится, что ему обезпечена поддержка въ рабочемъ движеніи. Предсказанія Плеханова, которыя раздѣлялись всѣми болѣе развитыми элементами нашей соціалдемократіи, теперь съ каждымъ

днемъ все больше подтверждаются. Именно на этомъ прогнозѣ построена наша партійная программа, предполагающая неизбѣжность у насъ буржуазной соціальной революціи. Только въ разсчетѣ на участіе въ революціи буржуазныхъ классовъ, наша программа могла разсматривать предстоящее паденіе самодержавія, какъ явленіе, связанное именно съ ликвидаціей всего стараго сословно-крѣпостническаго режима. Только въ разсчетѣ на революціонную борьбу деревенской мелкой буржуазіи съ помѣстнымъ дворянствомъ, какъ на извѣстномъ проявленіи общей борьбы буржуазнаго общества со „старымъ режимомъ", могла быть построена аграрная часть нашей программы.

Русская соціалдемократія ясно представляла себѣ соціальное содержаніе нашей ближайшей революціи. Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже говорили въ первомъ фельетонѣ (№ 90), когда революція превратилась изъ абстракціи въ осязательный фактъ, нѣкоторые наши товарищи, какъ будто, перестали ее понимать. Соціалдемократы, которые въ очень многомъ рѣзко расходятся между собой, какъ публицисты изъ „Впередъ", съ одной стороны, какъ товарищи Парвусъ, Троцкій, съ другой, сошлись или почти сошлись, на одномъ. Внѣ насъ въ Россіи некому увѣнчать зданіе буржуазной республики, а посему намъ ближе идти обходомъ, чѣмъ прямиками: намъ необходимо будетъ навремя покинуть свой оппозиціонный постъ, замѣстить въ революціонномъ правительствѣ вполнѣ или отчасти буржуазную демократію и, упорядочивши государственное строительство, послѣ первой побѣды буржуазной революціи, подобно Цинцинату, вернуться опять къ своему плугу. Раньше наша соціалдемократическая интеллигенція стремилась къ замѣстительству пролетаріата въ рабочей партіи. Теперь намъ рекомендуютъ болѣе мудреную задачу—замѣстить буржуазныхъ революціонеровъ въ правительствѣ. Наши товарищи собираются разыграть русскую революцію въ видѣ фееріи въ трехъ актахъ. Какъ люди безъ принциповъ, публицисты изъ „Впередъ" и не задумываются надъ тѣмъ, какъ согласовать свой новый „спектакль" со своей прежней марксистской совѣстью. Они не разсуждаютъ, они шумятъ, они рекламируютъ его въ „толпѣ" посредствомъ сильныхъ выраженій и выразительной жестикуляціи. Напротивъ, пылкому воображенію товарищей Парвуса и Троцкаго, конечно, представляется, что именно марксистскій анализъ русской дѣйствительности продиктовалъ имъ ихъ феерію. Анализъ этотъ составляетъ ихъ прелюдію къ пьесѣ.

Прелюдія. И товарищу Парвусу, и товарищу Троцкому нужно доказать, что „кромѣ насъ на революціонномъ полѣ никого нѣтъ“ [1]). Доказываютъ это товарищъ Троцкій и товарищъ Парвусъ разными, отчасти даже противоположными аргументами. Но это ихъ доброму согласію не вредитъ, ибо суть дѣла, конечно, не въ томъ, чтобы „написать умную марксистскую статью“, а въ томъ, чтобы... оправдать извѣстную тактику.

Товарищъ Парвусъ увѣряетъ насъ [2]), что „немедленно за кровавымъ воскресеньемъ, общественная мысль раздѣлалась съ идеей конституціонной монархіи“, что „революція гонитъ идеологію либерализма до ея послѣднихъ политическихъ крайностей“, что „либеральныя партіи... обѣщаютъ больше и даже ставятъ себѣ большія задачи, чѣмъ могутъ исполнить при помощи тѣхъ общественныхъ слоевъ, на которые они опираются“. Но именно потому, что „въ Россіи политическія направленія до сихъ поръ— за исключеніемъ классовой борьбы пролетаріата и соціалдемократіи...—развивались въ эфирныхъ областяхъ идеологіи“, именно потому, что имъ не соотвѣтствуютъ классовые интересы какихъ-нибудь общественныхъ слоевъ, политическій радикализмъ нашей интеллигенціи разсѣется какъ дымъ, въ первый же моментъ сверженія самодержавія, который будетъ не концомъ, а исходнымъ пунктомъ революціонной эпохи.

Товарищъ Троцкій для того, чтобы придти къ тому же выводу, какъ будто бы опрокидываетъ теорію Парвуса на голову; мы говоримъ „какъ будто бы“ потому, что онъ то и дѣло себѣ противорѣчитъ. „Мы имѣемъ въ виду, говоритъ товарищъ Троцкій, не народныя массы, не крестьянство и мѣщанство, которыя, особенно первыя, представляютъ громадный резервуаръ потенціальной революціонной энергіи, но пока еще слишкомъ мало принимаютъ сознательное участіе въ политической жизни страны“ [3]). Отрицая существованіе и условія для развитія у насъ буржуазной демократіи, товарищъ Троцкій имѣетъ въ виду лишь идеологовъ—демократическую интеллигенцію. „У насъ нѣтъ, говоритъ онъ, соціальной почвы (а резервуаръ потенціально революціонной энергіи въ крестьянствѣ и мѣщанствѣ?) для самостоятельной якобинской демократіи, мы это понимали всегда, сами мы являемся продуктомъ этого факта, имъ объясняется наша побѣ-

[1]) См. стр. 172.

[2]) См. предисловіе къ брошюрѣ Троцкаго «До девятаго января».

[3]) См. Троцкій «До девятаго января». Стр. 78.

доносная борьба съ народовольцами, народниками, с.-рами и... наше почти полное революціонное одиночество“ [1]).

Итакъ, съ точки зрѣнія товарища Парвуса, „революція гонитъ идеологію либерализма до его послѣднихъ политическихъ крайностей“. Но это прекратится въ первый же день послѣ побѣдоноснаго натиска, потому что у этого политическаго движенія нѣтъ классовой основы. Товарищъ Троцкій находитъ, напротивъ того, что классовая основа для появленія демократіи есть, что наша мелкая буржуазія представляетъ громадный резервуаръ потенціальной революціонной энергіи; но на этомъ базисѣ еще не выросло и не можетъ вырасти соотвѣтственной идеологической надстройки. Обѣ теоріи одинаково зиждутся на пескѣ.

На чемъ основывается увѣренность товарища Парвуса, что въ полукрѣпостной Россіи, съ ея 130 милл. населеніемъ, при 10 милл. пролетаріевъ, въ революціонную пору не можетъ развиться мелко-буржуазное демократическое движеніе?

Единственно на томъ, что Россія не пережила фазы ремесла и мануфактуры въ ея классической формѣ. Ну, а куда дѣлся огромный слой всякаго рода служащихъ, которые революціонизируются на нашихъ глазахъ, куда дѣлись десятки милліоновъ кустарей, идейное пробужденіе которыхъ отмѣчалось еще въ 80-хъ годахъ (Короленко. Павловскіе очерки), куда дѣлись десятки милліоновъ крестьянъ, опутанныхъ по рукамъ и ногамъ государственной и помѣстной кабалой? А представители либеральныхъ профессій, а разночинцы? Они, говоритъ товарищъ Парвусъ, „стоятъ внѣ производственныхъ отношеній“ и потому „не могутъ имѣть своей классовой программы“. Удивительное разсужденіе! Они стоятъ внѣ производственныхъ отношеній. Слѣдуетъ ли отсюда, что они не солидализируются по необходимости съ тѣми или другими классами? Развѣ зависимость отъ той или другой соціальной кліентеллы, развѣ размѣры и степень устойчивости заработка и многое другое не связываютъ соціальными узами извѣстные слои профессіональной интеллигенціи съ извѣстными общественными классами? У нихъ нѣтъ своей классовой программы; значитъ ли это, что они не становятся на точку зрѣнія общественныхъ классовъ? На недавно состоявшемся съѣздѣ учителей и учительницъ Воронежской губ. была принята слѣдующая резолюція: „мы, учителя и учительницы, находимъ, что вознагра-

[1]) См. стр. 173.

жденіе учителей въ народныхъ школахъ незначительно, что положеніе ихъ крайне тяжело; его можно улучшить лишь въ томъ случаѣ, если улучшится экономическое положеніе крестьянства, а это можетъ случиться съ измѣненіемъ всего государственнаго строя путемъ созыва учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права". Воронежскіе народные учителя поставили точку надъ і; ну, а тѣ, которые не ставятъ точку надъ і, тѣ, которые не сознаютъ, что они „говорятъ прозой", тѣ дѣйствительно прозой не говорятъ? Для товарища Парвуса огромный слой русской интеллигенціи виситъ какъ будто въ воздухѣ, лишенъ какъ будто классовыхъ корней и нитей. Говоря о нашемъ народничествѣ, онъ правильно отмѣчаетъ, что правое крыло его упирается въ земство, которое въ настоящій моментъ составляетъ опору либерализма, а въ будущей парламентарной Россіи составитъ опору аграрной партіи съ консервативными тенденціями. Но, характеризуя лѣвое крыло нашего народничества, онъ не видитъ, онъ по крайней мѣрѣ умалчиваетъ объ его классовой подкладкѣ. Онъ видитъ тамъ „смѣсь беллетристики съ политикой", „смѣсь художественнаго рефлекса жизни съ иллюзіями визіонеровъ". Это всегда признавала наша обычная марксистская критика революціоннаго народничества, но кромѣ того она отмѣчала, и въ этомъ суть дѣла, что въ народническихъ утопіяхъ отражается опредѣленная классовая идеологія—идеологія мелкой буржуазіи.

Товарищъ Троцкій признаетъ потенціальную революціонную энергію нашей мелкой буржуазіи, но отрицаетъ возможность появленія у насъ революціонной интеллигентной демократіи, ссылаясь на то, что мы сами—соціалдемократы—являемся продуктомъ этого факта.

Послѣднее вѣрно и невѣрно. Вѣрно то, что развитіе нашей революціонной интеллигенціи въ свое время уперлось въ стѣну, и что марксизмъ открылъ ей путь къ дальнѣйшему развитію; вѣрно то, что въ 90-хъ годахъ почти вся русская интеллигентная демократія шла подъ знаменемъ марксизма; но вѣрно и то, что дальнѣйшее развитіе соціалдемократическаго движенія, процессъ самоопредѣленія рабочаго класса послужилъ самъ факторомъ для пробужденія буржуазной демократіи: революціонная самокритика нашей марксистской интеллигенціи, въ связи съ ростомъ рабочаго движенія, немало содѣйствовала возникновенію

партіи „Освобожденія“, партіи с.-ровъ и продолжаетъ содѣйствовать радикализаціи буржуазнаго общества.

Вопреки новой теоріи товарищей Парвуса и Троцкаго, мы остаемся и останемся непоколебимо при своемъ старомъ убѣжденіи: въ атмосферѣ буржуазной революціи буржуазно-демократическія движенія должны усиливаться именно благодаря развитію соціалдемократіи, должны тѣмъ болѣе усиливаться, чѣмъ революціоннѣе движеніе рабочаго класса, чѣмъ оно сознательнѣе, чѣмъ оно самостоятельнѣе. Изъ всей новой теоріи вѣрно только то, что наша мелкая буржуазія не можетъ служить базой для прочныхъ консолидированныхъ политическихъ партій. Но это-то какъ разъ не ново, и въ этомъ отношеніи политическія судьбы русской мелкой буржуазіи мало чѣмъ отличаются отъ судебъ западно европейскихъ. Такова ужь противорѣчивая сущность всякой мелкой буржуазіи. Это, однако, не помѣшало ей въ извѣстные періоды играть революціонную роль.

Итакъ, прелюдія товарищей Парвуса и Троцкаго, увы, нисколько не предрасположила насъ въ пользу той оригинальной революціонной пьесы, которую они намъ рекомендуютъ разыграть. Она намъ не объяснила, почему мы очутимся въ революціи въ полномъ одиночествѣ.

Посмотримъ, можетъ сама пьеса насъ вразумитъ.

1-й актъ. „Подготовленіе единовременнаго выступленія пролетаріата всей Россіи“, или, другими словами, „приготовленіе перваго настоящаго натиска“, или, еще другими словами, „назначеніе всенароднаго вооруженнаго выступленія“.

Товарищи Парвусъ и Троцкій исходятъ изъ фантастическаго предположенія, что рѣшительное сраженіе самодержавію дастъ одинъ пролетаріатъ, что рабочія массы во всей Россіи уже теперь прислушиваются только къ нашимъ боевымъ лозунгамъ. Публицисты изъ „Впередъ“ исходятъ изъ другого начала, изъ „самобытной“ теоріи „темнаго царства“:—Про насъ законы не писаны! Шапками закидаемъ!

При такихъ предположеніяхъ разсчетъ крайне упрощается. Ничто не мѣшаетъ имъ поэтому вообразить себѣ, что сраженіе будетъ дано непремѣнно при назначенныхъ имъ условіяхъ: кто станетъ спорить, что было бы выгодно, если-бъ пролетаріатъ возсталъ единовременно во всей Россіи, что было бы выгодно, если-бъ мы могли заранѣе назначить это единовременное выступленіе? Что было бы выгодно, если-бъ мы могли „заказать“ выступленіе передъ

созывомъ учредительнаго собранія, чтобы обезпечить своей побѣдой свободу выборовъ? Но наши утописты и наши „самобытники", ничѣмъ не связанные въ полетѣ своей фантазіи, уже заранѣе принимаютъ желательную имъ диспозицію за непреложный фактъ. Они не видятъ реальной соціально-политической обстановки, въ которой намъ приходится подготовлять выступленіе пролетаріата, они не думаютъ о томъ тернистомъ пути, который насъ долженъ повести къ цѣли—побѣдоносному выступленію: вмѣсто того, чтобы проходить этотъ путь, преодолѣвая всѣ препятствія на немъ, они просто закрываютъ глаза на препятствія и переносятся къ цѣли на крыльяхъ фантазіи, на скатерти-самолетѣ.

Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,—
А по нимъ ходить.

Чтобы отдѣльные революціонные ручьи слились въ одинъ потокъ народнаго выступленія, чтобы это выступленіе было побѣдоносное, мы ставимъ бѣ двойную задачу: 1) Не закрывая глаза на то, что пролетаріатъ далеко не вездѣ еще находится въ состояніи революціоннаго кипѣнія и что рабочія массы далеко не вездѣ еще усвоили себѣ политическій смыслъ настоящей революціи, мы продолжаемъ утилизировать всѣ текущія событія, все, что совершается въ соціально-политической обстановкѣ, окружающей пролетаріатъ, равно какъ и стихійныя броженія въ его собственной средѣ, для развитія его революціонной активности и сознательности. На этой почвѣ мы политически объединяемъ и технически организуемъ его движеніе. 2) Мы стараемся самое революціонную дѣятельность пролетаріата использовать для привлеченія ему союзниковъ въ самыхъ различныхъ элементахъ націи.

Какъ рѣшаютъ эти задачи приверженцы новаго слова? Товарищъ Троцкій декретируетъ:

„Никакія мѣстныя демонстраціи не могутъ уже теперь имѣть серьезнаго политическаго значенія. Послѣ петербурскаго возстанія д о л ж н о имѣть мѣсто т о л ь к о всероссійское возстаніе". Товарищъ Троцкій преодолѣваетъ препятствія тѣмъ, что зажмуриваетъ глаза. Онъ ждетъ момента всенароднаго выступленія; онъ ждетъ, а пока что?... пока онъ рисуетъ намъ художественныя картины будущихъ столкновеній народа съ войсками, распредѣляетъ роли въ этихъ будущихъ революціонныхъ эпизодахъ [1])... Тов. Троцкій,

[1]) См.: Троцкій „До девятаго января", стр. 58—59.

впрочемъ, разрѣшаетъ жизни отступленіе отъ своихъ „чертежей“. Онъ соглашается, что поскольку революціонныя вспышки будутъ самопроизвольно возникать еще до всеобщаго натиска, мы должны энергично ихъ использовать. Приверженцы газеты „Впередъ“—московскіе комитетчики гораздо болѣе строги и неукоснительны: они стараются воспрепятствовать, остановить самопроизвольно возникшее стачечное движеніе, чтобы не сжигать преждевременно энергію пролетаріата въ ожиданіи единовременнаго нападенія. Ихъ не смущаютъ „недоразумѣнія“, которыя на этой почвѣ возникаютъ между соціалдемократіей и рабочей массой, ихъ не смущаютъ протесты рабочей массы противъ комитета,—потому что они заранѣе уже „приписали“ эту рабочую массу къ вѣдомству своего „комитета,“ а этого достаточно, чтобы она обязана была повиноваться. И эта тактика примѣняется въ Москвѣ, въ одномъ изъ сравнительно отсталыхъ районовъ движенія!

Такъ же легко рѣшается приверженцами новаго слова вопросъ о привлеченіи союзниковъ пролетаріатомъ. Они рѣшаютъ его легко, потому что они предрѣшили, что на революціонномъ полѣ мы будемъ одни. Мы, слѣдуя завѣту Коммунистическаго Манифеста, всегда одновременно ставимъ себѣ двойную задачу: 1) мы поддерживаемъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе въ буржуазныхъ классахъ; 2) мы ни на минуту не перестаемъ вырабатывать въ умѣ рабочихъ сознаніе противоположности интересовъ пролетаріата и интересовъ всѣхъ буржуазныхъ классовъ. Наши новаторы ставятъ себѣ либо только вторую задачу, либо (въ извѣстныхъ случаяхъ) только первую. Товарищъ Троцкій въ упомянутой брошюрѣ критикуетъ оппозиціонныя движенія нашей буржуазіи до 9-го января только съ точки зрѣнія сравнительно неподвижнаго идеала послѣдовательнаго демократизма. Но вполнѣ послѣдовательными демократами при настоящихъ историческихъ условіяхъ могутъ быть только соціалдемократы. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ доказать только противоположность между нами и всѣми безъ исключенія буржуазными партіями, а это значитъ выполнить только вторую изъ задачъ, обязательныхъ для соціалдемократа. Но это недостаточно; подъ такой критикой могъ бы подписаться еще, пожалуй, и анархистъ. Для того, чтобы выполнить первую задачу—поддержать оппозиціонное движеніе буржуазіи,—мы должны ввести въ свою критику еще одинъ моментъ. Мы должны указывать не только на то, какою была, какова есть буржуазная оппозиція, но также на то, какою она

становилась, какою она становится, вопреки своей неустойчивости, подъ вліяніемъ событій, подъ вліяніемъ революціонныхъ выступленій пролетаріата. Съ послѣдней точки зрѣнія, намъ открывается возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ оказывать революціонное давленіе на тѣ или другіе элементы буржуазной оппозиціи. Съ первой же точки зрѣнія, всѣ элементы буржуазной оппозиціи сливаются въ „одну сплошную реакціонную массу," въ каждый данный моментъ годную только на сломъ. Учитывая только предательства буржуазной демократіи, предательства, которыя, конечно, никогда не прекратятся и не могутъ прекратиться, мы говоримъ истину, но истину въ духѣ „истинныхъ нѣмецкихъ соціалистовъ," такъ основательно осмѣянныхъ Марксомъ. При такомъ методѣ критики совершенно упраздняется задача, которую мы всегда себѣ ставили—расколоть оппозицію и увлечь лѣвое крыло за собою. При такомъ методѣ критики, она, вопреки нашимъ добрымъ революціоннымъ намѣреніямъ, можетъ быть массой истолкована въ смыслѣ того реакціоннаго хора, который тоже во имя „народа" обрушивается на своекорыстную буржуазную интеллигенцію. Увѣренъ ли тов. Троцкій, что отсталыя массы не истолкуютъ на свой ладъ упрощенную формулу—долой либеральную демократію? Находитъ ли тов. Троцкій, что нѣмецкіе марксисты въ 60-хъ годахъ были неправы, когда они упрекали лассальянцевъ, что они играютъ на руку Бисмарковой демагогіи? А вѣдь у тов. Троцкаго нѣтъ и того оправданія, которое имѣли въ свое время лассальянцы: въ то время пролетаріатъ не стоялъ наканунѣ буржуазной революціи, въ то время платформа прогрессистовъ была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе демократична, чѣмъ платформа Бисмарка [1]).

Такъ же метафизически разсуждаетъ по этому вопросу и „Бюро комитетовъ большинства". Въ революціонную эпоху, когда событія смѣняются съ головокружительной быстротой, когда сегодняшній день не похожъ на вчерашній, когда программа и рамки буржуазныхъ „партій" то и дѣло мѣняются и перестраиваются, „Бюро" находитъ возможнымъ классифицировать буржуазныя оппозиціонныя партіи по системѣ Линнея. Оно фиксируетъ двѣ не-

[1]) Мы отмѣчаемъ „однобокость" брошюры тов. Троцкаго, потому что она, обставленная соотвѣтственнымъ предисловіемъ и послѣсловіемъ, является не просто критическимъ памфлетомъ, а пытается дать политическую директиву.

подвижныя категоріи: 1) земскіе конституціоналисты, 2) союзъ Освобожденія или „демократы". Эти обѣ категоріи буржуазной интеллигенціи абсолютно ненадежны, „по существу не демократы". Имъ „Бюро" принципіально противопоставляетъ „сознательныхъ представителей ремесленниковъ, крестьянъ, пролетарски живущую интеллигенцію", которую оно не называетъ буржуазной интеллигенціей, которую оно считаетъ „по существу" демократичной, повидимому, абсолютно надежною. „Лучшіе изъ (этихъ) настоящихъ демократовъ—прибавляетъ бюро [1]),—скрываются въ оболочкѣ партіи соц.-рев.". Такимъ образомъ, мы пришли къ давно знакомой намъ классификаціи „общества" на буржуазную и трудовую интеллигенцію. И какъ это мы до сихъ поръ не обличили Коммунистическій Манифестъ за его нелѣпую декларацію: „Въ Германіи коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной, въ борьбѣ своей противъ... мелкаго мѣщанства"! Правда, мы не должны смѣшивать положеніе мѣщанства въ Россіи въ настоящій моментъ и нѣмецкаго мѣщанства въ 40-хъ годахъ. Германское мѣщанство было пропитано средневѣковыми цеховыми традиціями; наше мѣщанство теперь прежде всего заинтересовано въ раскрѣпощеніи Россіи. Но все же, если Марксъ былъ правъ,—а мы смѣемъ думать, что онъ былъ правъ,—мы не можемъ говорить о „сознательныхъ представителяхъ" нашихъ ремесленниковъ и крестьянъ, какъ о „настоящихъ демократахъ", „демократахъ по существу". Ихъ двойственная соціальная природа въ наше время можетъ обнаружиться и въ области политической идеологіи. Къ какимъ же практическимъ выводамъ приходитъ „Бюро" на основаніи своей линеевской классификаціи? Оно, повидимому, предполагаетъ, что въ вопросахъ чисто политическихъ мы по отношенію къ „настоящимъ демократамъ" (изъ трудовой интеллигенціи) можемъ пренебречь второй изъ задачъ, завѣщанныхъ намъ Манифестомъ. Оно, очевидно, по отношенію къ „буржуазной интеллигенціи" считаетъ возможнымъ пренебречь первой изъ задачъ, завѣщанныхъ намъ тѣмъ же Манифестомъ. Любопытно было бы знать, какъ „Бюро" отнеслось бы къ бакинскимъ капиталистамъ, организовавшимъ вооруженную охрану совмѣстно съ пролетаріатомъ противъ мелкобуржуазнаго татарскаго „народа"? какъ оно отнеслось бы къ рѣшенію, принятому тремя московскими обществами представителей либеральныхъ

[1]) См. „Впередъ" № 10. Отнош. Р. С.-Д. Р. П. къ либераламъ.

профессій насчетъ самовооруженія народа за счетъ городскихъ думъ?

Оно, вѣроятно, вначалѣ совершенно игнорировало бы ихъ, какъ категорію „буржуазной интеллигенціи“. Когда же ему стало бы извѣстно, что они стоятъ за вооруженіе народа, оно перевело бы ихъ въ категорію „трудовой интеллигенціи“, „демократовъ по существу“. Вѣдь говорилъ уже Войновъ на публичномъ собраніи, что всякій, кто согласенъ дать ружье народу, нашъ союзникъ.

Бюро, правда, и по отношенію къ „буржуазной интеллигенціи“ вспомнило про нашу обязанность „поддерживать всякое оппозиціонное движеніе“. Но изображаетъ оно эту поддержку въ прямо карикатурной формѣ: мы будемъ протестовать противъ насилія надъ либераломъ (!), если оно случится, мы укроемъ бѣгущаго „демократа“, мы не выбросимъ номера Освобожденія, а, по минованія въ немъ надобности, передадимъ его либералу или обывателю! Но вѣдь это не правила политической тактики, скажетъ иной скептикъ, вѣдь это правило тактичности или даже простой элементарной порядочности!

Но „Бюро большинства“ и не задумывается надъ нашими политическими задачами по отношенію къ оппозиціоннымъ движеніямъ либеральной демократіи: „Нашимъ лозунгомъ“, говоритъ оно, „должна быть охрана классовой чистоты рабочаго движенія“. И почему, спрашивается, нѣкіе „ортодоксальные марксисты“ въ свое время такъ обрушились на „экономистовъ“ за то, что они „изолируютъ“ пролетаріатъ въ интересахъ „чисто рабочаго движенія“?!

Резюмируя содержаніе перваго акта предлагаемой намъ революціонной пьесы, мы можемъ сказать: авторы ея поставили себѣ опредѣленную цѣль, которую всѣ они могли бы формулировать словами: „выполненіе этой черной работы революціи, организація выступленія, становится въ данный моментъ нашей высшей политической обязанностью“. И вотъ, ради достиженія этой цѣли, намъ рекомендуютъ такую упрощенную, неподвижную тактику, которая, во 1-хъ, не привлечетъ къ нашему дѣлу широкихъ слоевъ пролетаріата, которая, въ 2-хъ, оттолкнетъ отъ него многихъ возможныхъ союзниковъ, которая, словомъ, приведетъ выступленіе къ фіаско, къ пораженію. Если-бъ это случилось, мы бы до второго акта вовсе не дошли. Но вѣдь изъ того, что пролетаріату рекомендуютъ „новую методу“, еще не слѣдуетъ, что онъ ее

одобритъ. А потому мы приглашаемъ читателя познакомиться и со вторымъ актомъ революціонной пьесы.

2-ой актъ. Побѣдоносное выступленіе кончено,—наступаетъ второй актъ буржуазной революціи, когда соціалдемократія „возносится къ власти, когда она выступаетъ на сцену въ новой роли — государственнаго строителя освобожденнаго буржуазнаго общества. Намъ предлагаются двѣ версіи этого второго акта.

Товарищъ Т. пишетъ: „Революціонное развитіе влечетъ пролетаріатъ, а съ нимъ—нашу партію, къ временному политическому господству"; эквилибристы изъ „Впередъ" провозглашаютъ смѣло „демократическую диктатуру пролетаріата и крестьянства".

Авторы нашей пьесы считаютъ участіе соціалдемократіи во временномъ правительствѣ неизбѣжнымъ, поскольку она не захочетъ угашать свой революціонный духъ. Это должна была доказать „прелюдія" въ пьесѣ; но она, какъ мы видѣли, ничего не доказала. Посмотримъ, не находитъ ли оправданія пропаганда идей соціалдемократическаго временнаго правленія въ соблазнительности этой перспективы.

Для какой цѣли намъ рекомендуютъ временное участіе въ правительствѣ? „Реорганизація бюрократическаго полицейскаго и военнаго аппарата, изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ, замѣна ихъ друзьями народа (!), вооруженіе народа на государственный счетъ—вотъ мѣры, которыя прежде всего должны быть проведены временнымъ правительствомъ", пишетъ тов. Т., а его единомышленникъ, въ частномъ письмѣ, къ этимъ мѣрамъ еще прибавляетъ введеніе восьмичасового рабочаго дня. Газета „Впередъ" выражается менѣе опредѣленно, но болѣе торжественно: „Сторонитесь вы, генералы и сановники, профессора и капиталисты: пролетаріатъ выступаетъ, чтобы построить вамъ вашу буржуазную республику (какая любезность!) и онъ построитъ ее такъ, чтобы наилегче было перестроить ее на соціалистическихъ началахъ, когда придетъ желанный часъ".

Товарищъ Т., конечно, не такъ любезенъ по отношенію къ буржуазіи, какъ газета „Впередъ"; онъ не ставитъ себѣ цѣлью строить для нея ея республику. Онъ обязуется провести во временномъ правительствѣ только нѣкоторыя революціонныя мѣры въ интересахъ пролетаріата и всей демократіи. Рекомендуемыя имъ мѣры хороши; онѣ необходимы для торжества революціи. Но въ условіяхъ буржуазной революціи намъ легче ихъ провести, именно не связывая себѣ рукъ правительственной властью,

не связывая себя оффиціальной отвѣтственностью передъ буржуазнымъ обществомъ въ цѣломъ, намъ легче ихъ провести, именно оставаясь въ оппозиціи, оказывая революціонное давленіе извнѣ на правительство. Послѣ возстанія 10-го августа 1792 года, парижская коммуна по своему почину устроила „Комитетъ общественнаго спасенія“, по своему почину вооружала народъ и очищала администрацію отъ „подозрительныхъ“ элементовъ, „отъ враговъ народа“. Она принимала эти революціонныя мѣры не потому, что получила на то законныя полномочія, не потому, что была облечена соотвѣтственной властью (у власти была Жиронда), а потому, что она была фактическая сила, потому что она участвовала въ побѣдоносномъ возстаніи. Это право—право побѣдоносной революціи—сохранить за собой и нашъ пролетаріатъ послѣ удачнаго выступленія, но только въ томъ случаѣ, если онъ останется фактической силой, если не дезорганизуется его самостоятельная классовая партія, если она не растворится въ революціонной демократіи.

Наше участіе въ временномъ правительствѣ не облегчило бы проведенія революціонныхъ мѣръ; за то оно навязало бы намъ проведеніе такихъ мѣръ, которыя ничего общаго не имѣютъ съ революціей. Вотъ этого-то не видитъ т. Т., это-то игнорируютъ публицисты „Впередъ“. Когда они говорятъ о временномъ правительствѣ, имъ угодно видѣть только его революціонныя задачи по отношенію къ ликвидируемому „старому режиму“, имъ не угодно видѣть его консервативныхъ задачъ въ дѣлѣ охраненія буржуазнаго общества отъ „опасныхъ“ послѣдствій его классовыхъ противорѣчій. Они закрываютъ глаза на антагонистическій характеръ буржуазной революціи. Они этого антагонизма „временно“ не мыслятъ и отсюда заключаютъ, что онъ „временно“ перестанетъ существовать, чтобы облегчить имъ ихъ задачу. Міръ есть моя воля и мое представленіе!

„Соціалдемократическое временное правительство не можетъ совершить въ Россіи соціалистическій переворотъ“, говоритъ тов. Парвусъ, „но уже самый процессъ ликвидаціи самодержавія и установленіе демократической республики даетъ ему благодарную почву политической работы“.

Работы несомнѣнно будетъ много, но вся ли она будетъ благодарная? Станутъ ли утверждать товарищи Парвусъ и Троцкій, что въ періодъ временной диктатуры исчезнетъ классовый антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазнымъ обществомъ, въ

частности, между пролетаріатомъ и революціонной мелкой буржуазіей? Станутъ ли они отрицать, что чувствительность пролетаріата ко всякаго рода эксплуатаціи, ко всякаго рода униженіямъ удвоится, удесятерится, когда пролетаріатъ будетъ чувствовать себя побѣдителемъ?

Какъ же соціалдемократическое временное правительство будетъ реагировать на это неизбѣжное въ революціонную эпоху обостреніе антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазнымъ обществомъ? Какъ же оно примиритъ свой старый партійный долгъ—стоять во главѣ всякого классоваго движенія пролетаріата—со своимъ новымъ обязательствомъ—„строить для буржуазіи ея республику", а стало быть и „охранять" эту буржуазную республику отъ грозныхъ волненій рабочей массы?

Мы изгонимъ изъ администраціи всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ и замѣнимъ ихъ друзьями народа,—говорите вы.

Будутъ ли эти „друзья народа", которыми вы замѣните старыхъ чиновниковъ, охранять интересы крупныхъ или хотя бы мелко буржуазныхъ кредиторовъ противъ должнитиковъ - пролетаріевъ, будутъ ли „друзья народа", которыми вы замѣните старую полицію, арестовывать и предавать „правосудію" пролетаріевъ, посягнувшихъ въ той или другой формѣ на „священную собственность" буржуазіи? будутъ ли „друзья народа", засѣдающіе въ „новыхъ судахъ", судить этихъ „преступниковъ" на основаніи буржуазно-гражданскаго и уголовнаго права? будутъ ли „друзья народа" изъ рядовъ вашей реорганизованной арміи усмирять толпы безработныхъ, учиняющихъ „безпорядки", будутъ ли „друзья народа", которыми вы замѣните прежнихъ тюремщиковъ, лѣсныхъ стражниковъ, городовыхъ и пр. выполнять свои „охранительныя" функціи? Возьметъ ли на себя революціонное Временное Правительство отвѣтственность за дѣянія этихъ „друзей народа", надъ которыми оно будетъ имѣть верховный контроль даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они выбраны народомъ? Конечно, да; иначе Временное Правительство не исполнитъ своихъ обязательствъ по отношенію къ буржуазной республикѣ, которую оно строитъ, иначе оно съ перваго же дня будетъ объявлено врагомъ буржуазной республики.

Я полагаю, что если-бъ тов. Т. опустился изъ „эмпирей, въ которыхъ витаютъ чистые духи", въ реальную обстановку буржуазнаго правительства, хотя бы временнаго, революціоннаго, оно потеряло бы для него соблазнительность.

Мы не скажемъ того же о публицистахъ газ. „Впередъ": они

представляютъ себѣ положеніе временного правительства сравнительно болѣе реально, но это положеніе ихъ не смущаетъ, потому что они несравненны въ своей развязности оппортунистовъ. Вр. правительство, говорятъ они, будетъ осуществленіемъ „демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства“. Что это значитъ? Диктатура предполагаетъ абсолютное единство—единую волю. Въ разсматриваемой комбинаціи единство можетъ быть достигнуто, либо если крестьянство станетъ на точку зрѣнія пролетаріата, т. е. на точку зрѣнія соціализма, либо, если пролетаріатъ станетъ на точку зрѣнія крестьянства, т. е. мелкой буржуазіи. Публицисты „Впередъ“ категорически исключаютъ первую возможность.

Но если такъ, то, по ихъ мнѣнію, мы въ интересахъ революціи должны временно стать на точку зрѣнія мелкой буржуазіи. Почему же они путаются и путаютъ другихъ, почему же они говорятъ, „что и во время борьбы за ея (программы минимумъ) осуществленіе и по окончаніи ея мы должны организовать свои силы для дальнѣйшей борьбы подъ флагомъ минимума нашей программы“ („Впередъ“ № 12)? Потому что въ ихъ устахъ эти слова не имѣютъ реальной цѣны, потому что для нихъ „организовать значитъ написать уставъ“. Эти „вожди“ пролетаріата не смущаются перспективой республиканскаго блока, потому что они „отгородили себя и программой, и тактикой, и организаціей отъ революціонной демократіи“ (см. „Впередъ“ № 13). Но въ періодъ „демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства“, въ періодъ „блока“ перегородка въ тактикѣ и организаціи между революціонной буржуазной демократіей и соціалдемократіей разрушится, потому что у нихъ тогда будетъ одна единая воля.

Что же у нихъ останется для „охраны классовой самостоятельности пролетаріата“? Останется „программа“, останется „писаная конституція“, находящаяся въ полномъ противорѣчіи съ „дѣйствительной конституціей“, останется, словомъ, листъ печатной бумаги, хранящійся въ архивѣ департамента внутреннихъ дѣлъ Временнаго Правительства.

И мы, и газ. „Впередъ“ одинаково признаемъ, что теперь у насъ возможна только буржуазно-демократическая революція. И мы, и газ. „Впередъ“ одинаково признаемъ, что непосредственной причиной ограниченности нашей революціи служитъ тотъ фактъ, что масса націи стоитъ у насъ на точкѣ зрѣнія мелкой буржуазіи. Но изъ этой посылки мы дѣлаемъ для себя прямо

противоположные выводы. Мы стремимся остаться въ положеніи революціонной оппозиціи, чтобы сохранить практическую возможность критиковать ограниченность мелкой буржуазіи, очутившейся у власти. Публицисты „Впередъ“ стремятся раздѣлить власть съ мелкой буржуазіей, сохраняя возможность критиковать пролетаріатъ, буде онъ увлечется иллюзіями. „Мы, говорятъ они, отвергнемъ, какъ утопію, какъ безсознательную провокацію, всякую попытку навязать пролетаріату невыполнимую при настоящихъ соціально-экономическихъ условіяхъ задачу немедленнаго осуществленія максимальной программы, т. е. немедленнаго созданія соціалистическаго строя“. Мы позволимъ себѣ нѣсколько болѣе развить эту перспективу. Какъ мы неоднократно указывали, условія революціонной диктатуры чрезвычайно благопріятны для возникновенія всевозможныхъ соціальныхъ утопій. У нашихъ „диктаторовъ“ не будетъ никакой физической можности опредѣлять, гдѣ тутъ кончается наивная иллюзія, гдѣ начинается „безсознательная провокація“ или даже сознательная. Вотъ, напримѣръ, Эд. Бернштейнъ склоненъ былъ почти во всей революціонной агитаціи, предшествовавшей іюньскимъ днямъ въ Парижѣ, усматривать „безсознательную провокацію“ (см. прим. Бернштейна къ исторіи Эритье). Наши „диктаторы“ хотя во многомъ съ Бернштейномъ не сходятся, но въ мнительности они навѣрно его перещеголяютъ. Какъ же они поступятъ, если ихъ словесные аргументы не въ силахъ будутъ остановить распространенія „безсознательной провокаціи“, угрожающей республикѣ? Не прибѣгнутъ ли они къ тѣмъ „убѣдительнымъ“ аргументамъ власти, къ которымъ прибѣгло министерство „соціалиста“ Мильерана при усмиреніи рабочихъ Шалона и Мартиники?.. Вѣдь Мильеранъ тоже хотѣлъ только „спасти республику“, вѣдь онъ тоже „отгородился“ отъ своихъ буржуазныхъ коллегъ соціалистической „программой“?..

„Самымъ худшимъ изъ всего, что можетъ предстоять вождю крайней партіи, является вынужденная необходимость обладать властью въ то время, когда движеніе еще недостаточно созрѣло для господства представляемаго имъ класса... онъ вынужденъ будетъ (NB!.. Онъ будетъ вынужденъ противъ своей воли) отстаивать не свою собственную партію, не свой собственный классъ, а тотъ классъ, для господства котораго уже созрѣло движеніе. Онъ долженъ будетъ (NB долженъ будетъ независимо отъ его воли) въ интересахъ именно этого движенія (NB,

у насъ, въ интересахъ буржуазной республики) отстаивать интересъ чуждаго ему класса (NB, у насъ—мелкой буржуазіи) и отдѣлываться отъ своего класса фразами (NB! фельетонами „Впередъ“), обѣщаніями и увѣреніями въ томъ, что интересы другого класса являются его собственными. Кто разъ попалъ въ это ложное положеніе, тотъ погибъ безвозвратно“.

Такъ писалъ Энгельсъ, и когда мы на эти слова указываемъ публицистамъ газ. „Впередъ“, эти будущіе „диктаторы“ уже теперь, заблаговременно, изъ одного только Wille zur Macht, начинаютъ какъ бы въ подтвержденіе Энгельса лгать и путать [1]).

Они насъ обвиняютъ въ томъ, что мы „боимся“ власти. Нѣтъ, мы не боимся „власти“, мы только имѣемъ мужество называть вещи своимъ именемъ. Мы говоримъ, если-бъ вы очутились у власти при данныхъ условіяхъ, вы бы окончательно превратились изъ соціалдемократовъ въ буржуазныхъ якобинцевъ и тогда, въ отвѣтъ на вопросы тов. Т., гдѣ у насъ якобинская буржуазная демократія, намъ было бы достаточно указать на васъ пальцемъ.

3-ій актъ. Созывъ Учредительнаго Собранія. Какъ представляютъ себѣ впередовцы финалъ пьесы, мы не знаемъ. Они намъ не говорятъ, какъ они по распущеніи Временнаго Правительства станутъ выпутываться изъ того мелкобуржазнаго блока, въ которомъ они запутались, какъ они начнутъ размежевываться съ тѣми, съ которыми они только что вмѣстѣ княжили, судили и рядили; они намъ не говорятъ, чѣмъ они будутъ руководиться при этомъ размежеваніи, какъ они будутъ рвать новыя связи, скрѣпленныя „кровью и желѣзомъ“ эпохи диктатуры, какъ они будутъ возстановлять старыя растерянныя соціалдемократическія связи на основаніи поблекшихъ воспоминаній о томъ времени, когда они вмѣстѣ съ другими товарищами въ революціонномъ подпольѣ критиковали и „обличали“ идеологовъ мелкой буржуазіи; они намъ не говорятъ, какъ они возстановятъ добрую дружбу съ пролетаріатомъ, съ которымъ у нихъ накопилось за время мелко-буржуазной диктатуры немало „недоразумѣній“, который они, навѣрно, не разъ судили за „безсознательную провокацію“, который ихъ, навѣрно, не разъ упрекалъ за измѣну соціалистическимъ принципамъ, за неисполненныя обѣщанія, за

---

[1]) О достопримѣчательномъ фельетонѣ въ № 13 „Впередъ“ у насъ будетъ съ этими публицистами особый разговоръ.

преступные компромиссы и пр., и пр. Они объ этомъ не говорятъ и совершенно основательно: этимъ-то вѣроятнѣе всего и не придется выпутываться изъ блока—вкусивъ сладкаго, не захочешь горькаго...

Но какъ представляетъ себѣ финалъ пьесы тов. Т.? Онъ, само собой разумѣется, не предлагаетъ намъ „демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства;“ онъ, само собой разумѣется, не допускаетъ возможности блока между соціалдемократіей и революціонной буржуазной демократіей—тѣмъ болѣе, что онъ отрицаетъ существованіе послѣдней. Дѣйствительность, конечно, не мѣняется оттого, что тов. Т. составилъ себѣ объ ней фантастическое представленіе, и Временное Правительство въ буржуазной революціи, конечно, не перестаетъ быть буржуазнымъ оттого, что по предложенію тов. Т. въ немъ засѣдаютъ только добрые соціалдемократы, закрывшіе глаза на непріятные для него пункты правительственной программы. Эту программу придется Временному Правительству всетаки осуществить полностью. Но во всякомъ случаѣ субъективныя представленія тов. Т. и впередовцевъ о финалѣ пьесы должны сильно отличаться другъ отъ друга. Впередовцы признаютъ огромную революціонную роль въ ближайшемъ будущемъ нашей мелкой буржуазіи. Тов. Т. утверждаетъ, что „кромѣ насъ на революціонномъ полѣ никого нѣтъ.“ Если такъ, если подъ нашей революціей нѣтъ широкой національной базы, то естественно ожидать, что Учредительное Собраніе, выражающее волю націи, сдѣлаетъ значительный шагъ назадъ по сравненію съ Временнымъ Правительствомъ, выдвинутымъ однимъ пролетаріатомъ. Съ этой точки зрѣнія намъ пишетъ въ письмѣ единомышленникъ тов. Т. насчетъ финала революціонной пьесы: Послѣ этого, пишетъ онъ, мы „падаемъ съ честью,“ созвавши Учредительны Собраніе и предоставивши этому „легальному“ Собранію отмѣнять норму восьми-часового рабочаго дня, которую мы ввели революціоннымъ способомъ.

Tant de bruit pour une omelette! Столько шуму изъ за пустяковъ! Насъ заставили продѣлать цѣлую одиссею, полную авантюръ и приключеній, и когда мы, наконецъ, достигли власти, какъ партія пролетаріата, благодаря возстанію, сдѣланному пролетаріатомъ, намъ предлагаютъ, выполнивши „черную работу“ революціи, благородно отретироваться, добровольно уступивши власть заѣдомо менѣе прогрессивнымъ общественнымъ силамъ... Признаемся,

что мы на такое великодушіе и на такую скромность совершенно не способны.

Въ отличіе отъ сочинителей „новой методы," мы не стремимся къ власти, неспособной обезпечить господства представляемаго нами класса—пролетаріата. Въ отличіе отъ сочинителей „новой методы" мы не только идемъ съ пролетаріатомъ впереди революціи, но стремимся толкнуть на этотъ путь самые разнообразные элементы націи, для того, чтобы пролетаріатъ не остался одинокимъ въ тяжелой борьбѣ, для того, чтобы соціалдемократіи, послѣ перваго побѣдоноснаго выступленія, не пришлось взвалить на себя отвѣтственность за ограниченность буржуазной революціи, въ которой повинна буржуазность огромнаго большинства націи. Но, если-бъ, независимо отъ нашей воли, внутренняя діалектика революціи, въ концѣ концовъ, всетаки вынесла бы насъ къ власти, когда національныя условія для осуществленія соціализма еще не назрѣли, мы бы не стали пятиться назадъ. Мы бы постановили себѣ цѣлью разбить тѣсныя національныя рамки революціи и толкнуть на путь революціи Западъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ Франція толкнула на этотъ путь Востокъ.

Партія, которая стремится къ диктатурѣ пролетаріата, не имѣетъ права соблазняться мишурой власти, которая сулитъ лишь порвать ея связь съ пролетаріатомъ, и не имѣетъ права уклоняться отъ выполненія полностью своихъ соціалистическихъ обязательствъ, разъ она очутилась у власти. Либо мильеранизмъ, либо марксизмъ!

Мартыновъ.

Какъ Ленинъ углубилъ Энгельса.

(13-го іюля 1905 г. № 108).

Въ высшей степени характерно, что тѣ члены соц.-дем. партіи, которые группировались около газеты „Впередъ" и въ теченіе двухъ лѣтъ занимались возстановленіемъ пресловутаго § 1 устава во всей его ленинской чистотѣ, на своемъ съѣздѣ совершенно позабыли о профессіональныхъ союзахъ, т. е. о наиболѣе

цѣлесообразной организаціи рабочихъ массъ. § 1, долженствовавшій „дать стимулъ организоваться“, былъ благополучно водруженъ на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, но о самихъ организаціяхъ позабыли...

Прошло немного времени, среди русскихъ рабочихъ обнаружилось сильное совершенно стихійное стремленіе къ образованію профессіональныхъ союзовъ, и тогда въ № 8 „Пролетарія“ рабочимъ было дано благословеніе на ихъ новое начинаніе. Невольно пришло намъ тогда въ голову, что кое-кто назвалъ бы такой образъ дѣйствій „хвостизмомъ.“ Но, прочитавши въ № 9 того же „Пролетарія“ статью „Революція учитъ,“ въ которой указывается, что соціалдемократія, т. е. Ленинъ (а кому неизвѣстно, что Ленинъ и соціалдемократія едино суть, тому предлагается прочитать брошюры: „Задачи русскихъ соціалдемократовъ,“ „Что дѣлать“ и газету „Впередъ“) въ своихъ взглядахъ на возстаніе прошла три ступени, мы поняли, что и въ вопросѣ о профессіональныхъ союзахъ взгляды впередовцевъ проходятъ опредѣленныя ступени („стадіи,“ сказали бы наши покойные экономисты). Ступень первая—время „3-го съѣзда“ и полное молчаніе о профессіональныхъ союзахъ; вторая ступень—№ 8 „Пролетарія“ и извѣстное уже намъ благословеніе; третья ступень... Впрочемъ, въ виду нѣкоторыхъ хронологическихъ совпаденій, мы не рѣшаемся утверждать, что мы имѣемъ передъ собою дѣйствительное наступленіе третьей ступени; возможно, что въ интересующемъ насъ случаѣ „десница“ не вѣдала, что творитъ „шуйца.“

Какъ бы то ни было, но въ брошюрѣ „Двѣ тактики соціалдемократіи въ соціалдемократической революціи“ Ленинъ беретъ обратно благословеніе, данное восьмымъ номеромъ „Пролетарія.“ Для вящшаго посрамленія меньшевиковъ онъ съ большимъ сочувствіемъ цитируетъ слѣдующій отзывъ Энгельса о Стефанѣ Борнѣ: „Наборщикъ Стефанъ Борнъ, бывшій дѣятельнымъ членомъ Союза въ Брюсселѣ и Парижѣ, основалъ въ Берлинѣ „рабочее братство“ „(Arbeiter verbrüderung“), которое получило значительное распространеніе и продержалось до 1850 года. Борнъ, талантливый молодой человѣкъ, слишкомъ поспѣшилъ однако съ выступленіемъ въ качествѣ политическаго дѣятеля. Онъ „братался“ съ самымъ разношерстнымъ сбродомъ (Krethi und Plethi), лишь бы собрать вокругъ себя толпу. Онъ былъ вовсе не изъ тѣхъ людей, которые способны внести единство въ противорѣчивыя стремленія, внести порядокъ въ хаосъ. Въ оффиціальныхъ публикаціяхъ его

братства постоянно попадается поэтому путаница и смѣшеніе взглядовъ Коммунистическаго Манифеста съ цеховыми воспоминаніями и пожеланіями, съ обрывками Луи-Блана и Прудона, съ защитой протекціонизма и т. д.; однимъ словомъ, эти люди хотѣли всѣмъ угодить (Allen alles sein). Въ особенности занимались они устройствомъ стачекъ, профессіональныхъ союзовъ, производительныхъ товариществъ, забывая, что задача состояла прежде всего въ томъ, чтобы посредствомъ побѣды завоевать себѣ сначала такое поприще [1]), на которомъ только и могли прочно, надежно осуществиться такія вещи. И вотъ, когда побѣды реакціи заставили вожаковъ этого братства почувствовать необходимость прямого участія въ революціонной борьбѣ,—тогда, само собою разумѣется, неразвитая мысль, группировавшаяся вокругъ нихъ, покинула ихъ. Борнъ принялъ участіе въ Дрезденскомъ возстаніи въ маѣ 1849 года и спасся по счастливому случаю. Рабочее же братство удержалось въ сторонѣ отъ великаго политическаго движенія пролетаріата, какъ обособленный союзъ, существовавшій большею частью на бумагѣ и игравшій до того второстепенную роль, что реакція нашла нужнымъ закрыть его лишь въ 1850 году, а его филіальныя отдѣленія лишь много лѣтъ спустя. Борнъ, которому надо бы собственно называться Buttermilch (кислое молоко), такъ и не сдѣлался политическимъ дѣятелемъ"...

Подчернувши въ этой тирадѣ опредѣленное мѣсто, Ленинъ вполнѣ ясно далъ понять, какой выводъ онъ намѣренъ отсюда сдѣлать. Именно у насъ, въ Россіи,—долженъ гласить этотъ выводъ,—необходимо прежде всего посредствомъ политической побѣды завоевать себѣ поприще, на которомъ могутъ прочно осуществиться такія вещи, какъ стачки, профессіональные союзы и т. д. Заниматься теперь устройствомъ стачекъ и профессіональныхъ союзовъ значитъ забывать о необходимости такого завоеванія. А кто у насъ занимается устройствомъ всѣхъ этихъ вещей? Меньшевики. Что въ дѣятельности меньшевиковъ устройство стачекъ, профессіональныхъ союзовъ занимаетъ не единственное мѣсто и что о завоеваніи „поприща" они не забываютъ, это Ленинъ отлично знаетъ; но такъ какъ онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, оглушить своего читателя, то онъ торопится подсказать ему выводъ: слѣдовательно, меньшевики представляютъ изъ себя совре-

[1]) Курсивъ Ленина.

менныхъ Борновъ и съ ними должны случиться всѣ тѣ скверныя вещи, которыя приключились съ Борномъ, включая сюда и то, что какой-нибудь будущій Ленинъ обругаетъ ихъ „кислымъ молокомъ“.

Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Прежде всего, кислое молоко оказывается плодомъ... ну, скажемъ, нѣсколько вольной фантазіи переводчика. Энгельсъ пишетъ: „Born, der eigentlich Buttermilch heisst“..., что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: „Борнъ, настоящее имя котораго Буттермильхъ...“ Ленинъ же переводитъ: „Борнъ, которому надо бы, собственно, называться кислымъ молокомъ“... Надо бы! Очевидно, для посрамленія меньшевиковъ. Какъ было бы хорошо, если бы Энгельсъ дѣйствительно написалъ такъ, какъ ему подсказалъ Ленинъ! Къ сожалѣнію, Энгельсъ зналъ то, чего не зналъ углубившій его Ленинъ,—что „Стефанъ Борнъ“ былъ литературный и революціонный псевдонимъ, а Буттермилхъ—настоящая фамилія. Но Энгельсъ зналъ еще и многое другое, а потому надежда опереться на него, какъ на представителя правовѣрной твердокаменности, оказывается совершенно тщетной. Энгельсъ не одобрялъ организаціи созданной Борномъ за то, что она устраивала стачки и профессіональные союзы, прежде чѣмъ политическія завоеванія были окончательно закрѣплены. А такъ какъ и наши меньшивики занимаются устройствомъ стачекъ и профессіональныхъ союзовъ, прежде чѣмъ и т. д., то значитъ Энгельсъ не одобрялъ бы ихъ и, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ основателей научнаго соціализма оказывается сторонникомъ тактики впередовцевъ.

Ну, а другой основатель научнаго соціализма? Что думалъ Марксъ о занимающемъ насъ тутъ вопросѣ? Открываемъ его „Нищету философіи“, написанную зимою 1846—47 г., и на стр. 143 русскаго перевода читаемъ: „Чѣмъ сильнѣе развивается промышленность, тѣмъ болѣе является элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ коалиціи; а когда коалиціи становятся экономическимъ фактомъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтающимъ все большую устойчивость, то онѣ по необходимости становятся въ скоромъ времени фактомъ законнымъ“.

„Поэтому, соотвѣтствующая статья уголовнаго кодекса доказываетъ только, что во время Учредительнаго Собранія и при Имперіи крупная промышленность и конкурренція не были еще достаточно развиты“.

И далѣе, на стр. 145: „Первыя попытки рабочихъ къ соединенію между собою всегда принимаютъ форму коалицій“.

„Крупная промышленность скопляетъ въ одномъ мѣстѣ массу неизвѣстныхъ другъ другу людей; конкурренція разъединяетъ ихъ интересы. Но охрана заработной платы отъ паденія,—этотъ, общій имъ всѣмъ и противоположный хозяйскому, интересъ соединяетъ рабочихъ на одной и той же мысли сопротивленія: коалиціи. Такимъ образомъ, коалиція всегда имѣетъ двойную цѣль: прекратить конкурренцію между рабочими, чтобы быть въ состояніи общими силами конкуррировать съ капиталистомъ. Если первой цѣлью сопротивленія являлось лишь поддержаніе заработной платы, то потомъ, по мѣрѣ объединенія самихъ капиталистовъ на идеѣ обузданія рабочихъ, отдѣльныя коалиціи этихъ послѣднихъ формируются въ группы, и, въ виду всего объединеннаго капитала, сохраненіе союза становится для нихъ необходимѣе самой охраны заработной платы отъ паденія. До какой степени это вѣрно, показываетъ тотъ фактъ, что рабочіе, къ крайнему удивленію экономистовъ, жертвуютъ значительной частью своей заработной платы въ пользу союзовъ, основанныхъ, по мнѣнію этихъ экономистовъ, лишь ради заработной платы. Въ этой войнѣ,—настоящей междуусобной войнѣ—соединяются и развиваются всѣ необходимые элементы будущихъ битвъ. Дойдя до этой ступени, коалиція принимаетъ политическій характеръ“.

Итакъ, Марксъ думалъ, что 1) коалиціи (профессіональные союзы и стачки тожъ) суть столь же естественное проявленіе крупной промышленности, какъ, скажемъ, кризисы и безработица; 2) коалиціи въ своемъ развитіи разбиваютъ тѣ юридическія нормы, которыя должны препятствовать самому ихъ существованію, и 3) слѣдовательно, не противополагаются политической борьбѣ, а являются однимъ изъ ея элементовъ. Рѣшительно то же самое утверждаетъ вызвавшая ленинскій гнѣвъ резолюція первой общерусской конференціи о профессіональныхъ союзахъ. Марксъ, слѣдовательно, подтверждаетъ тактику меньшинства. Остается Энгельсъ. Неужели между нимъ и Марксомъ существовало крупное разногласіе по этому вопросу? Если бы это было такъ, то оно было бы гдѣнибудь высказано Энгельсомъ. Но не только ничего подобнаго нѣтъ, но извѣстно, что второе нѣмецкое изданіе „Нищеты философіи“ вышло съ предисловіемъ и примѣчаніями Энгельса, писанными около того же времени, когда были писаны вышеприведенныя строки о Стефанѣ Борнѣ. И Энгельсъ ни однимъ словомъ не

обмолвился о своемъ несогласіи съ Марксомъ. Не странно ли это?

Намъ кажется, что Ленинъ не такъ бы торопился опираться на Энгельса, если бы вспомнилъ то, что онъ же, Ленинъ, писалъ парой страницъ раньше объ экономической отсталости Германіи. Если при крупной промышленности коалиціи играютъ громадную революціонную роль, то при господствѣ мелкаго производства ихъ роль сводится къ бурѣ въ стаканѣ воды, а, само собою разумѣется, что такого рода дѣятельность въ революціонную эпоху не могла встрѣтить симпатій ни у Маркса, ни у Энгельса. Пусть Ленинъ скажетъ, что такую же роль стачки играютъ и въ современной Россіи, и тогда у насъ пойдетъ разговоръ другого рода. Не споримъ, диктатура пролетаріата и крестьянства, какъ она мерещится Ленину, скорѣе осуществима,—если она вообще осуществима,—при тѣхъ производственныхъ отношеніяхъ, какія господствовали въ Германіи 48 года, но это не даетъ права ему, Ленину, выкидывать за бортъ экономическія основы современной Россіи и роль пролетаріата въ современномъ революціонномъ движеніи.

Замѣтимъ, впрочемъ, что даже по отношенію къ тогдашней Германіи Мерингъ находитъ сужденіе Энгельса о дѣятельности Борна не совсѣмъ правильнымъ. Ленинъ умудряется соглашаться и съ Мерингомъ, и съ Энгельсомъ, прибавивъ только, что „Мерингъ выражается черезчуръ мягко и уклончиво“. Вотъ уже качества, въ которыхъ никто до сихъ поръ не заподозрилъ Меринга! И въ чемъ заключается мягкость и уклончивость Меринга, Ленинъ такъ и не объяснилъ. Кромѣ приводимаго Ленинымъ (на стр. 106 его брошюры) мнѣнія Меринга о Борнѣ, тотъ же Мерингъ высказался объ этомъ же предметѣ въ своей „Исторіи нѣмецкой соціалдемократіи“, и вотъ что мы тамъ читаемъ: „Поскольку можно, на основаніи источниковъ, судить о рабочемъ движеніи 1848 года, въ германскихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ, то, за исключеніемъ Рейнской провинціи и отчасти Вестфаліи, оно могло только вращаться въ кругѣ идей тогдашней французской соціалдемократіи и не идти дальше такихъ вопросовъ, какъ организація труда, права на трудъ, министерство труда. Стадія безцѣльныхъ голодныхъ бунтовъ была далеко позади, хотя кое-гдѣ еще приходилось наблюдать разрушеніе машинъ. Утопическій цеховой коммунизмъ (Handwerker kommunismus) въ главныхъ чертахъ тоже былъ уже превзойденъ; Вейтлингъ, явившійся въ Бер-

линъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, не смогъ найти никакой почвы среди тамошнихъ рабочихъ и принужденъ былъ, выпустивъ только нѣсколько номеровъ, закрыть основанную имъ газету Urwähler, вслѣдствіе отсутствія читателей. Но тогдашнее рабочее движеніе еще не созрѣло для точки зрѣнія Коммунистическаго Манифеста, который можетъ стать знаменемъ массового движенія только тогда, когда крупная промышленность является типичной формой производства въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ тогдашней восточной Германіи. Если Борнъ хотѣлъ дать рабочимъ классовую организацію, то онъ долженъ былъ считаться съ тѣмъ кругомъ идей, въ которомъ пока только и могли вращаться эти рабочіе, и онъ употребилъ немало энергіи, чтобы ихъ вывести за предѣлы этого горизонта". Это мѣсто можетъ очень не нравиться Ленину, онъ можетъ даже обругать Меринга по этому поводу Buttermilch (что, кстати, въ переводѣ на русскій языкъ значитъ сыворотка, а не кислое молоко), но уклончивости тутъ и слѣда нѣтъ.

Въ той же „Нищетѣ философіи" Марксъ между прочимъ говоритъ: „Когда приходится дать себѣ ясный отчетъ относительно стачекъ, коалицій и другихъ формъ, подъ которыми пролетаріатъ совершаетъ на нашихъ глазахъ свою классовую организацію, то однихъ охватываетъ самый реальный страхъ, другіе выказываютъ „трансцендентальное презрѣніе". Трансцендетальное презрѣніе къ коалиціямъ обнаружили „чистые соціалисты" 40-хъ годовъ, относившіеся отрицательно къ политикѣ и видѣвшіе въ устройствѣ коалицій занятіе политикой. Трансцендентальнымъ презрѣніемъ къ коалиціямъ проникнутъ и чистый политикъ—Ленинъ. Еще разъ крайности сходятся.

Кольцовъ.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСК
АКАДЕМИИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I. Русская революція и Европа. Международный соціализмъ.

стр.

Европейскій судъ надъ рус. революціей. *Л. Мартова* . . . 5
Первое мая. *Его же* 9*
Tua res agitur. *Парвуса* 17
Къ амстердамскому конгрессу. *Л. Мартова* 23
Быть ли соціализму національнымъ. *Его же* 28
Въ Амстердамѣ. *Г. Плеханова* 38
Международное товарищество рабочихъ. *Его же* 87
Противъ войны. *Ф. Дана* 97
Объединеніе франц. соціалистовъ. *Г. Плеханова* 102

ОТДѢЛЪ II. Основы тактики.

Нашъ съѣздъ. *Л. Мартова* 113
Объединеніе рос. соціалдемократіи и ея задачи. *П. Аксельрода* . 122
Объ источникѣ и значеніи нашихъ организаціонныхъ разногласій. *Его же* 147
Письмо къ товарищамъ-рабочимъ. *Его же* 155
Политическія письма. *Н. Троцкаго* 167
На очереди („Рабоч. партія и захватъ власти“). *Л. Мартова* . 177
Къ вопросу о захватѣ власти. *Г. Плеханова* 190
Революціонныя перспективы. *Мартынова* 200
Какъ Ленинъ углубилъ Энгельса. *Кольцова* 237

ЛИОТЕКА
ПРОФЕССУРЫ

Н. БЕЛЬТОВЪ (Г. Плехановъ):

За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей литературныхъ, экономическихъ и философско-историческихъ. Изд. II. Спб. 1906 г.—Ц. 2 р. 60 к.

Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Изд. III. Спб. 1906 г.—Ц. 1 р. 50 к.

Критика нашихъ критиковъ. (Г-нъ П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи соціальнаго развитія. Cant противъ Канта или духовное завѣщаніе г. Бернштейна. Конрадъ Шмидтъ противъ К. Маркса и Фр. Энгельса. Кантіанизмъ или матеріализмъ. Еще разъ матеріализмъ. Пессимизмъ Чаадаева. и др. ст.).—Спб. 1906 г. Ц. 2 р.

Столѣтіе Великой революціи. Спб. 1906 г.—Цѣна 7 коп.

А. ПОТРЕСОВЪ (Старовѣръ):

Этюды о русской интеллигенціи. Сборникъ статей.—Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Артельная эпопея.—О „наслѣдствѣ“ и „наслѣдникахъ“.—О разночинцѣ скитальцѣ. — Что случилось. — Современная весталка. — О двуликой демократіи.—Наши злоключенія.

С отправлением
г. Шип—
29/XII-64

Цѣна 60 коп.

Складъ изданія въ книжн. магазинахъ: «**Общественная Польза**» (С.-Петербургъ, Б. Подъяч., 39, соб. д.) и «**Трудъ**» (Спб., Невскій, 60; Москва, Тверская, 38).